

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-07-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-07-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владивостокского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremeteva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

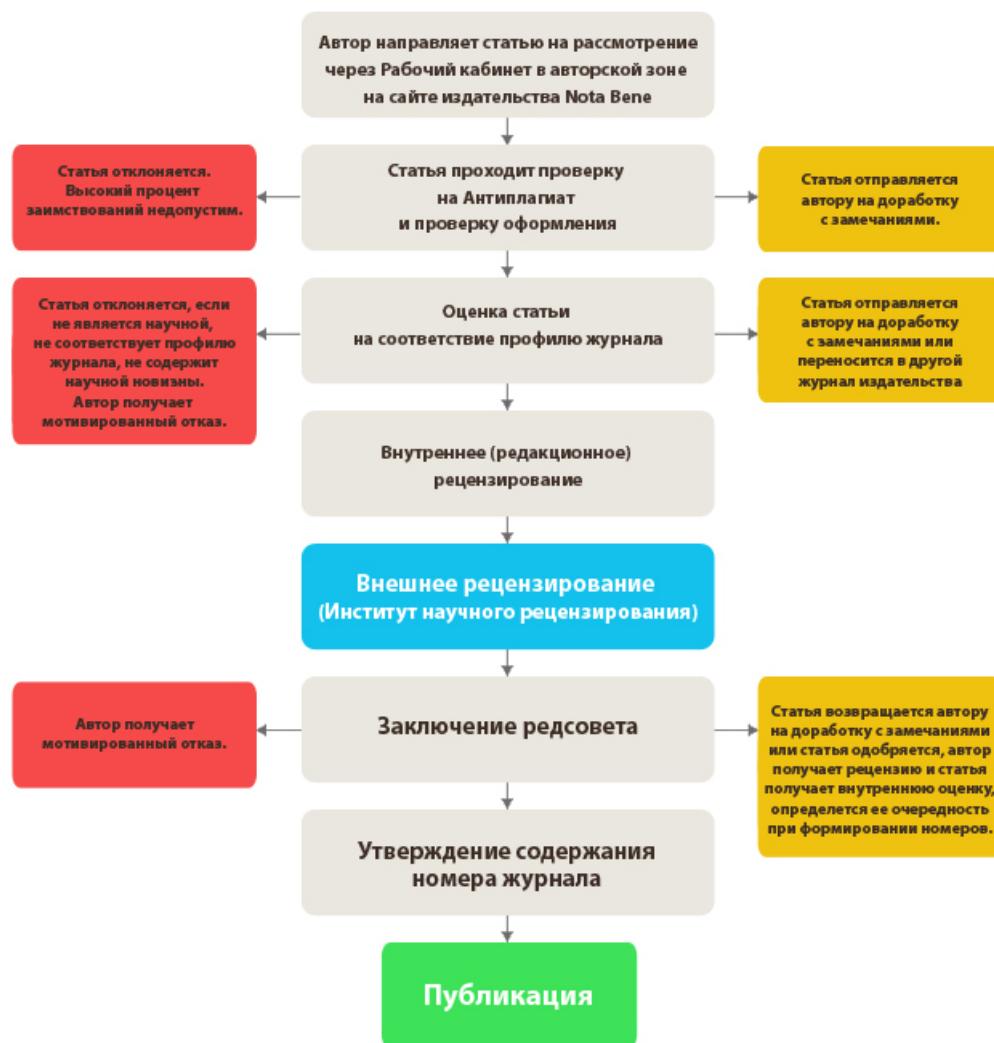
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Хакимова Г.А., Захарова С.А. Метафорические термины как источник обогащения ветеринарной терминосистемы в немецком языке	1
Божанова К.С. Особенности межъязыковой передачи религиозной лексики при переводе романа Л.Н. Толстого «Воскресение» на английский язык	18
Дуктова Л.Г. Культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков	33
Ван Л. Освоение способов указания на транспорт при овладении русским языком как родным и как иностранным	43
Радус Л.А., Голобородченко Е.С. Языковые средства как инструмент создания положительного имиджа государства в системе межгосударственных отношений (на примере инициативы по глобальной безопасности КНР)	54
Маринина Ю.А., Малютина О.А. Пушкинский миф в современной литературе для детей (на материале произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН (Ирины Крестьевой))	70
Егошкина В.А. Речежанровая специфика просветительских аудиоподкастов	79
Шэнь И. Виды китайских заимствований и способы их перевода на русский язык	95
Англоязычные метаданные	105

Contents

Khakimova G.A., Zaharova S.A. Metaphorical terms as a source of enrichment of the veterinary terminology system in German	1
Bozhanova K.S. Translation Peculiarities of Religious Terminology in L.N.Tolstoy's Novel "Resurrection" into English	18
Duktava L.G. Cultural codes in epic works of Belarusian literature at the turn of the XX-XXI centuries	33
Wang L. Mastering the ways of indicating transport when mastering Russian as a native and as a foreign language	43
Radus L.A., Goloborodchenko E.S. Language as a tool for creating a positive Image of the state in the system of Interstate Relations (using the example of China's Global Security Initiative)	54
Marinina Y.A., Malyutina O.A. The Pushkin Myth in modern literature for children (based on the works of K. Strelnikova, M. Bershadskaya, Ai eN (Irina Krestyeva))	70
Egoshkina V.A. The speech genre specifics of educational audio podcasts	79
Shen Y. Types of Chinese loanwords and their ways of translation into Russian	95
Metadata in english	105

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Хакимова Г.А., Захарова С.А. Метафорические термины как источник обогащения ветеринарной терминосистемы в немецком языке // Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70929 EDN: JBPBDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70929

Метафорические термины как источник обогащения ветеринарной терминосистемы в немецком языке**Хакимова Гульнара Ансаровна**

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра иностранных и русского языков; Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА имени К. И. Скрябина

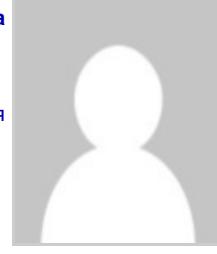
109472, Россия, г. Москва, ул. Акад. Скрябина, 23

g.khakimowa@yandex.ru**Захарова Светлана Алексеевна**

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных и русского языков; Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА имени К. И. Скрябина

109472, Россия, г. Москва, ул. Академика Скрябина, 23

s.zakharova77@gmail.com[Статья из рубрики "Язык"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.6.70929

EDN:

JBPBDL

Дата направления статьи в редакцию:

30-05-2024

Дата публикации:

06-06-2024

Аннотация: Объектом исследования являются термины-метафоры в ветеринарной терминосистеме в современном немецком языке. Рассматриваются процессы метафоризации ветеринарной лексики как один из источников формирования

терминологии, описывается роль метафоры в ветеринарном дискурсе с точки зрения когнитивного подхода; проводится анализ ветеринарных метафор в семантическом, структурном и этимологическом отношениях. В семантическом отношении термины-метафоры ветеринарной терминосистемы авторами были объединены в 5 тематических группах, а именно, «Части тела животного», «Заболевания, их симптомы и патологии», «Животные и живые организмы», «Ветеринарный инструментарий и лекарственные препараты» и «Диагностические и лечебные мероприятия». Были выявлены такие виды метафорического переноса как по сходству формы и внешнего вида, по сходству функций, по сходству производимого впечатления, по сходству местоположения и по сходству в способе представления действий. Основными методами исследования, обусловленными его целью, являются семантический, структурно-функциональный, метод лингвистического наблюдения и описания, кроме того, использованы элементы количественного анализа. Материалом для анализа послужили метафорические термины в области ветеринарии, взятые из «Немецко-русского ветеринарного словаря» В. А. Бесхлебнова, а также ветеринарного лексикона на немецком языке. К основным выводам проведенного исследования относится то, что в структурном отношении наиболее продуктивной словообразовательной моделью среди ветеринарных терминов-метафор являются детерминативные композиты, далее по убыванию следуют терминологические словосочетания, подразделяющиеся на атрибутивные, генитивные, атрибутивно-генитивные и препозициональные, менее продуктивными являются производные метафоры и выявлены единичные случаи однословных метафор. С этимологической точки зрения в ветеринарной терминосистеме представлены термины-метафоры в основном немецкого происхождения, заимствования из других языков встречаются в небольшом количестве. Метафорические термины прочно укореняются в ветеринарном дискурсе, являясь одним из источников пополнения ветеринарной терминологии. Метафоризация ветеринарной лексики в немецком языке создает семантически однoplановое значение термина, лишенное оценочного элемента и обобщенно отражающее реальные связи предметов, что отвечает требованиям, предъявляемым к термину, и поэтому способствует распространенности и продуктивности данного способа терминообразования.

Ключевые слова:

термин-метафора, метафорический перенос, ветеринарная терминосистема, ветеринарный дискурс, немецкий язык, терминообразование, метафоризация, детерминативные композиты, терминологические словосочетания, термин-гибрид

Настоящее исследование посвящено рассмотрению концептуальных метафор зооморфного свойства как моделей образного переноса. Метафора является сложнейшим, не изученным до конца явлением. Это универсальное речевое средство пронизывает все сферы жизни человека. Метафоризация относится к семантическому способу словообразования и предполагает расширение смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств. Мы обратились к проблеме метафорической номинации с целью осмысления и систематизации процессов метафоризации в ветеринарном дискурсе на основе определения ее потенциала как источника обогащения ветеринарной терминосистемы в немецком языке, выявления тематических групп метафорических терминов в области ветеринарии, видов метафорического переноса, наиболее продуктивных типов метафорических терминов в структурном, морфологическом и этимологическом

отношениях.

Объектом нашего исследования являются термины-метафоры, употребляющиеся в современном немецком языке в области ветеринарии. Корпус метафорических ветеринарных терминов составил 1426 номинаций. Основными методами исследования, обусловленными его целью, являются семантический, структурно-функциональный, метод лингвистического наблюдения и описания, кроме того, использованы элементы количественного анализа. Материалом для анализа послужили метафорические термины в области ветеринарии, взятые из «Немецко-русского ветеринарного словаря (с указателем русских терминов)» В. А. Бесхлебнова (М., 1996)[\[1\]](#), а также ветеринарного лексикона на немецком языке (Wiesner E., Ribbeck R. Lexikon der Veterinärmedizin. 4., völlig neu bearb. Aufl. Stuttgart: Enke im Hippokrates Verlag GmbH, 2000) [\[2\]](#).

Теоретико-методологическую основу исследования составляют публикации отечественных и зарубежных лингвистов. Исследованию вопросов связи языка и мышления в метафоре и «концептуальных метафор» посвящены труды Дж. Лакоффа и Д. Джонсона. Попытки типологизации метафорических моделей были предприняты в работах ряда ученых (В. Г. Гак, Г. Н. Скляревская, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, С. С. Гусев, В. И. Шувалов, В. К. Приходько, Л. Г. Юсупова). Описание теории когнитивной метафоры и ее функций дано у В. К. Харченко. Выявлению взаимосвязи концепта как ключевой точки, связывающей когнитивную сферу человека и его языковую деятельность, и слова (или группы слов) посвящена работа И. А. Стернина. Н. А. Мишанкина в своей монографии освещает фундаментальные принципы когнитивно-дискурсивного подхода к научной метафоре, выделив и обосновав общие закономерности метафорического моделирования научного дискурса. Роль метафорического моделирования в научном дискурсе освещена также в работах Н. М. Наэр, Е. О. Опариной, Э. А. Лапиня.

Одна из самых известных в современной лингвистике теорий метафоры, получившая название когнитивная теория метафоры, была предложена американскими исследователями Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Ученые выдвинули положение, в соответствии с которым частные языковые выражения, воспринимающиеся как иносказание, т. е. описание одной сферы опыта в терминах другой, являются продуктом системного соответствия между семантическими полями (conceptual domains). Комплексы таких соответствий они назвали «концептуальными метафорами» или «метафорическими концептами» (conceptual metaphor) [\[3, с. 28\]](#). Суть метафоры, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [\[3, с. 27\]](#). Ученые различают три основные группы концептуальных метафор: ориентационные, опирающиеся на архетипические пространственные оппозиции, онтологические, которые представляют события, деятельность, эмоции, мысли и т.п. в терминах физических сущностей, и структурные, представляющие собой проекцию когнитивной структуры одной сущности на другую [\[3, с. 35, 49, 97\]](#).

В. Г. Гак предлагает различать с точки зрения соотношения формы и значения два типа метафоры: полную, при которой формирование переносного значения не связано ни с какими изменениями структуры слова, и частичную, когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении. В плане содержания типология метафор включает, по В. Г. Гаку, два аспекта: а) степень метафоричности и структурно-

семантические типы единиц; б) типы метафорических переносов [4, с. 13-14]. В вопросе типологизации метафор ученый делает замечание, что «при метафоризации не следует обязательно искать общих схем, свойственных словарным определениям двух слов. Здесь речь идет скорее об общих ассоциациях, зачастую трудно определимых, ибо метафора зарождается на базе расплывчатых понятий, которыми оперирует человеческое подсознание» [4, с. 15].

Н. Д. Арутюнова выделяет предикатную и идентифицирующую метафору. В случае идентифицирующей метафоры семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного (многопризнакового) значения другим. Метафорический перенос в данном случае обычно опирается на сходство предметов по какому-либо внешнему, очевидному признаку. Что касается процесса метафоризации предикатного значения, то по Н. Д. Арутюновой, он сводится к присвоению объектам «чужих» признаков, т. е. признаков, свойств и состояний, принадлежащих другому классу объектов или относящихся к другому аспекту данного класса. Ученый различает номинативную, образную, когнитивную и генерализирующую метафору [5, с. 333, 335, 340].

В. Н. Телия считает, что метафора как одно из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир [6, с. 134-135]. Ученый делит метафоры на идентифицирующие, концептуальные и образные. Спецификой идентифицирующих метафор с дескриптивным (конкретным) типом значения, является сходство их обозначаемого и того образа, который становится этимологической внутренней формой метафорического значения. Концептуальные метафоры приводят к формированию абстрактного значения. Под образными метафорами В. Н. Телия понимает оценочные и оценочно-экспрессивные метафоры [6, с. 141-144].

К трем известным метафорическим моделям Дж. Лакоффа и М. Джонсона Л. Г. Юсупова добавляет инвариантно-кластерную модель образования метафор, основанную на потенциальных семантических компонентах, в том числе антропоморфического характера. С их помощью осуществляются метафорическая концептуализация и категоризация мира и самого человека в нем [7, с. 112].

В. И. Шувалов выделяет три основные категории метафор: инновативные, конвенциональные и лексикализованные или латентные. [8, с. 14]. В первых двух случаях, как правило, требуется релевантная контекстная информация, погружение в дискурс; напротив, для латентной метафоры, являющейся самостоятельным и самодостаточным элементом вокабуларя, контекст не обязателен. [8, с. 168; 9, с. 150-151].

В. К. Приходько, положив в основу классификации критерий соотнесённости нормы и отступления от нормы, различает языковые метафоры, т. е. «узуальное значение многозначного слова, зафиксированное в толковых словарях», и речевые, т. е. «окказиональные значения, которые ещё не вошли в узус и могут впоследствии не стать узуальными в силу их закреплённости за конкретным контекстом, а также из-за отсутствия потребности в них при повседневном общении». Речевые метафоры ученый делит дальше на традиционные поэтические метафоры и индивидуально-авторские, среди которых исследователь выделяет сквозные (используемые во многих произведениях одного автора) и уникальные [10, с. 117-118].

В. К. Харченко предлагает достаточно подробную классификацию функций метафор: номинативную, информативную, мнемоническую, стилеобразующую, текстообразующую,

жанрообразующую [11, с. 12-25]. Одной из функций метафоры В. К. Харченко называет эвристическую, проявляющуюся в ее использовании в научных текстах, поскольку научный стиль речи нуждается в художественном сравнении, образе. Рождение термина, по мнению исследователя, начинается с метафоры [11, с. 29]. Помимо этого, исследователь выделяет также объяснительную, эмоционально-оценочную, этическую, аутосуггестивную, конспирирующую, игровую и ритуальную функции метафоры [11, с. 39, 64, 67, 74, 77].

Поскольку наше исследование посвящено изучению метафоризации в ветеринарной терминологии, считаем целесообразным отследить научный дискурс о правомочности использования метафорических номинаций в специальных текстах. Проникновение метафоры в научный дискурс зачастую вызывает у лингвистов обоснованные протесты. Н. А. Мишанкина в монографии развенчивает распространенное до недавнего времени в лингвистике предвзятое отношение к научной метафоре. По мнению исследователя, метафора занимает центральное положение в системе когнитивных моделей, так как основывается на идентифицирующих моделях и участвует в формировании более крупных интегрирующих моделей (ментальные пространства, картины мира). Именно эти свойства обусловливают значимость метафорических моделей в формировании научного дискурса [12, с. 55]. Научный дискурс моделируется посредством метафорической концептуализации, которая охватывает все уровни научной деятельности, среди прочего, участвует в терминообразовании. В терминосистемах активно действует метафорическое терминообразование, и при этом метафорические термины, уже давно функционирующие в системе той или иной науки, утрачивают свою «живую» метафоричность, переходя на уровень онтологизированного знания [12, с. 229]. Исследователь приходит к выводу, что метафора, будучи компактной и в то же время информационно емкой моделью интегрирующего типа, активно функционирует в сфере человеческого познания в целом и научного в частности. [12, с. 266].

С. С. Гусев указывает на важное свойство метафорической модели в научном познании переносить структуры уже имеющегося знания, опыта на новые неизвестные фрагменты действительности, ее гносеологическую ценность и эвристический характер [4, с. 125]. Раскрывая потенциал метафоры в языке науки, ученый пишет, что, метафора создает контекст «как если бы» совпадения сопоставляемых объектов, в котором главное значение приобретает фиксация специфических особенностей взаимодействия различных способов отражений сопоставляемых объектов [4, с. 123]. В другой работе ученый указывает на огромный потенциал метафор, говоря, что использование метафор объясняется не интеллектуальным бессилием человека, а тем, что они имеют способность служить средством получения нового знания, генерируя мощное ассоциативное поле с помощью ограниченного диапазона средств выразительности, в частности образов или символов [13, с. 11].

А. В. Суперанская оправдывает присутствие метафоризации в научном дискурсе, говоря, что образность может быть использована в терминологической номинации для особой мотивировки термина, для показа его соотношения с другими терминами, а также именуемых вещей друг с другом. Благодаря своей наглядности, метафора помогает понять и объяснить многие факты изначально не очевидные, создавая ассоциации по форме, цвету, фактуре, размеру и т. д. Метафора дает перенос значения по сходству, в результате чего два предмета, абсолютно разных по своему происхождению и назначению, сближаются на основе какой-либо черты, обычно внешней по отношению к

ним обоим [\[14, с. 93\]](#).

Е. О. Опарина, отдавая должное большому количеству калек в сфере научной метафоры в силу отсутствия у них коннотаций, объясняет необходимость метафоры в языке науки, с одной стороны, широким кругом понятий и явлений, а с другой стороны, недостаточным инвентарем имеющихся языковых средств, в силу чего возникает необходимость заполнения лакун в целых направлениях в научных исследованиях. Присутствие метафоризации в научном дискурсе ученый оправдывает важнейшим свойством метафоры в науке наряду с системностью – это «богатством ассоциаций» аналогий для номинации научных явлений и процессов, позволяющим прогнозировать качества исследуемого объекта [\[4, с. 74-75\]](#).

На обоснованное использование метафоры в научном дискурсе с целью закрытия языковых лакун указывает также Л. Г. Юсупова, говоря, что «появление метафоры всегда является в какой-то степени выходом из в чем-то безвыходной ситуации (когда контекст «требует» соответствующей номинации с тем, чтобы не образовывались ненужные лакуны, препятствующие коммуникации) при неконгруэнтности уподобляемых предметов, объектов и явлений» [\[7, с. 155-156\]](#).

В. И. Шувалов соглашается с предыдущими исследователями, говоря, что в научном дискурсе появление метафор, лишенных, как правило, экспрессии и носящих концептуальный характер, наиболее вероятно в тех сферах, где важность проблематики сочетается с недостаточностью знаний, причем впоследствии возникшая на инициальной стадии исследования метафора может быть либо отброшена как нерелевантная, либо быть трансформирована в четкую и верифицируемую научную модель [\[9, с. 198\]](#).

Э. А. Лапиня отмечает, что отличительной чертой метафоры в языке науки является то, что она выступает в качестве первичного наименования обозначаемого объекта по той причине, что другого названия у него нет. Имея своим источником естественный язык, термины-метафоры покидают естественный язык и становятся искусственными концептуальными знаками в языке другого функционального стиля. Метафоризация в языке науки – это семантический процесс выбора наименования на основе предметного, признакового или функционального сходства двух гетерогенных объектов [\[4, с. 137\]](#).

На важную роль метафоризации в специальных языках для номинации предметов и научных явлений указывает Н. М. Наэр. Ученый ссылается на типологизацию метафор Пелька, согласно которому метафорический перенос происходит по форме, функциям, движению и местоположению, а также Бранда, который классифицирует метафоры по сфере заимствования и типу аналогии. Образность метафорических обозначений, используемых в языке науки, исчезает, а экспрессивно-эмоциональные коннотации уменьшаются [\[15, с. 106-107\]](#).

Обзор научных публикаций показывает, что исследователи едины во мнении, что метафора заслуженно заняла свою нишу в научном дискурсе, отражая в терминологии определённую языковую картину мира.

Метафоризацию в пределах разных лексических групп изучают в своих работах Ю. Ю. Тимкина, М. В., А. В. Балахонов и др. – в медицинской терминологии, Е. В. Бекишева – непосредственно в клинической терминологии, В. И. Шувалов – в немецком поэтическом дискурсе, работа В. К. Харченко посвящена зооморфизмам, Н. Г. Скляревская, С. Б. Козинец исследуют зоонимы, О. В. Мерзликина – зооморфные метафоры по теме «домашний скот» в русском и галисийском языках, С. А. Захарова – земледельческую

метафору в современном русском языке [\[16\]](#).

Так, Ю. Ю. Тимкина предлагает выделять общие (общенаучные), базовые, подразделяемые исследователем на три группы номинаций: медицинские; анатомия человека и животного; биологические, и собственные (узкоспециальные) термины в области ветеринарии. К собственным терминам исследователь относит, в частности, эпонимические наименования и термины, содержащие название животного, к которому относится та или иная патология [\[17, с. 157\]](#).

В работе Е. В. Бекишевой о метафоризации в клинической терминологии метафора рассматривается с точки зрения ее существенной важности для научного языка и познания как инструмент кодирования научной картины мира с помощью лексики разговорного языка. Исследователь изучает аспекты метафорического словообразования на примере названий симптомов и синдромов болезней и предлагает типологию сравнения с представителями животного мира, с предметами и явлениями окружающего мира в статике или динамике и их признаками, с представителями растительного мира, с качествами, присущими определенному лицу, мифологическому или литературному герою, с социальными отношениями, с качествами, присущими человеку, с пищевыми продуктами и другими веществами, со строительными сооружениями, с различными явлениями природы, с функциями, присущими другим группам предметов (Бекишева, Е. В. Формы языковой презентации гносеологических категорий в клинической терминологии / 10.02.19 – теория языка: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Москва, 2007. 48 с., с. 18-19).

В. И. Шувалов выявил в немецком поэтическом дискурсе шесть основных типов моделей метафор: предикативные, атрибутивные, композиционные метафоры (детерминативные композиты), генитивные, глагольные и препозициональные метафоры. [\[8, с. 168; 28, с. 150-151\]](#). Исследователь считает, что на данном этапе развития современного немецкого языка наиболее популярными и распространенными являются медицинские, театральные и спортивные метафоры, оттеснившие техническую и военную метафорику [\[9, с. 193\]](#).

С. Б. Козинец в своей работе о зоонимах пишет, что они в подавляющем большинстве случаев служат в образном употреблении для характеристики человека (его внешности, качеств характера, особенностей поведения, социального статуса). По мнению исследователя, анималистические метафоры обладают меньшим образным потенциалом, чем сравнения, поскольку называют предмет, признак или действие напрямую, актуализируя определенные семы. [\[18, с. 254-255\]](#).

А. В. Балахонов и др. рассматривают названия животных, которые используются для характеристики человека в состоянии здоровья и болезни в подъязыке медицины. Исследователи относят медицинские метафоры к образной номинации. В данном случае перенос из сферы «животное» направлен на сферу «человек» [\[19, с. 26\]](#).

О. В. Мерзликина проводит сравнительно-сопоставительное изучение зооморфных метафорических номинаций с точки зрения лингвокультурологии, анализируя характеристики домашних животных, их образа жизни и окружения в русском и галисийском языках. Изучение зооморфных метафор, по мнению исследователя, представляет интерес, поскольку в зоонимах закодирована культура народа, его психологические, социальные и ментальные черты. По О. В. Мерзликиной, в зооморфной метафоре какой-либо признак животного является сферой-источником, а человек выступает в качестве сферы-мишени метафорического уподобления. Зооморфная

метафора, таким образом, является когнитивной проекцией «образа» животного на характеристику человека или реалий окружающей действительности. [\[20, с. 115-116\]](#).

Ветеринарная терминосистема, являющаяся, с одной стороны, частью медицинской терминологии, что обусловлено единством учения о болезнях людей и животных, а с другой стороны, имеющая свою специфику, связанную с объективным различием организмов человека и животного и протекающих в этих организмах патологических процессов, достаточно динамично развивается, вследствие чего возникает необходимость номинации новейших явлений, процессов, методов лечения с использованием, в том числе, метафоризации. Метафорические термины широко представлены в ветеринарии и их изучению посвящены работы ряда исследователей (Е. А. Абросимова [\[21\]](#), Ю. Г. Рожков, Л. В. Ягенич).

Так, Е. А. Абросимова рассматривает метафоризацию в мире растений в ветеринарной клинической терминологии. Исследователь выделяет две метафорические модели со сферой-источником «растение»: «патология – это растение» и «больной организм – это растение», а также приходит к выводу, что в клинической терминологии основными сферами метафоризации оказываются сам патологический процесс (болезнь) и организм, подверженный этому процессу. Фреймо-слотовая структура выявленных исследователем моделей включает три фрейма: «жизненный цикл растения», «части растения», «разновидности растений» [\[22, с. 10\]](#).

Ю. Г. Рожков изучает структурно-семантические особенности терминов ветеринарной медицины и наиболее продуктивные способы ее пополнения. Если в прошлом образование новых ветеринарных терминов, по мнению автора, в основном происходило с помощью греко-латинских словообразовательных компонентов, то в настоящее время преобладает синтаксический метод – образование терминологических соединений, которые впоследствии превращаются в сокращение [\[23, с. 13\]](#).

Л. В. Ягенич в своей статье выделяет в ветеринарной терминологии на примере английского языка три группы терминов: ветеринарные, анатомические и биологические. Отдавая дань латинскому языку, употребление которого в ветеринарном дискурсе является значимым и востребованным, автор выделяет также термины-эпонимы и термины-аббревиатуры, способствующие обогащению ветеринарной медицины и позволяющие при минимальном изложении в письменной форме передать максимально точно и исчерпывающе содержание [\[24, с. 347\]](#).

Перейдем к рассмотрению корпуса метафорических терминов в ветеринарной терминосистеме в немецком языке, который составил 1426 лексических единиц (далее – ЛЕ). В соответствии с тематической соотнесенностью сравнения, лежащего в основе метафоры, все метафоры ветеринарной терминосистемы мы объединили в 5 тематических групп.

- 1) В первую, самую многочисленную, тематическую группу «Части тела животного» вошли терминологические номинации, обозначающие внешние части тела и внутренние органы животных. Выборка составила 674 ЛЕ, что составляет 47,2% от всего корпуса терминологических метафор. Это свидетельствует об актуальности для ветеринарной терминологии переноса на основании внешнего сходства (по таким признакам объекта как форма, размер, пропорции, структура органа), например: в основе терминометафоры *der Blättermagen* – книжка (отдел многокамерного желудка жвачных) (буквально (далее: букв.): листья + желудок) лежит уподобление листьев книги желудку

сельскохозяйственного животного. Здесь мы имеем дело со сравнением образов книги с листьями и желудка жвачного животного. Приведем другой пример. В основе метафоризации термина *der Ringknorpel* – перстневидный хрящ (букв.: кольцо + хрящ) – лежит внешнее сходство органа животного с кольцом. Наиболее употребительными составными компонентами композитных терминов этой группы являются следующие части тел или органы животных: *das Bein* (кость; нога – 59 ЛЕ), *das Horn* (рог – 42 ЛЕ), *der Kopf* (голова – 33 ЛЕ), *das Gelenk* (сустав – 30 ЛЕ), *die Sohle* (подошва, копыто – 28 ЛЕ), *der Kamm* (гребень, гребешок – 28 ЛЕ), *die Haube* (сетка – отдел четырёхкамерного желудка жвачных животных – 26 ЛЕ), *die Nase* (нос – 23 ЛЕ), *der Pansen* (рубец – 22 ЛЕ), *der Hals* (шея – 18 ЛЕ), *die Zitze* (сосок – 18 ЛЕ), *das Ohr* (ухо – 17 ЛЕ), *die Klaue* (коготь, копыто – 17 ЛЕ), *der Magen* (желудок 16), *der Huf* (копыто – 16 ЛЕ), *die Zunge* (язык – 16 ЛЕ), *der Schwanz* (хвост – 14 ЛЕ), *das Haar* (волосы, шерсть – 13 ЛЕ). Менее частотными компонентами являются лексические единицы: *das Herz* (сердце – 9 ЛЕ), *das Knie* (колено – 9 ЛЕ), *das Maul* (рот, пасть – 9 ЛЕ), *der Schlund* (глотка, зев, пищевод – 9 ЛЕ), *der Strich* (сосок – 9 ЛЕ), *die Hand* (запястье – 8 ЛЕ), *die Niere* (почка – 6 ЛЕ), *der Darm* (кишка – 6 ЛЕ), *das Euter* (вымя – 6 ЛЕ), *der Knorpel* (хрящ – 6 ЛЕ), *die Lungen* (легкие – 6 ЛЕ), *die Kiemen* (жабры – 6 ЛЕ), *der Schädel* (череп – 5 ЛЕ), *das Auge* (глаз – 5 ЛЕ), *die Brust* (грудь – 5 ЛЕ), *die Gebärmutter* (матка – 5 ЛЕ), *das Gehirn* (мозг – 5 ЛЕ), *das Hirn* (мозги – 5 ЛЕ), *die Leber* (печень – 5 ЛЕ), *der Hoden* (яичко, семенник – 4 ЛЕ), *der Rachen* (глотка, зев – 4 ЛЕ), *die Rippe* (ребро – 4 ЛЕ), *das Genick* (затылок – 2 ЛЕ), *die Ferse* (пятка – 1 ЛЕ). На способность к метафоризации лексических единиц данной тематической группы, не соотносимые обычно с частями тела человека (крыло, хвост, щупальца и т. п.), указывает также в своем исследовании Г. Н. Скляревская [\[25, с. 98\]](#).

Согласимся с М. Д. Степановой в том, что многие ветеринарные термины представляют собой частичные или полные метафоры [\[26, с. 129-130\]](#). Так, наименования внешних частей тела или внутренних органов животных, выступающие составными компонентами композитных терминов, могут употребляться как в прямом значении, так и иметь метафорический перенос. Проиллюстрируем на примерах. Компонентами термина *die Backentasche* (защёчный мешок (у грызунов)) являются слова *die Backe* («щека»), употребленное в прямом значении, и *die Tasche* (сумка), придающее термину метафорический перенос по сходству формы. А в композитном термине *der Fesselkopf* (путовый сустав), состоящем из слов *der Fessel* (щиколотка, лодыжка) и *der Kopf* (голова, головка), последнее имеет метафорический перенос по сходству внешнего вида. Как показывает анализ языкового материала, чаще всего метафорически переосмыслияется второй компонент, в противоположность свойству, которым обладает большинство определительных сложных слов, не указывают на класс понятий, к которым принадлежат соответствующие более узкие понятия, а называют предметы, на которые похожи данные части тела или органы животных; так, например, в сложных словах *der Augapfel* (глазное яблоко) второй компонент *Apfel* позволяет ассоциировать данную часть глаза с яблоком, *der Ballenkissen* (подушка мякиша) – *Kissen* – метафорический перенос данной части лапы животного на подушку, *der Brustsack* (грудной воздухоносный мешок (у птиц)) – *Sack* – схожесть с мешком, *der Euterspiegel* (гладкая поверхность вымени) – *Spiegel* – сравнение гладкой поверхности органа с зеркалом. Что же касается первых компонентов этих слов, то они возвращают нас к реальной номинации определенной части тела или внутреннего органа животных. Но и первый компонент композитного термина может употребляться в переносном смысле, в то время как второй компонент может иметь обычное обобщающее значение, например, *die Fassbeine* – О-образная постановка конечностей (букв.: бочка + ноги), *der Geschirrdruck* – нагнет (наминка) от сбруи (в коневодстве) (букв.: посуда + давление), *die Knopfkanüle*

- пуговчатая канюля (букв.: пуговица + канюля), *die Korridorkrankheit* – тейлериоз крупного рогатого скота (букв.: коридор, проход + болезнь). Третьей, достаточно редкой в ветеринарной терминосистеме, разновидностью является случай, когда оба компонента сложного слова имеют метафорический перенос, т. е. переосмысливается все соединение в целом, оно как бы имеет два значения – прямое и переносное, например: *der Schwabenschwanz* – цапфа (букв.: ласточкин хвост), *das Kronenfleisch* – диафрагма (букв.: корона, вершина, гребень, венчик + мясо).

2) Второй по продуктивности является тематическая группа «Заболевания, их симптомы и патологии», что означает, что в качестве источников метафоризации в ветеринарной терминологии достаточно активно функционируют различные симптомы болезней, пороки, дефекты, аномалии, патологии и обозначение воспалительного процесса. В этой группе выявлено 499 ЛЕ, что составило 35% от всего корпуса метафорических терминов, например: *die Affenlücke* (букв.: обезьяна + брешь, промежуток, пробел) – диастема, *die Harnflut* (букв.: моча + поток, потоп, наводнение) – полиурия, *die Backensteinblatter* (букв.: щека + камень + оспа) – кирличная оспа, рожистая крапивная лихорадка (у свиней), *die Kronengelenkschale* (букв.: корона + сустав + чаша; оболочка, скорлупа) – хронический периартрит венечного сустава, «обруч».

3) В третьей группе зооморфных метафор «Животные и живые организмы» все метафорические номинации распределяются на пять подгрупп, выделяемые в соответствии с обозначением видов животных, их внешнего вида, функций, животных с патологиями и продуктов их жизнедеятельности. Выявлено 167 терминов (11,7%), которые обозначают:

а) наименования животных и живых организмов – 48 ЛЕ (3,4%), например: *die Hakenwürmer* (букв.: мотыга, кирка + черви, гельминты) – анкилостоматиды, кривоголовки, *die Helmbiene* (букв.: шлем, каска + пчела) – трутень;

б) название функции животного / живого организма – 46 ЛЕ (3,2%), например: *die Killerzellen* (букв.: убийца + клетки) – клетки-убийцы (в иммунологии), *die Königinpruppe* (букв.: королева + кукла) – куколка матки (пчелы). По мнению А. А. Реформатского, функциональный перенос имеет много общего с метафорой, так как он основан на сходстве, однако все же отличен от нее и имеет свое особое место в полисемии. Главное отличие метафоры от переноса по функции состоит в том, что метафорический перенос основан на сходстве материальной характеристики: на цвете, форме, характере «зримых» движений, т. е. на совокупности непосредственно воспринимаемых органами чувств сходств того, с чего переносится название, на то, куда это название переносится. При функциональном переносе общность не опирается на чисто материальное сходство: вещи могут быть совершенно разными и по форме и по цвету и т. д., объединяет их общность функции [\[27, с. 84\]](#).

в) номинации продуктов жизнедеятельности и средств воспроизведения животных – 34 ЛЕ (2,4%), например: *das Bienenbrot* (букв.: пчела + хлеб) – перга, *das Darmpech* (букв.: кишечник + невезение; деготь, смола) – первородный кал, меконий, *die Geißbohne* (букв.: коза + фасоль, боб) – козий помёт;

г) описание внешнего вида животного (характерные внешние признаки) – 23 ЛЕ (1,6%), например: *das Alterskleid* (букв.: возраст + платье, одеяние) – оперение взрослых особей, *die Fassbeine* (букв.: бочка + ноги) – О-образная постановка конечностей (сближенность скакательных суставов);

д) название животных с патологиями / аномалиями – 16 ЛЕ (1,1%), например: *das*

Dickhalsferkel (букв.: толстая шея + поросенок) – поросенок, пораженный зобной болезнью, *der Eichelspießer* (букв.: желудь, головка, трефы + обыватель, мещанин) – молодой олень со слаборазвитыми рогами, молодой олень с рогами-шпильками.

4) В четвертую группу «Ветеринарный инструментарий и лекарственные препараты» вошли термины, обозначающие различные инструменты, применяемые в ветеринарии, лекарства и предметы. Группа включает в себя 55 ЛЕ (3,9%): *das Gehäuse* (букв.: корпус, футляр, камера) – раковина (у моллюсков), *die Vaginalstube* (букв.: вагинальный + комната, изба, горница) – влагалищное зеркало, *der Beißkorb* (букв.: основа глагола *beißen* – кусать + корзина, короб) – намордник.

5) В пятую группу «Диагностические и лечебные мероприятия» вошли термины, обозначающие различные мероприятия по диагностике и лечению животных – 31 ЛЕ (2,2%), например: *die Eutertoilette* (букв.: вымя + туалет) – туалет вымени, *die Feindesinfektion* (букв.: враг + инфекция) – дезинфекция рук, операционного поля и хирургического инструментария.

С точки зрения семантико-сопоставительного анализа метафорических терминов в рассматриваемой терминосистеме нам удалось выявить следующие виды метафорического переноса:

а) по сходству формы и внешнего вида – 1095 ЛЕ (76,8%), например, *die Fuchslende* – очень узкая («лисья») поясница (порок экстерьера в коневодстве); *die Habichtsbrust* – ястребиная грудь (при описании экстерьера лошади); *das Mopsgesicht* – мопсовидность (несходство формы костей лицевого черепа при атрофическом рините свиней); *die Ochsenspalte* – воловий расщеп (экстерьерный порок копыта в коневодстве). Приведенные нами примеры употребления терминов-метафор позволяют нам согласиться с мнением других исследователей анималистических метафор, таких как С. Б. Козинец, И. А. Стернин [28, с. 255–256; 21, с. 115], опровергающих утверждение Н. Г. Скляревской о том, что в зоонимах могут быть метафорические переносы из сферы «животное», направленные только на сферу «человек» и нет оснований говорить о метафоризации типа «животное» → «животное» [25, с. 90]. В нашем случае речь идет не об описании качеств человека, а о внешнем виде, экстерьере животных. Соответственно, зооморфные характеристики могут быть направлены не только на человека, но и на другое животное, таким образом переосмысливаясь в рамках своего же лексического поля: «животное» → «животное». Поэтому мы склонны считать возможным метафорический перенос наименования внутри тематической группы «животные».

б) По сходству функций – 163 ЛЕ (11,4%), например, *das Pflegevolk* – семья-воспитательница матки, семья-нянька (в пчеловодстве), *die Parfumranzigkeit* – приторный запах (при отравлении плесневыми грибами), *das Schambein* – лонная (лобковая) кость.

в) По сходству производимого впечатления – 85 ЛЕ (6%), например, *die Bärentatzigkeit* – косолапость (порок постава конечностей в коневодстве), *das Leinewebe* – «ткачество» (переступание грудными конечностями и покачивание головой – стойловый порок).

г) По сходству местоположения – 82 ЛЕ (5,8%), например, *die Lungenwurzel* – корень лёгкого, *der Gebärmuttergrund* – дно матки.

д) По сходству в способе представления действий – 1 ЛЕ, например, *das Alles-rein-alles-raus-Prinzip* – принцип «все- занято, все-пусто» (одновременное заполнение фермы промышленного типа партией животных и одновременное

освобождение помещения после завершения срока их содержания).

При рассмотрении ветеринарных терминов-метафор в структурном отношении было выявлено следующее. Наиболее многочисленную словообразовательную модель представляют собой детерминативные композиты, являющиеся полносложными терминологическими единицами. В Грамматике Дуден [29, S. 401, 420; 30, S. 716], в работах В. Фляйшер и И. Барц [31, S. 69, 83] отмечается, что структура сложных слов в немецком языке бинарна, когда сложное слово делится на конституенты, которые, в свою очередь, могут состоять далее из одной или нескольких основ. Нами выявлено 1276 композитов (89,5%), например, *der Habichtsknorpel* – хрящ на рукоятке грудины у лошади (букв.: ястреб + хрящ), *die Bergweidekrankheit* – инфекционная энтеротоксемия («мягкая почка») овец (букв.: гора + пастбище + болезнь), *die Samtkrankheit* – оодиноз (букв.: бархат + болезнь). Как правило, только одна часть композитных метафорических терминов подвергается метафорическому переосмыслению: это может быть или первый (определительный) компонент, или второй (определяемый), очень редко, когда оба компонента вместе. К аналогичным выводам приходят и другие исследователи метафорических лексических единиц в немецком языке [9, с. 57-58].

Вторую по продуктивности словообразовательную модель представляют терминологические словосочетания (далее: ТС). Выявлено 75 ТС (5,3%), из них:

- 44 атрибутивных ТС, например, *die grauweiße Steinbrut* – аскосфероз, перицистомикоз, перицистоз, известковый расплод; *die periartikuläre Schale* – оссифицирующий периартрит; *das biphasische Milchfieber* – двухволной менингоэнцефалит;
- 29 генитивных ТС, например, *die Elefantenkrankheit der Rinder* – безноитиоз крупного рогатого скота; *das Kugelherz der Hühner* – энзоотическая сердечная смерть (идиопатическое расширение сердца) кур, круглое (яйцевидное) сердце кур; *die Marmormilzkrankheit der Fasane* – мраморная болезнь селезёнки (геморрагический энтерит) фазанов;
- 1 атрибутивно-генитивное ТС: *die ansteckende Luftsackkrankheit des Geflügels* – респираторный микоплазмоз (инфекционный микоплазмоз, хроническая респираторная болезнь) птиц;
- 1 препозициональное ТС: *die Dreibeinigkeit bei Ferkeln* – перомелия (аномалия развития в виде укороченных конечностей).

Третью группу составляют аффиксальные лексические единицы, образованные в основном при помощи суффиксов. Выявлено 56 аффиксальных терминов-метафор (3,9%), например, *die Arbeiterin* – рабочая пчела; *die Kröte* – 1. «жабка» (костное разрастание в области путевого сустава), 2. жаба обыкновенная; *die Gabel* – вилообразные рога (оленя); 2. петля (подхвостника) в коневодстве.

В четвертую, наименее продуктивную, группу входят корневые слова. Нами выявлено 19 корневых терминов-метафор (1,3%), например, *die Wand* – стенка, перегородка (букв.: стена), *der Bart* – бородка (у птиц) (букв.: борода), *das Blatt* – лопатка (в анатомии) (букв.: лист, листок).

Анализ фактического материала в этимологическом плане позволил выявить, что для образования метафорических терминов используются языковые средства в большей степени немецкого происхождения (82,3%), и в меньшей – иноязычный языковой материал (17,7%), где наиболее продуктивными являются термины греко-латинского

происхождения (14%), а также встречаются слова из европейских языков, а именно, французского, английского, итальянского или испанского происхождения (3,7%). Следует особо отметить, что здесь речь идет о терминах-гибридах, образованных на основе разнообразной сочетаемости компонентов разного происхождения. Это могут сложные слова, компонентами которых являются:

- слова немецкого и латинского происхождения, например, *die Psalterschleimhaut* – слизистая оболочка книжки (букв.: псалтырь + слизистая оболочка), *das Puppenstadium* – стадия куколки (у насекомых) (букв.: кукла + стадия);
- слова латинского и немецкого происхождения, например, *der Humeruskopf* – головка плечевой кости (букв.: плечо, плечевая кость + голова);
- слова немецкого и греко-латинского происхождения, например, *die Knötchen- und Enteritis-Kokzidiose* – узелковый кокцидиоз карпов (букв.: узелок + энтерит + кокцидиоз);
- оба компонента сложного слова имеют греко-латинское происхождение, например, *die Kropenphlegmone* – флегмона венчика копыта (букв.: венчик копыта + флегмона);
- слова греческого и немецкого происхождения, например, *der Pankreassuft* – панкреатический сок (букв.: поджелудочная железа + сок);
- слова латинского и французского происхождения, например, *die Uterustrompete* – маточная труба (букв.: матка + труба),
- слова французского и немецкого происхождения, например, *das Etageneuter* – «ярусное» вымя, вымя с неравномерно развитыми долями (букв.: этаж + вымя);
- слова немецкого и французского происхождения, например, *die Knopfkanüle* – пуговчатая канюля (букв.: пуговица + канюля);
- слова немецкого и итальянского происхождения, например, *der Hufbeinkanal* – полукружный канал копытовидной кости (букв.: копытная кость + канал);
- слова итальянского и немецкого происхождения, например, *die Korridorkrankheit* – тейлериоз крупного рогатого скота;
- слова английского и латинского происхождения, например, *der Killerfaktor* – летальный фактор (букв.: убийца + фактор);
- первый компонент сложного слова состоит из конституентов английского и латинского происхождения, а второй компонент – немецкого происхождения, например, *die Killerinfektionskrankheit* – инфекционная болезнь с летальным исходом (букв.: убийца + инфекция + болезнь);
- слова немецкого и испанского происхождения, например, *die Pansenpritze* – насос для отсасывания рубцового содержимого (букв.: рубец + насос).

Таким образом, мы можем согласиться с выводами других исследователей, что заимствования не играют в процессе метафоризации решающей роли [9, с. 59-60]. Объясняется это, очевидно, тем, что заимствования из других языков менее прозрачны, чем исконная немецкоязычная лексика.

Подытоживая, следует отметить, что в процессах пополнения научных терминологий

принимают активное участие метафорические номинации. Противоречие между тенденцией к образности и экспрессивности, свойственной метафорам, и требованием полного отсутствия экспрессивности, предъявляемым к терминам, снимается в процессе терминологизации. Таким образом, термины-метафоры прочно укореняются в научном дискурсе. Анализ ветеринарных терминов-метафор в немецком языке позволил прийти к следующим выводам. Метафорическая система ветеринарной терминологии достаточно динамична, что проявляется во включении в метафорическое поле результатов развития ветеринарной и других смежных наук. В целом для ветеринарной терминологии в немецком языке характерно доминирование зооморфных метафор, что является вполне логичным, поскольку в центре внимания ветеринарии находится животное. Наиболее частотными источниками метафоризации в ветеринарной терминосистеме являются строение тела животных и болезни. Ветеринарная терминология в немецком языке характеризуется присутствием метафор, с одной стороны, закрывая языковые лакуны, а с другой стороны, умеренно и целесообразно номинируя определенный пласт понятий.

Библиография

1. Бесхлебнов, В. А. Немецко-русский ветеринарный словарь (с указателем русских терминов): Ок. 25000 терминов / Под ред. канд. наук В.А. Бесхлебнова. – М.: РУССО, 1996. 464 с.
2. Wiesner E., Ribbeck R. Lexikon der Veterinärmedizin. 4., völlig neu bearb. Aufl. Stuttgart: Enke im Hippokrates Verlag GmbH, 2000. 1630 S.
3. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры которыми мы живём : перевод с английского / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; общая редакция А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. 336 с.
4. Гак, В. Г. и др. Метафора в языке и тексте. / В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф, Е. О. Опарина, Т. З. Черданцева, Х. Д. Леэметс, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева, С. С. Гусев, Э. А. Лапиня, Н. А. Кожевникова, В. В. Петров. – М.: Наука, 1988. 176 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР / ответственный редактор Н. Д. Арутюнова. – Москва, 1978. – Т. 37. – № 4. : Серия литературы и языка. С. 333–343.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
7. Юсупова, Л. Г. Антропоморфная семантика английских многозначных существительных: специальность 10.02.04 – германские языки : дисс. ... доктора филологических наук / Юсупова Ляля Гайнулловна. – Магнитогорск, 2022. 400 с.
8. Шувалов, В. И. Метафора в лексической системе немецкого языка : специальность 10.02.04 – германские языки : дисс. ... доктора филологических наук / Шувалов Валерий Игоревич. – Москва, 2006. 392 с.
9. Шувалов, В. И. Метафора в лексической системе современного немецкого языка / В. И. Шувалов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2019. 248 с.
10. Приходько, В. К. Выразительные средства языка : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. К. Приходько. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. 256 с.
11. Харченко, В. К. Функции метафоры. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. 88 с.
12. Мишанкина, Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
13. Гусев, С. С. Наука и метафора / С.С. Гусев. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1984. 152 с.
14. Суперанская, А. В., Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, А. В. Подольская, Н. В. Васильева. Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом

- «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
15. Наер, Н. М. Stilistik der deutschen Sprache : Учебное пособие / Н. М. Наер. – Москва: МПГУ, 2015. 256 с.
16. Захарова, С. А. Терминологизация и метафоризация в земледельческой лексике и ее роль в формировании русской картины мира / 10.02.01 – Русский язык: дисс. ... к-та филол. наук. Саратов, 2012. 153 с.
17. Тимкина, Ю. Ю. Классификация ветеринарной терминологии в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 156-158.
18. Козинец, С. Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 254-260.
19. Балахонов, А. В. Зоологическая метафора в медицинской терминологии / А. В. Балахонов, Д. И. Панков, Ю. И. Строев, Л. П. Чурилов // Русская речь. 2022. № 6. С. 22–37.
20. Мерзликина, О. В. Зооморфные метафоры «домашний скот» в русской и галисийской языковых картинах мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 114-132.
21. Абросимова, Е. А. Ветеринарный дискурс в зеркале современных научных исследований: систематический обзор / Е. А. Абросимова, С. И. Маджаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 3. С. 751-785.
22. Абросимова, Е. А. Концептуализация мира растений в ветеринарной клинической терминологии // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 6-16.
23. Рожков, Ю. Г. Структурно-семантические особенности терминов ветеринарной медицины // Образовательный процесс. 2019. № 9 (20). С. 12–18.
24. Ягенич, Л. В. К вопросу о классификации терминологии ветеринарной медицины в современном английском языке // Фундаментальная наука вузам. – 2020. № 1. С. 342-351.
25. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
26. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / Под ред. Т. В. Строевой. Изд-е 2-е, испр. М.: КомКнига, 2007. 344 с.
27. Реформатский, А. А. Введение в языкознание: учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. Изд-е 5-е, испр. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2018. 536 с.
28. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи // Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 138 с.
29. Duden: in 12 Bdn. 5., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 1995. Bd. 4. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.
30. Duden: in 12 Bdn. 8., überarb. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut AG, 2009. Bd. 4. Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch.
31. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearb. Aufl. Tübingen: Walter de Gruyter, 2012.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена рассмотрению концептуальных метафор зооморфного

свойства как моделей образного переноса. Автор отмечает, и с этим стоит согласиться, что «метафора является сложнейшим, не изученным до конца явлением. Это универсальное речевое средство пронизывает все сферы жизни человека. Метафоризация относится к семантическому способу словообразования и предполагает расширение смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств». Базовые уровни работы конкретизированы: например, «объектом нашего исследования являются термины-метафоры, употребляющиеся в современном немецком языке в области ветеринарии. Корпус метафорических ветеринарных терминов составил 1426 номинаций. Основными методами исследования, обусловленными его целью, являются семантический, структурно-функциональный, метод лингвистического наблюдения и описания, кроме того, использованы элементы количественного анализа», или «теоретико-методологическую основу исследования составляют публикации отечественных и зарубежных лингвистов. Исследованию вопросов связи языка и мышления в метафоре и «концептуальных метафор» посвящены труды Дж. Лакоффа и Д. Джонсона. Попытки типологизации метафорических моделей были предприняты в работах ряда ученых (В. Г. Гак, Г. Н. Скляревская, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, С. С. Гусев, В. И. Шувалов, В. К. Приходько, Л. Г. Юсупова)» и т.д. Как видно, методология правомерна, она имеет выдержанно академический вид, противоречий в данной части нет. Считаю, что позиция автора имеет альтернативную направленность, помимо ссылок на авторитеты, дает и версия нововведений. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «одна из самых известных в современной лингвистике теорий метафоры, получившая название когнитивная теория метафоры, была предложена американскими исследователями Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Ученые выдвинули положение, в соответствии с которым частные языковые выражения, воспринимающиеся как иносказание, т. е. описание одной сферы опыта в терминах другой, являются продуктом системного соответствия между семантическими полями (conceptual domains)» и т.д. Цитаты даны в рамках требований: «Н.Д. Арутюнова выделяет предикатную и идентифицирующую метафору. В случае идентифицирующей метафоры семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного (многопризнакового) значения другим. Метафорический перенос в данном случае обычно опирается на сходство предметов по какому-либо внешнему, очевидному признаку. Что касается процесса метафоризации предикатного значения, то по Н. Д. Арутюновой, он сводится к присвоению объектам «чужих» признаков, т. е. признаков, свойств и состояний, принадлежащих другому классу объектов или относящихся к другому аспекту данного класса. Ученый различает номинативную, образную, когнитивную и генерализирующую метафору [5, с. 333, 335, 340]». Думаю, что серьезная правка текста излишня. Работа информативна, целостна, наукоемка; материал можно использовать в ряде дисциплин гуманитарного цикла. Привлекает в работе объемность систематизации данных, причем автор делает это не формально, но с учетом параметрического колебания: «обзор научных публикаций показывает, что исследователи едини во мнении, что метафора заслуженно заняла свою нишу в научном дискурсе, отражая в терминологии определенную языковую картину мира». Нельзя не отметить в работе и реализацию вектора оценочности, именно он создает эффект т.н. конструктивного диалога. Например, «О.В. Мерзликина проводит сравнительно-сопоставительное изучение зооморфных метафорических номинаций с точки зрения лингвокультурологии, анализируя характеристики домашних животных, их образа жизни и окружения в русском и галисийском языках. Изучение зооморфных метафор, по мнению исследователя, представляет интерес, поскольку в зоонимах закодирована культура народа, его психологические, социальные и ментальные черты. По О. В. Мерзликиной, в зооморфной метафоре какой-либо признак животного является сферой-

источником, а человек выступает в качестве сферы-мишени метафорического уподобления». Основный корпус метафорических терминов в ветеринарной терминосистеме в немецком языке составил 1426 лексических единиц. На мой взгляд, объема достаточно, анализ может быть полновесным и объективным. Автор указывает, что «в соответствии с тематической соотнесенностью сравнения, лежащего в основе метафоры, все метафоры ветеринарной терминосистемы были объединены в 5 тематических групп». Далее дается полновесное описание группы, приводятся примеры, налично вводится и авторский комментарий: например, «1) В первую, самую многочисленную, тематическую группу «Части тела животного» вошли терминологические номинации, обозначающие внешние части тела и внутренние органы животных. Выборка составила 674 ЛЕ, что составляет 47,2% от всего корпуса терминологических метафор. Это свидетельствует об актуальности для ветеринарной терминологии переноса на основании внешнего сходства (по таким признакам объекта как форма, размер, пропорции, структура органа), например: в основе термина-метафоры *der Blättermagen* – книжка (отдел многокамерного желудка жвачных) (буквально (далее: букв.): листья + желудок) лежит уподобление листьев книги желудку сельскохозяйственного животного...» и т.д. Работа с терминологической лексикой имеет ярко выраженные историко-этимологические приметы, объясняются пути возникновения, появления терминов, также обозначается и способ словообразования: например, « - слова немецкого и латинского происхождения, например, *die Psalterschleimhaut* – слизистая оболочка книжки (букв.: псалтырь + слизистая оболочка), *das Puppenstadium* – стадия куколки (у насекомых) (букв.: кукла + стадия); - слова латинского и немецкого происхождения, например, *der Humeruskopf* – головка плечевой кости (букв.: плечо, плечевая кость + голова); - слова немецкого и греко-латинского происхождения, например, *die Knötchen- und Enteritis-Kokzidiose* – узелковый кокцидиоз карпов (букв.: узелок + энтерит + кокцидиоз)...». Выводы по работе объемны, конструктивны; фактические требования издания учтены, цель достигнута. Указывается в итоге на то, что «в процессах пополнения научных терминологий принимают активное участие метафорические номинации. Противоречие между тенденцией к образности и экспрессивности, свойственной метафорам, и требованием полного отсутствия экспрессивности, предъявляемым к терминам, снимается в процессе терминологизации. Таким образом, термины-метафоры прочно укореняются в научном дискурсе», «наиболее частотными источниками метафоризации в ветеринарной терминосистеме являются строение тела животных и болезни. Ветеринарная терминология в немецком языке характеризуется присутствием метафор, с одной стороны, закрывая языковые лакуны, а с другой стороны, умеренно и целесообразно номинируя определенный пласт понятий». Библиография к работе объемна, ее можно использовать при написании сочинений смежной тематической направленности. Рекомендую статью «Метафорические термины как источник обогащения ветеринарной терминосистемы в немецком языке» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Божанова К.С. Особенности межъязыковой передачи религиозной лексики при переводе романа Л.Н. Толстого «Воскресение» на английский язык // Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70901 EDN: ISQQXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70901

Особенности межъязыковой передачи религиозной лексики при переводе романа Л.Н. Толстого «Воскресение» на английский язык

Божанова Ксения Сергеевна

ассистент; институт иностранных языков; Московский педагогический государственный университет

119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 88

✉ ks.bozhanova@mpgu.su

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.6.70901

EDN:

ISQQXH

Дата направления статьи в редакцию:

30-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является роман Л.Н. Толстого «Воскресение» и его переводы. В рамках данной работы будут рассмотрены два перевода на английский язык, один из которых ("The Resurrection") был выполнен в 1899 Луизой Яковлевной Мод и опубликован издательством "Alice and Books". Второй перевод под названием "The Awakening" переведен Уильямом Смитом и опубликован в 1900 году издательством "New York Street". Предметом исследования является выявление способов межъязыковой передачи религиозной лексики с русского языка на английский язык при переводе художественного текста. Основное внимание в работе уделяется лексико-семантическому анализу религиозных лексических единиц, а также анализу видов переводческих трансформаций, из которых наиболее частотными являются подбор эквивалентного соответствия, описательный перевод и транслитерация. В работе используется сопоставительный метод, который позволяет установить сходства и различия лексических единиц в тексте оригинала романа «Воскресение» и его переводах. Посредством метода контекстуального анализа осуществляется анализ

зависимости значения этих единиц от контекста. С помощью метода сплошной выборки была отобрана религиозная лексика, которая была разделена на тематические группы. Научная новизна работы заключается в том, впервые предпринята попытка классифицировать религиозные лексические единицы, представленные в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». В ходе исследования религиозная лексика разделена на следующие группы: «Наименования тайнств и лексем, связанных с ними», «Элементы и формы богослужения», «Элементы церковного календаря», «Предметы богослужения», «Названия Церковных иерархий», «Храм и его устройство, части храма», «Облачения священнослужителей, их отдельные части», «Молитвы, тексты молитв и песнопений и их составляющие», «Наименования церковных праздников», «Наименования книг церковного содержания», «Наименования ритуальной пищи» и «Наименование лиц духовных поручителей». Основную сложность при переводе представляет достаточно широкое и разнообразное использование религиозных номинаций, для работы с которыми переводчику необходимо детально разбираться в особенностях и различиях религиозной терминологии.

Ключевые слова:

религиозная лексика, способы перевода, эквивалент, транскрипция, транслитерация, перевод, художественный текст, сопоставление, переводческие трансформации, Толстой

Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» был опубликован в 1899 году. В данном произведении автор рассказывает трагичную историю Катюши Масловой, несправедливо обвиненной окружным судом за хищение денег и смерть купца Смелькова. Девушке пытается помочь князь Нехлюдов, некогда обидевший Маслову. За рубежом данный роман был встречен с интересом и во многих странах печатался в газетах и журналах. Уже «в 1899 г. роман вышел отдельными изданиями в переводах на французский, немецкий, английский, сербо-хорватский и словацкий языки» [4]. За ними последовали издания на многих других европейских и азиатских языках – шведском (1899–1900), финском (1899–1900), венгерском (1900), болгарском (1900), голландском (1900), норвежском (1900), итальянском (1900), польском (1900), испанском (1901), японском (1905), арабском (1907), персидском (1906–1911), турецком (1907), румынском (1910), португальском (1913), китайском (1914). В рамках данной работы нами будут рассмотрены два перевода на английский язык, один из которых (*The Resurrection*) был выполнен в 1899 Луизой Яковлевной Мод и опубликован издательством *"Alice and books"*. Второй перевод под названием *"The Awakening"* был выполнен Уильямом Смитом и опубликован в 1900 году издательством *"New York Street"*.

В тексте романа встречаются названия религиозных предметов и атрибутов, описываются христианские праздники и ритуалы, а также аллюзии к библейским и евангельским текстам. Поэтому считаем необходимым рассмотреть понятие «религиозная лексика», которое К.А. Тимофеев в монографии «Религиозная лексика русского языка» трактует как «слова, выражающие религиозные понятия, находящиеся в системных соотношениях друг с другом, и вместе взятые образующие то, что можно назвать религиозным мировоззрением» [14, с. 3]. М.О. Алексеева объединяет религиозную лексику с церковной лексикой и дает следующее определение: церковно-религиозная лексика – «это отраслевая терминология, представляющая собой единый корпус лексем конфессионального характера (религионимов), языковых единиц, функционирующих в узкоспециальной сфере – церковном обиходе и религиозной практике» [2, с.198]. Р.И.

Горюшина как и М.О. Алексеева отождествляют понятия «религиозной лексики» и «церковной лексики». Однако согласно определению С.В. Булавиной «религиозная лексика не должна быть связана с материальной стороной в отличии от лексики церковной» [\[3, с. 9\]](#). В этом, по мнению С.В.Булавиной, и заключается их главное отличие. С точки зрения А.М. Прилуцкого «религиозная лексика включает не только церковную лексику разных религиозных объединений, но и понятия, которые используются для выражения общих богословских взглядов (грех, покаяние, исповедь)» [\[11, с. 146\]](#). Такого же мнения придерживается и А.М. Четырина, полагая, что «церковная лексика является частью религиозной лексики более широкого семантического объединения» [\[17, с.107\]](#). Таким образом, по мнению большинства исследователей (К.А. Тимофеева, М.О. Алексеева, А.М. Прилуцкого) церковная лексика является составным элементом религиозной лексики.

Проблема классификации религиозной лексики представляется даже более сложной, чем определение ее понятия, так как исследователи выделяют множество критериев, положенных в основу классификации. Согласно классификации К.А. Тимофеева религиозная лексика подразделяется на три группы:

- 1) слова, обозначающие понятия, свойственные всем монотеистическим религиям (Бог, душа, Символ веры, грех, молитва);
- 2) слова, обозначающие понятия, свойственные всем основным христианским конфессиям (Святая Троица, Святой Дух, Спаситель, апостол, Евангелие, Церковь, исповедь и др.);
- 3) слова, свойственные отдельным христианским конфессиям (сюда можно отнести наименования священнослужителей: батюшка, пастор, ксёндз, кюре, аббат, кардинал; наименования богослужений: обедня, утреня, всенощная, месса, лития, литания; именования частей храма: иконостас, притвор, паперть и т. д.). Кроме того, К.А.Тимофеев включает в состав религиозной лексики и такие слова, как материя, культ, брак, добро, зло, страсть, простить, спасение [\[14, с. 3\]](#).

В своей диссертации Р.И. Горюшина выделяет пять основных разрядов религиозной лексики, а некоторые из них имеют еще и внутренние подгруппы:

- 1) названия таинств, обрядов, предметов культа (миропомазание, елеосвящение, икона, таинства, треба);
- 2) названия книг церковного содержания (Библия, Евангелие, требник, Апокалипсис, минея);
- 3) обозначение церковно-религиозных праздников (по характеру богослужения): 1. Великие: а) Пасха; б)двунадесятые (Крещение Господне, Вербное воскресенье, Рождество Христово и др.); в) в честь определенных святых (Покров Пресвятой Богородицы, Рождество Иоанна Предтечи, праздник Иоанна Богослова); г) воскресные дни. 2. Средние (праздники в честь ангелов, некоторых святых, икон Богородицы). 3. Малые (дни памяти русских святых и представителей перед Богом);
- 4) названия объектов церковного назначения и предметов церковной утвари (кадило, звездица, дискос, ладан);
- 5) обозначение священнослужителей христианской церковной иерархии (папа, митрополит, патриарх, кардинал, иерарх) [\[4; с. 7-11\]](#).

В «Словаре православной церковной культуры» Г.Н. Скляревская представляет классификацию церковно-религиозных лексем, в которой представлено семь разрядов лексических единиц:

- 1) наименования таинств и лексем, связанных с ними (причащение, крещение, елеосвящение, покаяние);
- 2) элементы и формы богослужения (утреня, проскомидия, молебен, литургия, вечерня);
- 3) элементы церковного календаря (Рождество Христово, Великий пост, Троица);
- 4) предметы богослужения (просфора, кадило, потир);
- 5) названия церковных иерархий (архиерей, патриарх, митрополит);
- 6) храм и его устройство, части (алтарь, иконостас, амвон, паперть, придел);
- 7) облачения священнослужителей, их отдельные части (митра, омофор, орапы) [\[12\]](#).

В рамках данной работы будем использовать классификацию Г.Н. Скляревской. Согласно приведенной выше классификации, с помощью метода сплошной выборки, отберем номинации в тексте романа «Воскресение» и подробно рассмотрим перевод одной лексемы из каждой группы:

1. Наименования таинств и лексем, связанных с ними: причащение, крещение, крещеный–некрещеный, покаяние, брак.

Проанализируем особенности использования лексемы «некрещеный» в романе «Воскресение» и варианты ее перевода на английский язык.

«Ты что же, старый, не молишься? – сказал нехлюдовский ямщик, надев и оправив шапку. – Аль некрещеный?» [\[15\]](#).

“Why don’t you pray, old chap?” asked Nekhludoff’s driver as he replaced and straightened his cap. “Are you unbaptized?” [\[21\]](#).

Проанализируем толкование лексемы «некрещеный» в словаре В.И. Даля, издание которого совпадает с временем публикации романа. Согласно толковому словарю, «некрещеный» – «нехристианин, бусурман» [\[6\]](#), то есть человек, принадлежащий к другой вере, так как не прошел обряд крещения. В переводе У. Смита данное предложение опущено, а в тексте Л.Я. Мод использована лексема “*unbaptized*”. В Chambers’s etymological dictionary (Chambers’s) и в Webster’s new international dictionary (Webster’s), издание которых приходится на 1888–1900 гг., лексема “*unbaptized*” отсутствует. Вероятно, переводчик образовал ее с помощью приставки “*un*”, обладающей отрицательным значением («не») и глагола “*baptize*”, который в Chambers’s трактуется следующим образом: “to administer baptism to: to christen. Gr. baptizo – bapto, to dip in water” [\[20\]](#). В Webster’s представлено следующее значение глагола “*to baptize*”: “to drop or immerse in water or to pour or sprinkle water upon, as a religious rite or ceremony” [\[23\]](#). Словарь общей лексики ABBYY предлагает лексему “*undipped*” [\[19\]](#), однако, она отсутствует в вышеупомянутых словарях. Следовательно, можно говорить о том, что для перевода лексемы «некрещеный» использован авторский неологизм “*unbaptized*” образованный от греческого глагола “*baptize*” [\[20\]](#). Такое переводческое решение представляется удачным, так как передает семантическое значение лексемы

«некрещеный» и обозначает человека, не прошедшего обряд крещения.

2. Элементы и формы богослужения: богослужение, исповедь, молебен, служба, обедня, проповедование, панихида, исповедовать, служить, заутреня, священствовать.

Рассмотрим предложение, в котором использовано слово «обедня»:

«В промежутке между ранней и поздней обедней Нехлюдов вышел из церкви» [\[15\]](#).

"In the interval between early and late mass Nekhludoff left the church" [\[22\]](#).

"In the interval between early and late mass Nekhludoff left the church" [\[21\]](#).

«Обедня» согласно словарю В.И. Даля обозначает «церковную службу после утэни, литургии; обедня бывает ранняя и поздняя» [\[8\]](#). В Chambers's лексема "mass" трактуется как "the celebration of the Lord's Supper" [\[20\]](#), а в Webster's – "liturgy of the Eucharist, the sacrament of the Lord's Supper, the celebration of the Holy Communion, in English since the Reformation used chiefly of the Eucharist, n. the celebration of the Lord's Supper in R. Cath. Churches" [\[23\]](#). Словарь общей лексики предлагает варианты "mass", "liturgy" [\[19\]](#). В словаре Мюллера представлен вариант "mass" [\[10\]](#). Считаем, однако, что вариант "mass" не является удачным для обозначения христианского богослужения – «обедня», так как в обоих вариантах дефиниций номинации "mass" речь идет о католической литургии и не уточняется в какой части дня происходит служение, а во время обедни происходит таинство Евхаристии. В данном случае наиболее корректным представляется использование лексемы "Eucharist", которой Webster's дает следующее определение – "the sacrament of the Lord's Supper; the solemn act or ceremony of commemorating the death of Christ, in use of bread and wine as the appointed emblems" [\[23\]](#).

3. Элементы церковного календаря: Светлое Христово Воскресенье, Пасха, Рождество. Рассмотрим функционирование лексемы «Пасха» в тексте романа «Воскресение». Например:

«Пасха господня, радуйтесь, людие» [\[15\]](#).

"Be happy, man; it is the Lord's Easter" [\[22\]](#).

"Behold the Passover of the Lord" "Rejoice, O ye people!" [\[21\]](#).

В словаре В.И. Даля слово «Пасха» имеет три значения:

- 1) празднество иудеев, в память исхода их из Египта;
- 2) ежегодное торжество христиан, в память восстания от мертвых спасителя, светлое Христово Воскресенье, святая неделя;
- 3) освященная стопочка сыру, творог, коим разговляются в сей день; кулич, освященный для той же цели, каравай [\[8\]](#).

Из приведенной для анализа цитаты и контекста очевидно, что речь идет о христианском празднике «Пасха господня», который на английский язык в варианте У.Смита переведен сочетанием "Lord's Easter, а в версии Л.Я. Моод использовано сочетание "Passover of the Lord". На наш взгляд в данном случае лексема "Passover" не представляется корректной и искажает контекст, так как в Webster's толкуется

следующим образом: "an annual feast of the Jews..." [23]. То есть, данная номинация используется только в контексте иудейской религии, а не христианства. Номинации «Господь» согласно словарю В.И. Даля дается следующее пояснение: «встарь, государь, господин; ныне, Всеышний, Владыка, Бог, Создатель» [6]. В обоих вариантах использована лексема "Lord", обозначающая "a master: a superior: a husband: a ruler: the proprietor of a manor: a baron: a peer of the realm: the son of a duke or marquis, or the eldest son of an earl: a bishop, esp. if a member of parliament: God, Christianity Jesus" [20]. Семантическое значение лексемы "Lord" полностью совпадает со значением номинации «Господь». Рассмотрим лексему "Easter", которой в Chambers's предлагается следующее толкование: "a Christian festival commemorating the resurrection of Christ, held on the Sunday after Good-Friday" [20]. Словарь общей лексики АБВЬЮ для перевода номинации «Пасха» тоже предлагает номинацию "Easter", обозначающую ежегодный весенний праздник, посвящённый чудесному воскресению распятого на кресте Спасителя [19]. Таким образом, вариант "Easter" представляется эквивалентными лексеме «Пасха».

4. Предметы богослужения: крест, кадило, паникадило, свеча, подсвечник, икона, образ, киот.

Рассмотрим следующий пример:

«Паникадило было уставлено свечами» [15].

"The church lustre was dotted with candles" [22].

"The candelabra was filled with tapers" [21].

В словаре В.И. Даля «паникадило» – «люстра, церковный свечник, подвесной светильник во многих свечах» [8]. Л.Я. Мод использует лексему "candelabra", которая согласно Webster's определяется как "a candlestick, usually ornamental, a lamp stand of any sort, often large and highly ornamental, a large ornamental candlestick, having several branches" [23]. Из толкования лексемы "candelabra" очевидно, что данный предмет применяется не только в церкви, а имеет более широкую сферу использования. В варианте У. Смита использован описательный перевод – "church lustre". Для перевода номинации «паникадило» в словаре общей лексики АБВЬЮ представлена лексема *church-chandelier* [19], которая конкретизирует область использования люстры. Варианты "church lustre" и "church-chandelier" представляются удачными, так как передают основное значение лексемы «паникадило».

5. Названия церковных иерархий: священник, дьячок, дьякон, митрополит, проповедник, архиерей, ксендз, пастор, монахиня, игуменья, поп, протоиерей.

В романе «Воскресение» использованы такие номинации, как «священник», «дьякон», «дьячок»:

«Все было празднично, торжественно, весело и прекрасно: и священники в светлых серебряных с золотыми крестами ризах, и дьякон, и дьячки в праздничных серебряных и золотых стихарях...» [15].

"Everything seemed festive, solemn, bright, and beautiful: the priest in his silver cloth vestments with gold crosses; the deacon, the clerk and chanter in their silver and gold

surplices..." [22].

"*Everything was solemn, joyous and beautiful; the priest in his bright, silver chasuble, dotted with gilt crosses, the deacon, the chanters in holiday surplice of gold and silver..."* [21].

Проанализируем толкование лексем «священник», «дьякон», «дьячок». Согласно словарю В.И. Даля, номинация «священник» толкуется как «иерей, пресвитер, поп, рукоположенный служитель алтаря, совершающий святые тайны» [8]. Служитель Церкви, посвященный во вторую степень священства и имеющий право совершать богослужения и шесть из семи христианских таинств: крещение, миропомазание, евхаристию, покаяние, брак и елеосвящение. Для перевода данной лексемы У. Смит и Л.Я. Модд выбирают лексему "priest", которой в Chambers's приводится следующее определение – "one who officiates in sacred offices: one above a deacon and below a bishop: a clergyman" [20]. В Webster's лексема "priest" дается с пометой "Christian Church" и объясняется как "a person ordained to the ministerial, pastoral, or sacerdotal office; a presbyter, an elder; a minister, in churches more or less hierachial, one ordained to the second order in the ministry. In the Roman Catholic Church, the Eastern Church and the churches of the Anglican Communion, the priest is authorized to perform all ministerial services or sacred functions except those properly or exclusively belonging to bishops" [23]. Исходя из трактовки, предложенной в словаре, очевидно, что священник прошел обряд рукоположения, так как ему разрешено совершать таинства. В словаре общей лексики ABBYY предложен вариант "priest" с пометой (англиканская церковь), а также "incumbent, clergyman" [19]. Вариант перевода "priest" представляется эквивалентным лексеме «священник», так как отражает основные функциональные обязанности священнослужителя.

Вторая номинация «дьякон» или «диакон» использована для обозначения «низшего духовного звания или сана, помощника священника при служении» [6], но в словаре В.И. Даля предложена еще одна трактовка, не связанная с религиозной сферой – «стар. письмовод, письмоводитель, секретарь, правитель канцелярии» [6]. Диакон – «первая (низшая) степень священнослужителей, являются помощниками священников при совершении богослужения» [16]. В обоих англоязычных текстах использована одинаковая лексема "deacon". В Chambers's приводится следующее определение лексемы: "deacon" – "in Episcopal churches the order of clergy under priests: in some Presbyterian churches, an officer under the elders: in Congregational and some other churches, the principal lay official" [20]. Более подробное толкование в контексте христианской конфессии дается в Webster's: "an officer in Christian churches appointed to perform certain subordinate duties varying in different communions; in episcopal churches, a person in the third (or second) order in the ministry, subordinate to the priests. Deacons are advanced to the priesthood by ordinating by a bishop, with a special form of service and the laying on of his hands and those of any priest present" [23]. Вариант "deacon" для перевода номинации «дьякон» предлагает и словарь общей лексики ABBYY [19]. Считаем, что выбранный эквивалент "deacon" в полной мере передают семантическое значение лексемы «дьякон».

Рассмотрим лексему «дьячок» или «дьячек» [6], которая трактуется как «церковнослужитель», «причетник», «псаломщик» [6]. Дьячок является низшим разрядом церковнослужителей, не входящих в состав духовной иерархии [6]. В переводе У. Смита

приводятся две лексемы: "clerk", которая на русский язык переводится как «дьяк» [10] и "chanter" – «регент» [10]. Проанализируем номинацию "clerk", обозначающую "1) a clergyman or priest: a scholar: one who leads the responses in the English Church service; 2) in common use, one employed as a writer or assistant in an office" [20]. В христианской конфессии в обязанности дьячка входит чтение Священного писания и пение на клиросе [16]. Такой спектр полномочий и передает номинация "chanter" – "the chief singer or priest of a chantry" [20], которую используют У. Смит и Л.Я. Мood. Таким образом, в переводе У. Смита добавление лексемы "clerk" – «регент» не представляется целесообразным.

6. Храм и его устройство: церковь, монастырь, алтарь, иконостас, клирос, паперть, купол, крест.

Рассмотрим следующий пример:

«Он видел это, когда близко мимо нее проходил в алтарь» [15].

"He saw it while passing near her to the altar" [22].

"He noticed this as he passed her, walking up to the altar" [21].

Проанализируем перевод лексемы «алтарь», которой дается несколько дефиниций в словаре В.И. Даля: «1) жертвенник, возвышение разного вида, на коем народы, каждый по вере своей, приносили Богу жертву, 2) в христианской церкви возвышение с приступками в глубине церкви, 3) в Православной: восточная оконечность церкви, отдаленная иконостасом и царскими дверями» [6]. Из контекста очевидно, что в данном предложении лексема «алтарь» использована в третьем значении (восточная оконечность церкви). Для перевода данной номинации переводчики выбирают лексему "altar". "Altar" согласно Chambers's – "a high place on which sacrifices were anciently offered: in Christian churches, the communion table" [20]. Схожую дефиницию предлагает Webster's: "in the Christian church, a tablelike construction used in celebration the Holy Eucharist; the communion table, Medieval Christian altars were often magnificent structures of marble and bronze" [23]. Во многих религиях алтарем называют не восточную часть церкви, а сам стол-жертвенник, что очевидно и из определения лексемы "altar". Выбор номинации "altar" вносит неточности в текст оригинала. В данном случае представляется корректным использование лексемы "sanctuary" в значении "most retired and sacred part of a temple; the presbytery or eastern part of the choir of a church in which the altar is placed" [20].

7. Облачения священнослужителей, их отдельные части: епитрахиль, риза, стихарь. Данные номинации Л.Н.Толстой использует при описании одежды и элементов убранства священнослужителей. Например:

«...священники в светлых серебряных с золотыми крестами ризах, и дьякон, и дьячки в праздничных серебряных и золотых стихарях...» [15].

"...the priest in his silver cloth vestments with gold crosses; the deacon, the clerk and chanter in their silver and gold surplices..." [22].

"...the priest in his bright, silver chasuble, dotted with gilt crosses, the deacon, the chanters in holiday surplice of gold and silver..." [21].

Согласно словарю В. И. Даля, «риза» – «облачение, одежда священников при богослужении» [8], а «стихарь» – «это длинная, с широкими рукавами одежда для богослужения у дьяконов, дьячков, а также нижнее облачение у священников, архиереев» [8]. У. Смит в своем переводе использовал прием описательного перевода “*cloth vestments*” для лексемы «риза», а Л. Я. Мood вариант “*chasuble*”, который представляется наиболее подходящим, так как согласно Chambers's “*chasuble*” трактуется как “the uppermost garment worn by a R. C. priest at mass” [20]. Следовательно, лексема “*chasuble*” представляется эквивалентной для перевода номинации «риза» на английский язык.

Одинаковый вариант для перевода лексемы «стихарь» используют У. Смит и Л. Я. Мод – “*surplice*”, что в Chambers's определяется как “a white outer garment worn by the clergy” [20]. Аналогичный вариант перевода указан в словаре общей лексики, ему дается такое определение «длинная с широкими рукавами одежда (обычно парчовая) дьяконов и дьячков, надеваемая при богослужении, а также нижнее облачение священников и архиереев» [16]. Таким образом, лексема “*surplice*” в полной мере передает значение номинации «риза».

Так как в тексте романа «Воскресение» представлен широкий блок религиозной лексики, то не все лексические единицы удалось группировать согласно классификации Г. Н. Скляревской. Помимо вышеперечисленных нами были выделены следующие группы:

8. Наименование церковных книг: Евангелие, Новый завет.

Например:

«Он не спал всю ночь и, как это случается со многими и многими читающими Евангелие, в первый раз, читая, понимал во всем их значении слова, много раз читанные и незамеченные» [15].

“He did not sleep all night, and as it happens to many and many a man who reads the Gospels he understood for the first time the full meaning of the words read so often before but passed by unnoticed” [21].

В словаре В.И. Даля приводится следующее определение лексемы «Евангелие»: «учение Господа о Царствии Божием, благовестие, первая и главнейшая часть Нового Завета, состоящего из четвероевангелия, посланий апостольских и апокалипсиса. Слово Божье о жизни, деяниях и учении Господа нашего Иисуса Христа» [6]. В старославянский язык Евангелие слово пришло из греческого euaggelion (благая весть), где первоначально означало «воздаяние или награду за радостную весть» [18]. У Л. Я. Мод не возникает трудностей с переводом лексемы «Евангелие» – “Gospels”, которая трактуется как “the Christian revelation: the narrative of the life of Christ, as related by Matthew, Mark, Luke, or John: a system of religious truth” [20]. Сама номинация “gōdspel” использовалась в древнеанглийском языке для обозначения «Евангелие» и переводилась как (gōd, «хороший» + spel, «новости») [20]. Вариант “Gospels” для перевода номинации «Евангелие» предлагает и словарь общей лексики. Номинация «Евангелие» является заимствованной и в русском, и в английском языке, поэтому сложностей с поиском эквивалента не возникает.

9. Молитвы, тексты молитв и песнопений и их составляющие: молитва, акафист, Иисусе, спаси мя, Аллилуйя, «Иисусе, сыне божий, помилуй мя».

Наименование хвалебной песни «акафист» использовано в следующем предложении романа:

«Маслова во время акафиста занялась рассматриванием его и перешептыванием с Федосьей и крестилась и кланялась, только когда все это делали» [\[15\]](#).

“During the acathistus Maslova occupied herself in scrutinising him and talking to Theodosia in whispers, and bowed and made the sign of the cross only when every one else did” [\[21\]](#).

«Акафист» – это «церковная хвалебная песнь и молитвы Спасителю, Богоматери и святым угодникам» [\[6\]](#). Словарь общей лексики ABBYY предлагает вариант “*acathistus*” [\[19\]](#), который и использован переводчиком. Следующая дефиниция предложена в Chambers's: “a hymn honoring the Virgin. It was sung with the people standing in the fifth week in Lent, during the commemoration of the repulse of the Avars from Constantinople by Heraclius” [\[20\]](#). Семантика слова «акафист» – “*acathistus*” совпадает, так как и в русский язык и в английский лексема пришла из греческого поэтому перевод лексемы, не вызывает трудностей.

10. Лексемы для обозначения обычаем, обрядов, ритуальных действий: крестить – креститься, перекреститься, похристосоваться, говеть, святить, разговляться, молиться. В тексте романа данные лексемы используются для описания обрядов, совершаемых прихожанами или осуществляемые священнослужителями. Рассмотрим функционирование лексемы «говеть» на примере следующего предложения:

«Не говоря о домашних отношениях, в особенности при смерти его отца, панихидах по нем, и о том, что мать его желала, чтобы он говел, и что это отчасти требовалось общественным мнением...» [\[15\]](#).

“At home, when his father died, he had to be present at the masses said for his soul, and his mother wished him to go to confession or to communion, and it was in a way expected, by public opinion, but above all, Government service demanded that he should be present at all sorts of services, consecrations, thanksgivings, and the like” [\[21\]](#).

Лексеме «говеть» приводится следующее определение: «1) жить, быть; благоговеть к кому или перед кем, уважать, почитать кого в высшей степени. 2) готовиться к исповеди и причастию, постясь и посещая церковь. И поститься, ничего не есть [\[6\]](#). В переводе У. Смита данный фрагмент текста опущен, а в версии Л.Я. Модд применен вариант “*to go to confession or to communion*”. Таким образом, Л.Я. Модд использует описательный перевод, который в полной мере не передает семантику глагола, обозначающего не только посещение церкви и посещение причастия, но и сам процесс духовной подготовки к посту и посещению богослужений. В словаре общей лексики ABBYY указаны варианты “*to fast; to prepare for Communion*” [\[19\]](#). Лексема “*fast*” в Chambers's объясняется как “*to keep from food: to go hungry: to abstain from food in whole or part, as a religious duty; abstinence from food: special abstinence enjoined by the church: the day of fasting*” [\[20\]](#). Считаем, что выбор данной лексемы позволил бы в большей степени отразить действия, заложенные в семантике глагола «говеть» в данном контексте.

11. Названия ритуальной пищи: кулич, пасха.

Например:

«...как услыхал в коридоре сборы Матрены Павловны, старой горничной Марьи Ивановны, вместе с Катюшой в церковь, чтобы святить куличи и пасхи» [15].

“...making preparations with Katiusha to go to church and witness the consecration of the paschal bread” [22].

“he heard the old servant Matrona Pavlovna preparing to go to the church to get the koulitch and paski [Easter cakes] blest after the midnight service” [21].

Определим, насколько перевод номинаций «кулич» и «пасха» можно считать точным в англоязычных текстах. В толковом словаре В.И. Даля приводится следующее определение лексемы «кулич»: «пасхальный хлеб, на юге, пасха, печется на дрожжах и сдобная, с миндалем, изюмом и пр.» [8]. В данном контексте номинация «кулич» обозначает «пасхальный хлеб», так как события происходят в северной части России. Рассмотрим лексему «пасха». Как было отмечено ранее, лексема «пасха» имеет три значения, однако в данном предложении обозначает: «освященную стопочку сыру, творог, коим разгавливаются в сей день» [8]. У. Смит в тексте перевода оставляет только одну номинацию “*paschal bread*”. Предполагаем, что такой вариант перевода он выбирает для лексемы «кулич», обозначающей «пасхальный хлеб», а номинацию «пасха» опускает.

В переводе Л.Я. Мод – две лексемы. Номинация «кулич» переведена с помощью транслитерации – “*koulitch*”, что позволяет сохранить реалию в тексте перевода. Транслитерация использована и при переводе лексемы «пасха» – “*paski*”, однако здесь Л.Я. Мод добавляет пояснение, которое представляется не совсем корректным, так как «пасха» в этом контексте – это блюдо из творога [8]. Наиболее удачным является прием транслитерации без авторского пояснения, которое является некорректным. Согласно авторскому комментарию, оба слова обозначают одно и то же блюдо, тем самым искажая текст оригинала.

12. Наименование восприемников и крещаемых: крестный отец, крестная мать, крестница. Например:

«Она и окрестила девочку, а потом, жалея свою крестницу, давала молока и денег матери, и девочка осталась жива» [15].

“She baptized the child, and in pity for her god-daughter, furnished her with milk, gave the mother some money, and the babe thrived” [22].

“she offered to stand godmother to the little girl, and pity for her little god-daughter induced her to give milk and a little money to the mother so that she should feed the baby; and the little girl lived” [21].

«Крестница», согласно словарю В.И. Даля: «крестное дитя, сын или дочь, крестовое дитя́тко, сын по Господу, принятый кем-либо от купели при св. крещении» [8]. В англоязычных текстах представлены разные лексемы: в варианте У.Смита – номинация “*god-daughter*”, которой приводится следующее определение “Godfather – a man who, at a child's baptism, engages to be its father in relation to God or its religious training. God'mother. ns. Godchild, God-daughter, God'son” [20]. Однако в версии перевода Л.Я. Мод данная лексема опускается и использован антонимический перевод, что не искажает значение лексемы, но меняет структуру предложения (в тексте оригинала один

глагол «окрестила», а в англоязычной версии два глагола: "offer" и "stand"). Словарь общей лексики ABBYY допускает использование вариантов god(-) daughter, god(-)child [19], поэтому вариант У. Смита наиболее удачный.

В данной статье мы рассмотрели трактовку понятия религиозная лексика и выявили наиболее частотные религиозные лексические единицы в тексте романа «Воскресение». Обращение к роману Л.Н. Толстого позволяет заключить, что автор в речи персонажей активно использует слова и составные наименования, относящиеся к религиозной тематике. В тексте произведения церковные единицы являются разными частями речи, среди них преобладают имена существительные (апостол, икона, кадило, богослужение и др.). С помощью метода сплошной выборки, нами была отобрана религиозная лексика, которая была разделена на двенадцать тематических групп: «Наименования таинств и лексем, связанных с ними», «Элементы и формы богослужения», «Элементы церковного календаря», «Предметы богослужения», «Названия церковных иерархий», «Храм и его устройство, части», «Облачения священнослужителей, их отдельные части», «Молитвы, тексты молитв и песнопений и их составляющие», «Наименования церковных праздников», «Наименования книг церковного содержания», «Наименования ритуальной пищи» и «Наименование лиц духовных поручителей».

Из-за различия типов конфессий на территории Российской империи и Англии (православие и протестантизм) нами были выявлены различия в использовании или отсутствии некоторых номинаций в английском языке.

Так для перевода лексемы «некрещенный» использован авторский неологизм, а при переводе номинаций, обозначающих священнослужителей «священник, дьякон, дьячок» были подобраны соответствующие эквиваленты. Лексемы («говеть, паникадило, стихарь, крестница») были переведены с помощью описательного приема (чаще в версии перевода У. Смита), однако для ряда лексем существуют устоявшиеся эквиваленты. При работе с номинацией «Пасха» оба переводчика использовали прием добавления, который не совсем оправдан, а в переводе У. Смита добавление приводит к фактической ошибке. Перевод наименования церковных книг и песен (Евангелие, Акафист) трудностей не вызывает – использованы эквиваленты. В переводе У. Смита наблюдается большое количество опущений лексем и фрагментов, относящихся к религиозной тематике. Опущения не позволяют в полной мере раскрыть основную проблематику романа для англоязычного читателя.

Таким образом, основную сложность представляет достаточно широкое и разнообразное использование религиозных номинаций, для работы с которыми переводчику необходимо детально разбираться в особенностях и различиях религиозной терминологии.

Библиография

1. Азаров А.А. Большой англо-русский словарь религиозной лексики. Comprehensive English-Russian Dictionary of Religious Terminology / А.А. Азаров. М.: Флинта: Наука, 2004. 808 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие /И. С. Алексеева. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, М.:Академия, 2004. 352 с.
3. Булавина С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: автореф. дис. ... канд. филологич. наук / С. В. Булавина. Воронеж, 2003. 156 с.
4. Горюшина, Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов). Волгоград, 2002. 179 с.

5. Гудзий Н.К. История писания и печатания «Воскресения». — Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 33, «Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки. Отдельные издания. Библиография». М., 1961. С. 411–422.
6. Даль В.И. Толковый Словарь Живаго Велико рускаго Языка. ч. 1. А-З. 1863 г. URL: https://vk.com/doc41101372_658310188hash=APvmQD8RJqFJOz9qMcvnxE44zq1HxIq4GIJqaTnI2jz&dl=GFpUf27nvz1zBzVIyIKWJHhIAwW1VAnpAIqSZvcyLHT (дата обращения: 29.04.2024).
7. Даль В.И. Толковый Словарь Живаго Велико рускаго Языка. ч. 2. ИО.1865 г. изд.pdf URL: https://vk.com/doc41101372_658310218hash=A5b4o3BF00wSF8JDIhISpS480QbQmli7vmuZfvy2Ge4&dl=ZlItwtWYqY0pHYrPGbXp4Pp5anmrFIMb80dLbFQhZCD (дата обращения: 29.04.2024).
8. Даль В.И. Толковый Словарь Живаго Велико рускаго Языка. ч. 3. П. 1865 г. изд.pdf URL: https://vk.com/doc41101372_658310246hash=SFEoAEyqsonUZTY1QNEhOizxmAzG9iPZzFea2C1tkms&dl=VITh98aZ3YH8BK8TCYjxC1HO1b40xDyeq4DXKD9cfZD (дата обращения: 29.04.2024).
9. Даль В.И. Толковый Словарь Живаго Велико рускаго Языка.ч.4.PV.1866 г. изд.pdf URL: https://vk.com/doc41101372_658310278hash=i2ZtHYdiqhCXKgagnOMabVK4jsApbjzJCxyjD87e2Ss&dl=4YZFRalUtjEAhj3Jxk9zcfyHModqoH9fW91ialSquT (дата обращения: 29.04.2024).
10. Мюллер В.К. Русско-английский словарь.
URL:https://gufo.me/dict/enru_mullerysclid=luwnjhd2eg607279689 (дата обращения: 29.04.2024).
11. Прилуцкий А. М. Семиотика религии: Философско-религиоведческие исследования / А. М. Прилуцкий. Спб.: Изд. дом «Инкери», 2007. 218 с.
12. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., "Наука", 2000. 278 с.
13. Смирнова С.А. О понятии «церковная лексика»//Научный диалог – 2014. № 12 (36): Филология. С. 84–97.
14. Тимофеев, К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: учебное пособие. Новосибирск, 2001. 88 с.
15. Толстой Л.Н. «Воскресение». М.:Издательство ACT, 2023. 600 с.
16. Устав православного богослужения. URL: Устав православного богослужения, §1. Церковнослужители, их функции и облачения - Алексей Сергеевич Кашкин - читать, скачать (azbyka.ru)(дата обращения: 29.04.2024).
17. Четырина, А.М. К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка // Актуальные вопросы изучения духовной культуры. М Ярославль: Ремдер, 2010. С. 104–108.
18. Этимологический словарь. URL: Этимологический словарь Крылова (gufo.me) (дата обращения: 29.04.2024).
19. ABBYY Lingvo — Словарь ABBYY Lingvo x6. Многоязычная версия (электронный ресурс). URL: www.lingvo.ru (дата обращения 11.02.2024) Русско-английский словарь общей лексики. ООО «Контент ИИ», 2022 (создан в 2014). (дата обращения: 29.04.2024).
20. Findlater Andrew Chambers's etymological dictionary of the English language. URL: <https://archive.org/details/chambersetymolo00findrich/page/362/mode/2up?ref=ol> (дата обращения: 29.04.2024).
21. Tolstoy Leo. Resurrection. Translated by Mrs. Louise Maude. URL: [Resurrection, by Leo Tolstoy \(gutenberg.org\)](http://www.gutenberg.org/cache/epub/1/pg_en.html). (дата обращения: 29.04.2024).
22. Tolstoy Leo. The Awakening. Translated by WILLIAM E. SMITH. URL: [Воскресение —](http://www.gutenberg.org/cache/epub/1/pg_en.html)

The Awakening - читать на английском и переводить текст (liteka.ru) (дата обращения: 29.04.2024).

23. Webster's new international dictionary of the English language,based on the International dictionary of 1890 and 1900. URL: Webster's new international dictionary of the English language,based on the International dictionary of 1890 and 1900. : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive. (дата обращения: 29.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Русская литература, многие произведения которой стали шедеврами классики, широко известна повсеместно. Ознакомление с лучшими образцами русской прозы и поэзии дает человечеству уроки нравственности. Каждый роман или повесть транслируют в мир духовную культуру, традиционные устои которой помогли моральным критериям сохраниться во времени неизменными, составили сущность россиянина независимо от вероисповедания и места жительства. Литературные произведения помогли приобщить к моральным устоям российского общества не одно поколение россиян. Поэтому каждое произведение, признанное классическим, несет в себе все то доброе, вечное, разумное, положительное, что выработала веками российская история и реальность.

В статье «Особенности межъязыковой передачи религиозной лексики при переводе романа Л.Н. Толстого «Воскресение» на английский язык», представленной для публикации в журнале «Филология: научные исследования», автор анализирует религиозную лексику, используемую в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» в переводах на английский язык.

Религиозная лексика – одна из тех тематических групп, которая несет информацию о духовной жизни народа. Будучи глубоко национальным, данный пласт лексики служит для ознакомления с духовным миром последователей конкретной веры, в данном случае православных, нравственные устои которых в переводах романа на английский язык должны адекватно быть восприняты последователями протестантизма. Поэтому предмет исследования очень важен, т.к. от адекватности перевода слов, включенных в эту сферу, зависит правильность читательского понимания текста и уровень осмыслиения специфики повседневной обрядности народа в свете культурных различий, имеющихся в сфере богослужения в англиканской и православной церквях.

Автор рассматривает понятия «религиозная лексика» и «церковная лексика», соглашаясь с мнением большинства ученых, исследовавших данный вопрос, в том, что «церковная лексика является составным элементом религиозной лексики». Исследователь приводит классификации религиозной лексики, предпринимаемые К.А.Тимофеевым, Р.И.Горюшиной, Г.Н.Скляревской, в своем анализе за основу берет последнюю систематизацию. С помощью метода сплошной выборки автор выявляет религиозную лексику и делит ее на 12 тематических групп, из которых, на наш взгляд, подгруппы «Элементы и формы богослужения» и «Лексемы для обозначения обычая, обрядов, ритуальных действий» можно было бы объединить ввиду отнесенности слов данных подгрупп к ритуальным действиям. В каждой лексической подгруппе автор подробно останавливается на рассмотрении одной лексемы с точки зрения выявления адекватности перевода: на основе сравнения словарных дефиниций словаря В.И.Даля, Chambers's etymological dictionary, Webster's new international dictionary, издания которых приходятся на 1888–1900 гг., синхронные времена создания романа «Воскресение», сопоставляет соответствующие словарные статьи и делает выводы

относительно удачности или неудачности перевода. Так, им обнаружен авторский неологизм “*unbaptized*”, примененный для перевода лексемы «некрещеный»; в некоторых случаях даются рекомендации (для перевода слова «обедня» «наиболее корректным представляется использование лексемы “Eucharist”», при переводе реалий «наиболее удачным является прием транслитерации»).

Статья содержит новые материалы, выбранная тема актуальна. Стиль изложения соответствует научному, структура логически выдержанна, содержание раскрывает заявленную проблематику.

Замечены пунктуационные ошибки, которые требуют устраниния (например, в предложениях «Семантика слова «акафист» – “acathistus” совпадает, так как и в русский язык и в английский лексема пришла из греческого поэтому перевод лексемы, не вызывает трудностей.»; «Крестница», согласно словарю В.И. Даля: «крестное дитя, сын или дочь, крестовое дитятко, сын по Господу, принятый кем-либо от купели при св. крещении»; «Облачения священнослужителей, их отдельные части»).

В целом, статья «Особенности межъязыковой передачи религиозной лексики при переводе романа Л.Н. Толстого «Воскресение» на английский язык» представляет интерес для читательской аудитории, может быть рекомендована в печать в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дуктова Л.Г. Культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков // Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.71045 EDN: ITAETU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71045

Культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков

Дуктова Любовь Георгиевна

ORCID: 0009-0003-5401-7932

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Центр исследований белорусской культуры; языка и литературы
Национальной академии наук Беларусь

220072, Беларусь, Минская область, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2

✉ docent2020@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.6.71045

EDN:

ITAETU

Дата направления статьи в редакцию:

17-06-2024

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению культурных кодов в белорусской прозе рубежа XX-XXI вв. Задачи исследования: обосновать использование термина культурного кода как литературоведческого понятия; на примере разных видов кодов показать особенности интерпретации литературного произведения. Предмет исследования – предметный, пространственный, персонажный, акциональный, анималистический, флористический, цветовой коды в эпических произведениях В. Гниломедова, К. Цвирки, В. Казько, А. Наварича, А. Федоренко при раскрытии идейной направленности. Отмечается, что культурный код как семиотическая единица, являющаяся носителем глубинных историко-культурных смыслов, через которые проявляются социальные, экономические, geopolитические, культурные особенности, специфика национального мировоззрения, модели поведения представителей определенной нации или населения страны в целом, в литературоведении рассматривается в рамках семиотического подхода. Методы (историко-литературный,

структурный, семантический) и методологическая основа исследования – работы М. Эпштейна, Ю. Кристевой, В. Халирова, И. Швед и др. Научная новизна работы заключается в том, что впервые проанализированы особенности использования культурных кодов в эпических произведениях современных писателей. В работе показано как с помощью отдельных кодов, являющихся своего рода маркерами национальной художественной картины мира, закрепленных в произведениях больших и средних эпических форм белорусской литературы рубежа XX–XXI вв., транслируются ценности и идеи. Сделаны выводы о том, что среди культурных кодов, встречающихся в белорусской прозе, подчеркивающих национальную маркированность, – «партизанский лес», «кужаль», «vasilek», «белорусский партизан», «волколак», «толокак» и др. Практическая область применения результатов работы видится в возможности использования данного материала для глубокого осмыслиения и изучения таких учебных дисциплин, как «История литературы стран СНГ», «История белорусской литературы», вузовских историко-литературных курсов, при самостоятельной научно-исследовательской работе студентов, при написании курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова:

национальный культурный код, роман, повесть, пространственный код, предметный код, анималистический код, растительный код, белорусская литература, проза, код

Введение

Культурный код как семиотическая единица, являющаяся носителем глубинных историко-культурных смыслов, через которые проявляются социальные, экономические, геополитические, культурные особенности, специфика национального мировоззрения, модели поведения представителей определенной нации или населения страны в целом, в литературоведении рассматривается в рамках семиотического подхода. Выявление культурных кодов при интерпретации литературных произведений – один из способов как к раскрытию их идейной направленности в целом, так и при донесении определенных культурных смыслов, проявляющихся в художественном полотне произведения на имплицитном уровне с помощью характерных образов, мотивов.

В современной гуманистике понятие культурного кода используется при анализе мультимодального текста, и в этом случае речь идет не только о вербальном уровне коммуникации. С точки зрения теории коммуникации художественная литература выступает одним из каналов передачи информации с помощью культурных кодов наряду с кинематографом, изобразительным искусством, СМИ и др. Исследование культурных кодов в объекте художественного творчества предполагает наличие междисциплинарного подхода к данной проблеме. При интерпретации произведений литературы с помощью культурных кодов исследователи часто апеллируют к понятиям «интертекстуальности» Ю. Кристевой, «гипертекста» Т. Нильсона, концепциям «художественного мира» Д. Лихачева, «диалога» М. Бахтина, структурной поэтики Ю. Лотмана и др., тем самым подчеркивая необходимость поиска взаимодействия между языковым уровнем и национально-культурной маркированностью в художественном произведении. Исследованием семиотической модели литературного процесса занимался литературовед В. Халипов, который также подчеркнул важность при прочтении текста обращения к кодам, которыми пользовался автор. Однако при этом исследователь, выделяя детерминированные (для детерминированных систем характерна последовательность и предсказуемость) и вероятностные коды, подчеркивает спорную

сознательную заретушированность обращения к культурным кодам в литературном произведении: «Не только языки в строго лингвистическом смысле, но и "языки" национальных культурных традиций, идеально-эстетических систем литературных направлений и т.п. – всех культурных кодов, используемых авторами при создании художественных произведений, – будут являться системами именно вероятностного характера» [\[1, с. 9\]](#).

Представляет интерес рассмотрение отдельных культурных кодов, являющихся своего рода маркерами национальной художественной картины мира, в произведениях больших и средних эпических форм белорусской литературы рубежа XX-XXI вв., такова цель данного исследования.

Предметный культурный код как транслятор ценностей семьи, рода, родной земли в гептологии В. Гниломедова (код кужала)

Романный цикл В. Гниломедова, в котором показана история семьи западнобелорусской деревни в первой половине XX века, составляет семь произведений: «Улис из Пруски», «Россия», «Возвращение», «Васильки на рубеже», «Война», «После войны», «Правда живет посередине». Предметный код кужала выступает ключом к пониманию идейной направленности гептологии писателя. Кужаль, в одном из значений, – полотно из льняных ниток, из которого изготавливались традиционная одежда белорусов, а также изделия для дома (постельное белье, покрывало), в другом – неочесанный лен, растительная культура, подчеркивающая национальный колорит Беларуси, изображение цветков льна присутствует на государственном гербе. В рассматриваемых произведениях данная лексема присутствует в онимном поле: целесообразно отметить символичность фамилии героя романов в гептологии Леона Кужала (более подробно данный аспект рассматривает исследователь Ж. Шаладонова). Фамилию деда берет себе и неродной внук Владимир в романе «Правда живет посередине».

Белорусская история насыщенного событиями XX века показана через историю человеческих судеб, в романах рассказывается об укладе жизни и особенностях мировоззрениях белорусов, русских, евреев, цыган, американцев. Образ кужала символичен – как из льняных нитей, метафоры человеческих судеб, ткется эпическое полотно истории. Отметим при этом, что культурный код по определению ряда исследователей рассматривается как набор символов, знаков, характерных для определенной культуры, направленный на ее идентификацию и использование носителями данной культуры (Д. Гудков, М. Эпштейн и др.). Особый акцент в романах В. Гниломедова сделан на ценности сохранения и созидания для семьи. Представители старшего поколения Леон и Фекла Кужали показаны как своего рода опекуны и хранители своих потомков, под их вниманием словно под невидимым покрывалом-кужалем находят спасение в самых сложных жизненных ситуациях как члены семьи, так и близкие люди: они спасают сына Василия, помогают партизанам во время войны, улаживают судьбу сестрам, их дом становится гостеприимным пристанищем для «вечного бродяги» Куземки, как и других людей и др. Их повседневная опека для внука Владимира – животворный источник, дающий возможность почувствовать силовое поле целого рода. В романах не единожды указывается на метафору невидимого покрывала, оберегающего взрослеющего Владимира с детства от любых напастей, подчеркивается связь с хранителями семьи – представителями старшего поколения Леоном и Феклой Кужалями.

Целесообразно подчеркнуть, что второе значения слова «кужаль» связано со льном, данный флористический образ широко представлен в произведениях белорусского фольклора, литературы, народного искусства. В эпическом полотне гептологии

присутствуют сцены, где показана работа со льном: «Осенью белили полотна. Прося складывала на коленях гармошкой льняной свиток и, сложив его, несла к речке, мочила, а затем била качалкой, растила на траве, мяла ногами. Варила раствор из древесной золы и отбеливала в нем полотно, после этого снова выстилала его на росу, сушила. Умела прядь лен и шерсть для одежды, паклю – на мешки» [2, с. 427] («Васильки на рубеже»). Лен символизирует нерушимую связь человека с родной землей. В романе «Улис из Пруски» Леон Кужаль в дореволюционное время едет на заработки в Америку, а возвратившись в родную деревню, одержимо и с упоением окунается в работу на родной земле. В романах «Россия», «Возвращение» описывается ситуация, когда с приближением русско-немецкого фронта в 1915 году жители западнобелорусской деревни Пруски находят убежище в России, где Леон нашел себе жену, а в 1922 году прускавцы возвращаются в родное село. И хоть на родине в этот период в так называемых околицах Беловежской пущи бурлили высокие волны политических страстей, в тяге к родной земле, дому, труду на земле предков показана живучесть белорусов несмотря на многочисленные баталии, как показывает история, из века в век разворачивающиеся на белорусской земле.

Пространственный, персонажный и акциональный культурные коды в показе уклада жизни в современной белорусской прозе (например, коды «партизанский лес», «белорусский партизан», «толока»)

К числу национальных кодов белорусов целесообразно отнести коды, связанные с показом определенной модели поведения, в котором проявляется коллективное «мы». В романе «Война» В. Гниламедов акцентирует внимание на соборности, том духовном стержне, который объединяет людей в трудное время. Описывая события Великой Отечественной войны, писатель довольно подробно показывает жизнь партизан в лесу: «Общая беда и общая цель быстро объединяют людей. Это можно было видеть уже из того, как они работали. Одни капали под землянку яму, другие пиляли сосны, чтобы выложить стены и сделать потолок, третьи из распиливали. Деревья секли поодаль, счищали сучья, делили на бревна и стягивали сюда, к строительству. Из свежих смолистых кругляков капала пахучая прозрачная смола» [3, с. 132].

В произведениях белорусских писателей И. Шамякина, И. Чигринова, И. Науменко, В. Быкова, В. Гниломедова показана Беларусь партизанская. Широко известным стало выражение «партизанский лес», с которым связаны ментальные установки белорусов, толерантных и дружелюбных в мирных условиях жизни, однако способных в критической ситуации угрозы суверенитета, насилия для близких и окружающих людей мобилизоваться и дать отпор. На данный факт обращает внимание литературовед И. Шаладонов, который рассматривая эзистенциональный образ белорусского партизана в повестях, отметил, что если в статусе мирного жителя позиция белоруса базируется на лояльности и подчиненности определенному суверену (королю, государству), то в случае оккупации «именно партизан сознательно берет на себя часть прав бывшего суверена, этим самым наделяя себя эксклюзивным правом нести ответственность за судьбу своей земли, за защиту своих прав, а также родственников и одноплеменников» [4, с. 66]. Исследователь уточняет, будучи до конца не обозначенным в статусе «права войны» белорус в чем-то становится невольным детонатором жесткого противостояния относительно подавления народа со стороны оккупационных сил: «Процесс ведения войны, его формы и способы противостояния между враждующими сторонами получают почти беспредельный и тотальный характер, порождая большую лютость и жертвенность среди мирных жителей» [4, с. 66]. С учетом данной коннотации отметим, что партизанский лес выступает оплотом неприступности, непобедимости.

Особенностью лесистой местности Беларуси является присутствие болот, непроходимых зарослей. В литературе не только на военную тему описаны истории, когда лес защищает человека, который прячется в нем от угрозы, исходящей от других людей. В романе «Волчий остров» К. Цвирки место в лесу посреди непроходимых болот, нетронутое ногой человека («вольчья выспа»), тайная дорога к которому была известна семье Короленей, стало спасительным пристанищем для главного героя произведения Игната, ставшего отшельником в непростое довоенное время. К. Цвирка подробно описывает жизнь «полесского робинзона», который сумел не только выжить в лесу, но и построить дом и даже наладить хозяйство, мечтая забрать в лес свою семью и жить спокойной жизнью. Конфликт произведения строится на противостоянии человека и нового порядка (проводимой политики коллективизации), породившего обстоятельства, в которых он оказался в статусе изгоя.

На протяжении истории партизанский лес не раз являлся местом, защищавшим от угроз, местом, где проявляются константы национального характера: жертвовать собой, но сохранить достоинство; не полагаться ни на кого и усердно работать, чтобы добиться процветания; несмотря на препятствия верить в лучшее будущее. Вместе с тем с кодом партизанского леса связана тема свободы: ты ушел на определенном расстоянии от дома в лес и можешь жить как злагорассудится.

Таким образом, код партизанского леса, презентованный в художественной литературе, связан не только с военным периодом, но и в целом с восприятием белорусами леса как надежного убежища в ситуации сумятицы, местом ощущения воли (свобода есть всегда), пристанищем людей, для которых извечные ценности остаются незыблемыми в лицу нагрянувшим событиям, нарушающим привычный уклад жизни.

Для белорусской ментальности характерным является подчинение лишь на разумных основаниях, при этом союзы выступают одной из сверхценностей. И речь идет не только об объединяющих возможностях семейственности, исторические корни которой мы наблюдаем в эволюции белорусской деревни, изначально существовавшей как конгломерат, в котором соседствуют представители разных родов (род крестьян, род кузнецов, род знахарей и др.), из поколения в поколение передающих знания духовного и материального значения, а следовательно – не только об ощущении масштабности и покровительства рода и поддержки семьи. Одним из важных союзов выступает толока как форма взаимопомощи (на небольшой промежуток времени люди объединяются, чтобы решить определенную задачу). И проявляется это не только во время сельскохозяйственных работ, как показано в прозе В. Гниломедова, И. Науменко, В. Казько, А. Жука и др. В повести И. Шамякина «Полесская мадонна» объединение людей разных социальных статусов помогает героине Надежде Русак найти сына, в романе «По вере вашей» В. Гавриловича творческая интеллигенция приходит на помощь главному герою писателю Евгению Кавенька, чтобы обелить память о военном прошлом его семьи.

Анималистический и персонажный культурные коды при раскрытии смыслов в диаде «свой – чужой» в романах и повестях белорусской литературы рубежа XX-XXI вв. (например, коды волка, волколака)

В мифopoэтической картине мира белорусов коды волка и волколака связаны с полярными чертами человеческой натуры – жесткостью и ощущением себя изгояем. С образом волколака связан образ легендарного князя Всеслава-Чародея, героя «Слова о полку Игореве», согласно легенде, способного оборачиваться в волка. По словам М. Эпштейна, С. Аверинцева, обращение к мифологическому мировоззрению в литературе

связано с тяготением писателей к использованию «первоначальных, архетипических констант человека и природного бытия» [5, с. 224]. В целом, образы волка, волколака присутствуют в мифологиях разных народов. Согласно белорусской народной традиции, волколки по своему происхождению могут быть двух типов: это временно обернувшийся в волка колдун, наделенный чертами звериной дикости, а также несчастные люди, превращенные в диких зверей в результате магических действий ведьмака. Отсюда двоякое отношение к волколакам, нашедшее отражение как в устном народном творчестве, так и в литературе. Мифологизированный образ волколака, подчеркивающий национальный колорит, представлен в белорусской литературе XIX-XX вв. в творчестве П. Багрица, Я. Борщевского, А. Гаруна, Я. Купалы, В. Короткевича, А. Кожедуба, в современной исторической прозе (роман «След волколака» Л. Дайнеки, «Золото забытых могил» Л. Рублевской, «Литовский волк» А. Наварича, «Князь-волколак» М. Кутузова).

В одном из вариантов белорусских легенд об оборотнях отмечается, что волколак – это человек, которого колдун превратил в волка. Особенно это характерно для свадебного сюжета, когда по злопамятству чародея в диких зверей оборачивались молодые или гости, и превратится обратно они могли при условии, если услышат ту же мелодию, при которой происходил обряд оборотничества. Этот сюжет показан в повести «Волколак» Я. Борщевского, в рассказе «Волколаки» А. Кожедуба. В таком аспекте волколак показан жертвой обстоятельств. В приключенческой прозе коды волка, волколака связаны с человеком-изгоем (творчество И. Шамякина, К. Цвирки, А. Наварича и др.).

В литературных произведениях коды волка, волколака помогают подчеркнуть культурные смыслы в рамках бинарной оппозиции «свой – чужой». Герой повести «Травля большого зверя» А. Наварича Левка Грицев в послевоенное время прячется в лесу от односельчан, которые знали его как предателя во время войны. По деревне ползут слухи о том, что рядом с поселением завелся оборотень. Код волколака используется для показа внутреннего конфликта, когда в персонаже показаны человеческие и звериные (зверские) черты и поступки. Идейные искания в осмыслиении событий периода коллективизации в современной прозе происходит с оценкой поступков, мотивов представителей разных сторон, при этом писатели также обращаются к кодам волка, волколака, чтобы подчеркнуть изменения и константы диады «свой – чужой» при переосмыслинии событий прошлого. В романе «Волчий остров» К. Цвирки показано, что Игнат Короленя скрывается от людей, но не прячется от волков: «С волками он встречался здесь часто. Увидев их, Игнат не убегал от них и не отпугивал от себя. Делал вид, что его не окружают. Волки им тоже не интересовались. При встрече шли своей дорогой, не обращая на него внимания. Между ними и Игнатом установилось полное мирное сосуществование» [6, с. 113]. Еще одну параллель между жизнью человека и волка в данном романе, имеющими черты фэнтези, можно проследить через судьбу одного из сыновей Игнатия Королени: сын Янка в силу определенных обстоятельств был воспитан волчьей стаей и даже стал ее вожаком.

Таким образом, в современной белорусской прозе коды волка, волколака являются ключом к пониманию двойственности человеческой натуры: жесткой, волевой и страдающей одновременно.

Флористический культурный код в показе духовных аспектов жизни общества в белорусской литературе (например, код василька)

Образ василька (воловки) является одним из известных символом Беларуси, белорусов. Орнамент с изображением василька довольно распространен на имиджевых интернет-ресурсах, сувенирной продукции страны. Образ василька, с помощью которого

подчеркивается национальный колорит, выступающий символом родины присутствует в произведениях белорусских писателей и поэтов разных периодов. Его воспевал М. Богданович в стихотворении «Слуцкие ткачики», известны произведения разных жанров, в названии которых присутствует наименование этого растения: рассказ «Васильки» М. Лынькова, стихи «Рожь в васильках и ромашках...», «Василек» Е. Хвалей, рассказ «Васильки во ржи» И. Науменко, роман «Васильки» А. Кулаковского и др.

В романе «Валиськи на рубеже» В. Гниломедова, изданном в 2014 году, показана жизнь Западной Беларуси в межвоенное двадцатилетие. На рубеже важных социально-политических изменений, в своего рода эпицентре военной конфронтации, экономической трансформации показана история белорусской семьи, деревни Пруски, являющейся для писателя своего рода фолкнеровской «йокнапатофой» мира белорусов. Исконная живучесть, красота родной земли вместе с ожиданием нового этапа жизни – атмосфера, в которой показаны герои романа: «На дворе стояло лето 1930 года. Прусковцы жили в предчувствии каких-то событий, кого-то ждали...» [2, с. 6]; «Августовское утро по-своему неповторимое и привлекательное. Даже когда ты в дороге, обремененный повседневными хлопотами» [2, с. 17]; «Прусковцы расходились, обеспокоенные, почесывая затылки, вздыхали, думали, как оно все обернется» [вал, с. 542]; «Сенокос в Пруске обычно приходился на июнь. И хоть говорят, что покос сена пробуждает в крестьянине чувство праздника, но эта работа никогда не казалась для него легкой. Наоборот, требовала немалых сил, широкого размаха души и мускулов, постоянной опоры и поддержки, выносливых помощников» [2, с. 562]. Код василька – красота и живучесть, дающие надежду на лучшее будущее.

Цветовой культурный код, презентуемый в белорусском фольклоре и этнографии, а также в произведениях современных белорусских прозаиков (например, коды белый, черный, красный)

Белый, черный, красный цвета составляют основной спектр цветовой символики в мифopoэтической картине мира белорусов.

Белый цвет – код чистоты, святости, что подчеркивается и при трактовке названия страны Беларусь (как производное от номинации «Белая Русь»), отражено в названии произведения на историческую тематику «Рыцари Белой Руси» И. Саверченко. Метафора «земля под белыми крыльями» прочно закрепилась за Беларусью с выходом в печать одноименного очерка В. Короткевича, где кроме цвета акцент сделан и на аиста. Красный цвет как код жизни присутствует одним из мотивов в романе «Волчий остров» К. Цвирки, в рассказе «Рябина» А. Федоренко («Она лежала – красная на молодом атаве – и сияла тем скрытым светом, что выжила, что смогла наконец дать богатый плод – все, что она могла дать...» [7, с. 251]) и др.

По принципу бинарной оппозиции этим двум цветам противопоставляется черный колор – код темного начала (смерть, болезнь, зло и др.). Различные аспекты семантики и функциональности цветовой символики в фольклоре белорусов рассмотрены в работах Т. Володиной, И. Крук, Т. Шамякиной, И. Швед, Ю. Яроцкой и др. Как отмечают исследователи, триада «белый–черный–красный» связана с жизненным циклом человека, его рождением, смертью, жизнью, что находит отражение в этнографических объектах (красный угол в доме, белая праздничная одежда, черный саван и др.), в произведениях устного поэтического творчества. О месте цветового кода в обрядах жизненного цикла белорусов и других славян И. Швед отмечает: «На цветовом знаке основывается идентификация и связанные с ней семантизация и функциональность

предмета в определенном ритуале в соответствии с телеологией последнего, цвет выступает знаковой деталью участников определенного обряда и даров, которыми они обмениваются. Это находит определенное преломление в устной поэзии, цветовой код которой выступает одним из наиболее продуктивных художественных ресурсов. Через него передается целый комплекс этнофизиологических, этномедицинских, этноэстетических и других представлений» [\[8, с. 357\]](#).

Черный цвет как код смерти широко используется в произведениях на чернобыльскую тему, особенно в лирике, лиро-эпосе – книги «Черная быль» С. Законникова, «Черная боль» В. Вабищевич и др. Антитеза «белое – черное» присутствует в названии повести «Спаси и помилуй нас, черный аист» В. Казько. Черный аист в отличие от белого селится в отдалении от человека. Эта редкая птица занесена в Красную книгу, живет в глухих лесных местах, ее исчезновение ставится под угрозу вследствие большой экологической катастрофы, вызванной аварией на Чернобыльской АЭС, загрязнением белорусских земель. С сакрализацией черного аиста связана надежда о продолжении жизни и спасении от беды.

Выводы

Рубеж XX-XXI веков представляет собой своеобразный этап в развитии белорусского эпоса. В период становления и развития независимого белорусского государства писатели использовали национальные культурные коды, помогающие наиболее точно донести необходимые идеи до читальской аудитории.

Среди культурных кодов, встречающихся в белорусской прозе, подчеркивающих национальную маркированность, – «партизанский лес», «кужаль», «vasilek», «белорусский партизан» и др. С помощью кода кужала показана ценность семьи, рода, родной земли в романном цикле В. Гниломедова. Код партизанского леса в белорусской литературе связан не только с событиями периода Великой Отечественной войны, но и с восприятием леса как места ощущения свободы, убежищем для людей, которые в ситуации сумятицы и потери принятого суверена, могут проявить воинственность, порой в сочетании с самопожертвованием. Анималистические и флористические коды присутствуют в произведениях современных белорусских прозаиков при показе духовных аспектов жизни общества, для раскрытии смыслов в диаде «свой – чужой». Цветовые коды, имеющие отношение к триаде «белый–черный–красный», связаны с семиотизацией жизненного пути человека от рождения до смерти.

Исследование национальных культурных кодов в белорусской литературе направлено на определение специфики национальной картины мира, отраженной в творчестве белорусских писателей.

Библиография

1. Халипов В.В. Семиотическая модель мирового литературного процесса. В 2 ч. Ч. 1: Структуралистская версия. Минск: РИВШ, 2014. 142 с.
2. Гніламёдаў У.В. Валошкі на мяжы. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014. 574 с.
3. Гніламёдаў У.В. Вайна. Мінск: Беларуская навука, 2014. 628 с.
4. Шаладонаў І.М. Эзкістанцыйны вобраз партызана ў аповесцях беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя // Национальная философия в глобальном мире. Минск: Право и экономика, 2017. С. 66.
5. Аверинцев С.С., Эпштейн М.Н. Мифы // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 224.
6. Цвірка К. Воўчая выспа. Мінск: Харвест; 2019. 640 с.

7. Федарэнка А. Афганская шкатулка: аповесць, апавяданні. Мінск: Мастацкая літаратура, 2020. 256 с.
8. Швед І.А. Колеравы код абрадаў жыццёвага цыкла беларусаў і іншых славян // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. XV Міжнародны з'езд славістаў. даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2013. С. 345-358.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современная научная мысль все более тяготеет к синкетической версии дешифровки той или иной проблемы. Парадигма культурных изменений касается не только буквального знака, но кода, который может быть многоаспектно интерпретирован. Собственно именно этой проблеме и посвящена рецензируемая статья. Тема исследования конструктивна: культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков. Считаю, что подобный расклад проблемы вполне интересен и востребован. Стоит согласиться с автором, что «культурный код как семиотическая единица, являющаяся носителем глубинных историко-культурных смыслов, через которые проявляются социальные, экономические, геополитические, культурные особенности, специфика национального мировоззрения, модели поведения представителей определенной нации или населения страны в целом, в литературоведении рассматривается в рамках семиотического подхода», «в современной гуманитаристике понятие культурного кода используется при анализе мультимодального текста, и в этом случае речь идет не только о вербальном уровне коммуникации. С точки зрения теории коммуникации художественная литература выступает одним из каналов передачи информации с помощью культурных кодов наряду с кинематографом, изобразительным искусством, СМИ и др. Исследование культурных кодов в объекте художественного творчества предполагает наличие междисциплинарного подхода к данной проблеме». Намеченное понимание сути проблемы правомерно, здесь нет серьезных разнотечений, следовательно, не нужна и профильная правка. Вполне удачно в работе сводятся в единое полотно теория и практика. Ссылка на авторитеты весьма кстати: «при интерпретации произведений литературы с помощью культурных кодов исследователи часто апеллируют к понятиям «интертекстуальности» Ю. Кристевой, «гипертекста» Т. Нильсона, концепциям «художественного мира» Д. Лихачева, «диалога» М. Бахтина, структурной поэтики Ю. Лотмана и др., тем самым подчеркивая необходимость поиска взаимодействия между языковым уровнем и национально-культурной маркированностью в художественном произведении». Вариатив реализации культурного кода в белорусской литературе развернут, контекст достаточен: например, «Романный цикл В. Гниломедова, в котором показана история семьи западнобелорусской деревни в первой половине XX века, составляет семь произведений: «Улис из Пруски», «Россия», «Возвращение», «Васильки на рубеже», «Война», «После войны», «Правда живет посередине». Предметный код кужаля выступает ключом к пониманию идейной направленности гептологии писателя», или «В произведениях белорусских писателей И. Шамякина, И. Чигринова, И. Науменко, В. Быкова, В. Гниломедова показана Беларусь партизанская. Широко известным стало выражение «партизанский лес», с которым связаны ментальные установки белорусов, толерантных и дружелюбных в мирных условиях жизни, однако способных в критической ситуации угрозы суверенитета, насилия для близких и окружающих людей мобилизоваться и дать отпор» и т.д. Ссылочный блок выверен, цитации даны с учетом

требований: «в мифопоэтической картине мира белорусов коды волка и волколака связаны с полярными чертами человеческой натуры – жесткостью и ощущением себя изгоем. С образом волколака связан образ легендарного князя Всеслава-Чародея, героя «Слова о полку Игореве», согласно легенде, способного оборачиваться в волка. По словам М. Эпштейна, С. Аверинцева, обращение к мифологическому мировоззрению в литературе связано с тяготением писателей к использованию «первоначальных, архетипических констант человека и природного бытия» [5, с. 224]». Стиль работы соотносится с собственно научным типом: «По принципу бинарной оппозиции этим двум цветам противопоставляется черный колор – код темного начала (смерть, болезнь, зло и др.). Различные аспекты семантики и функциональности цветовой символики в фольклоре белорусов рассмотрены в работах Т. Володиной, И. Крук, Т. Шамякиной, И. Швед, Ю. Яроцкой и др. Как отмечают исследователи, триада «белый–черный–красный» связана с жизненным циклом человека, его рождением, смертью, жизнью, что находит отражение в этнографических объектах (красный угол в доме, белая праздничная одежда, черный саван и др.), в произведениях устного поэтического творчества». Термины, понятия вводятся в исследовательскую канву с учетом универсальности, серьезные фактические недочеты не выявлены. Выводы по тексту соотносятся с основной частью, правка / корректива излишня. Финально автор отмечает, что «среди культурных кодов, встречающихся в белорусской прозе, подчеркивающих национальную маркированность, – «партизанский лес», «кужаль», «vasilek», «белорусский партизан» и др. С помощью кода кужала показана ценность семьи, рода, родной земли в романном цикле В. Гниломедова. Код партизанского леса в белорусской литературе связан не только с событиями периода Великой Отечественной войны, но и с восприятием леса как места ощущения свободы, убежищем для людей, которые в ситуации сумятицы и потери принятого суверена, могут проявить воинственность, порой в сочетании с самопожертвованием и т.д.». Предполагаемый результат исследования достигнут, выводы сделаны; материал может быть полезен при изучении белорусской литературы, ряда дисциплин гуманитарного толка. Рекомендую статью «Культурные коды в эпических произведениях белорусской литературы рубежа XX-XXI веков» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ван Л. Освоение способов указания на транспорт при овладении русским языком как родным и как иностранным // Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70825 EDN: IVYXMX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70825

Освоение способов указания на транспорт при овладении русским языком как родным и как иностранным

Ван Лина

ORCID: 0009-0006-2790-0676

аспирант; научно-исследовательская группа "Русский язык, языки народов России"; Санкт-Петербургский государственный университет

199058, Россия, Ленинградская область, г. Санкт Петербург, Морская наб., 39, кв. 48

✉ linawang511@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.6.70825

EDN:

IVYXMX

Дата направления статьи в редакцию:

22-05-2024

Аннотация: Предметом исследования статьи являются особенности предложно-падежных конструкций со значением транспортного средства в детской монолингвальной речи, в речи китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный и в речи эрратажных носителей русского языка с разными доминирующими языками. В исследовании рассматриваются падежные конструкции со значением передвижения. Анализируется специфика овладения грамматической конструкцией в ходе освоения русского языка как родного, как одного из родных и как иностранного. Материалом исследования послужили экспериментальные данные, собранные в детской аудитории и во взрослой иностранной аудитории, а также сведения «Русского учебного корпуса /RLC» (Корпус Лингвистической лаборатории по корпусным технологиям НИУ ВШЭ, содержащий информацию об освоении русского языка как иностранного и носителях русского языка с разными доминирующими языками). Методологию исследования составило: лонгитюдное наблюдение за речью детей-монолингвов, психолингвистический эксперимент в иностранной аудитории, метод корпусного

исследования; сопоставительное исследование, семантический и функциональный анализ. Научная новизна предложеной работы заключается в том, что впервые представлен сопоставительный анализ данных, описывающих пути освоения падежной конструкции со значением указания на транспорт русскоязычными детьми, китайским студентами и эритажными носителями русского языка. Рассмотрены типичные различия и ошибки в выборе конструкции, описана стратегия симплификации в речи иностранных студентов, проанализированы пути грамматической интерференции. Анализ ошибок, допускаемых русскоязычными детьми и взрослыми иностранцами, позволяет сделать выводы о специфике освоения русских падежных значений. Ошибки в выборе падежного окончания при правильно выбранном предлоге часто наблюдаются в речи иностранных студентов и эритажных носителей, но в детской речи не появляются. Таким образом, в русском языке существует большое разнообразие способов указания на транспортное средство. Выбор правильной конструкции при указании на транспорт представляет собой специфическую сложность в ходе освоения русского языка как иностранного и требует специального внимания.

Ключевые слова:

падежное значение, речевая ошибка, детская речь, онтолингвистика, родной первый язык, иностранный язык, эритажный язык, медиатив, эритажный носитель, предложно-падежная конструкция

Введение

Методы преподавания русского языка как родного, как одного из родных, как неродного, как иностранного активно разрабатываются в последние годы и являются предметом пристального научного исследования и интереса. Ученые отмечают, что в современной мультиязычной и поликультурной среде требуется создание особых синкетических методик, намечается взаимопроникновение методов преподавания русского языка разным категориям учащихся [\[10, с. 83\]](#). В связи с этим вопрос о том, насколько процессы освоения языка в разных ситуациях различаются и в чем они сходны, становится весьма актуальным.

Л. С. Выготский утверждал: «Если развитие родного языка начинается со свободного, спонтанного пользования речью и завершается осознанием речевых форм и владением ими, то развитие иностранного языка начинается с осознания языка и произвольного владения им и завершается свободной, спонтанной речью» [\[9, с. 292\]](#). Дети бессознательно и спонтанно анализируют речевой инпут на первых ступенях естественного освоения языка и постепенно знакомятся с декларативными правилами уже в школьном возрасте. Взрослые, изучающие русский как иностранный, идут путем «сверху вниз»: осмысляют и заучивают декларативные правила и только потом переходят от осознанного контроля к неосознанному пользованию языком. Отсюда различия в протекании процессов освоения языка и пользования им, которые приводят к разным типам ошибок монолингвальных детей и взрослых иностранцев.

По мнению С. Н. Цейтлин и Т. А. Кругляковой, дети допускают ошибки вследствие несформированности механизмов оперативной памяти и других когнитивных механизмов [\[25, с. 107\]](#). Взрослые, приступающие к изучению иностранного языка, обладают развитыми когнитивными способностями и коммуникативными потребностями, но не всегда могут выразить их в речи на чужом языке. Это приводит к симплификации,

которая «находит свое проявление в упрощении языковых явлений» [\[26, с. 520\]](#) и межъязыковой интерференции.

В любом случае, в сознании детей и взрослых имплицитно формируются процедурные правила, регламентирующие выбор единицы языка и, в случае необходимости, ее конструирование. В результате дети и взрослые совершают общие ошибки, которые принято называть системными, так как они обусловлены особенностями устройства самой системы русского языка. С. Н. Цейтлин и Т. А. Круглякова утверждают, что эти ошибки «характерны для всех осваивающих язык и парадоксальным образом являются свидетельством осознания языковых законов» [\[25, с. 105\]](#).

Особым путем идет освоение языка в ситуации эмиграции, если родной язык родителей сохраняется в качестве семейного языка. М. Низник утверждает, что эритажные носители (*heritage language speakers*) как носители семейного языка, выросшие в семьях, где говорили на другом языке и владеющие в той или иной степени как доминирующим языком, так и семейным языком, с лингвистической точки зрения представляют собой особую группу [\[21, с. 93\]](#). Инпут у эритажных носителей беднее, чем у монолингвальных детей, что дает им меньше возможностей для языковых обобщений. При этом когнитивные способности и коммуникативные потребности опережают возможности выражения в речи на семейном языке, что приводит к значительному количеству «ошибок иностранца».

Обзор литературы

Существует большое количество работ, в которых рассматриваются возможности выражения падежных значений в русском языке [\[5, 6, 13, 20 и др.\]](#). В том числе ученые проводят сопоставительные исследования способов указания на транспортное средство в различных языках [\[3, 4, 14, 15, 22\]](#). Исследования, выполненные в русле функционального синтаксиса, позволяют проследить, как устроена категория падежа в разных языках мира.

Изучение путей становления падежных значений при освоении языка в разных ситуациях общения также способствуют описанию универсального и специфического в устройстве категории падежа в разных языках.

Специфика освоения падежных значений в речи русского монолингвального ребенка хорошо исследована [\[1, 4, 9, 12, 16, 24 и др.\]](#). Существуют научные труды, позволяющие сравнить природу ошибок и проанализировать механизмы освоения русских падежных конструкций носителями разных языков [\[7, 18, 19, 21, 25, 27, 28, 29\]](#). Однако лингвистическая разработка проблемы находится в начале пути; специальные работы, посвященные становлению конкретных падежных значений, еще малочисленны и наше исследование призвано восполнить этот пробел.

Цель

Главной целью нашего исследования является анализ специфики русских предложно-падежных конструкций, указывающих на транспортные средства, сквозь призму ошибок, которые допускают русскоязычные дети-монолингвы, взрослые носители китайского языка, изучающие русский как иностранный, и эритажные носители русского языка с различными первыми языками. В число наших задач входило проследить направления грамматической интерференции и проанализировать причины трудностей, которые

испытывают монолингвальные дети, иностранные учащиеся и эритажные носители при указании на средства передвижения в русском языке.

Материалы исследования

Материалы были собраны в русском лингвистическом корпусе RLC, разработанном научными сотрудниками НИУ ВШЭ под руководством Е. В. Рахилиной (<http://www.web-corpora.net/RLC/>). Поиск в корпусе осуществлялся по ключевым словам, называющим транспортные средства (*автобус, самолёт, трамвай, такси, метро, эскалатор, велосипед, корабль, лодка*), и животных (*лошадь, собака*). Было отобрано 56 контекстов, содержащих ошибки в выборе предлога и/или падежного окончания.

На втором этапе исследования были проведены две серии экспериментов. Испытуемым предлагалось описать картинку, используя заданное слово, которое называет транспортное средство, изображенное на картинке. Мы предположили, что выбор предложно-падежной формы будет зависеть не только от глагола, но и от существительного, входящего в конструкцию. В экспериментах приняли участие 24 ученика начальной частной школы «Квадривиум» и гимназии № 171 Центрального района г. Санкт-Петербурга в возрасте 8–11 лет и 47 иностранцев с родным китайским языком – студентов Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Результаты и дискуссия

Сопоставление данных о становлении падежной грамматики в ходе освоения языка как родного, иностранного и эритажного в разных ситуациях позволяет сделать следующие наблюдения.

1) На начальных этапах освоения падежной грамматики китайские студенты прибегают к стратегии симплификации, используя начальные формы существительных без предлога при указании на транспорт. Мы можем предположить, что такие «замороженные формы» именительного падежа используются при общем указании на объект: *ехать автобус, летать самолёт*. Не исключено, что в данном случае имеет смысл говорить не о замороженном именительном, а об использовании формы винительного падежа без предлога. Именно эта форма является самым простым способом при указании на объект в широком значении. Другое возможное объяснение подобных ошибок – неразличение конструкций, указывающий на направление (*сесть в автобус*) и расположение (*ехать в автобусе*), что приводит к смешению форм винительного, совпадающего с именительным, и предложного падежей.

Не исключено, что на возникновение таких ошибок оказывает влияние родной язык: в китайском языке в данном случае используются эквивалентные конструкции без предлога с глаголом *乘坐* (чэн цзо: ехать), указывающим на передвижение: *乘坐公交车* (чэн цзо гун цзяо чэ: 'ехать автобус'), *乘坐飞机* (чэн цзо фэй цзи: '(чэн цзо: ехать самолёт'). Однако в спонтанной письменной речи эритажных носителей с разными первыми языками также наблюдались похожие ошибки: *Я люблю смотреть и летать самолёт* (FL (первый язык): японский).

2) Мы предполагали, что предлог не будет пропускаться в конструкциях с несклоняемыми существительными, так как в данном случае он представляет собой единственное указание на грамматическое значение. Однако в речи эритажных носителей пропуск предлога в конструкциях с существительными *такси, метро* встречался: *Волки пригласят их пассажиров входить в таксе и ехать такси* (FL:

французский). Такая же ошибка отмечается в речи китайских студентов. Возможно, причина заключается в интерференции, если в первом языке пишущего используется беспредложная конструкция: 乘坐地铁 (чэн цзо ди те: 'ехать метро' – китайский; prendre le métro 'сесть в метро' – французский).

3) Вопреки распространенному в науке мнению, согласно которому выбор верного окончания в сочетании с пропуском предлога считается типичной ошибкой русскоязычного ребенка в отличие от речевой продукции взрослого иностранца [24, с. 171]. Эритажные носители нередко опускали предлог, ставя существительное в форму предложного падежа: Я не ежу автобусе (FL: французский язык). В речи носителей китайского языка, изучающих русский как иностранный, такие ошибки тоже встречались: В зоопарк нужно ехать автобусе потом идти пешком. Причина ошибок заключается в том, что в родном языке в подобных выражениях предлог не требуется. Знание родного языка накладывалось на иностранный, и студент изобретал конструкцию с существительным в форме предложного падежа без предлога.

4) Дети-носители не совершают ошибок выбора и ощущают тонкие смысловые оттенки, которые позволяют передать различные грамматические формы. В нашем экспериментальном материале были представлены предложения, в которых мы ожидали появления форм *на автобусе*, *в автобусе*, *автобусом*. По мнению М. В. Всеволодовой и Ю. В. Владимира, пространственное значение, осложненное семой образа действия, имеет три подзначения: 1) передвижение при помощи транспортных средств, 2) расположение и перемещение в пространстве, 3) закрепление одного предмета при помощи другого [5, с. 80]. В русском языке, при указании на транспортные средства чаще используются формы с предлогом *на*, однако при указании на происходящее внутри транспортного средства предпочтительнее формы с предлогом *в*, а при общем указании на способ передвижения, в том числе при сочетании со словами *последний*, *утренний*, *полутный*, возможно употребление «*с +творительный*», «*творительный без предлога*», «*на + предложный*» [5, с. 80–81]. Форма творительного падежа без предлога не появилась в детской речи, но разница между вариантами *в автобусе* и *на автобусе* ощущалась детьми.

5) Иностранные студенты, напротив, не ощущали различий в грамматических значениях и выбирали конструкцию с предлогом *на*, в том числе в локативном значении: Антон ехал на автобусе и играл смартфон. Такие формы можно объяснить интерференцией. В китайском языке при указании на локативное значение будет использоваться служебное слово 在 ... 里 (цай... ли: внутри объекта). В речи эритажных носителей конструкции с предлогом *на* также используются в локативном значении при указании на события, произошедшие в транспорте: Я надеюсь, что завтра на автобусе кто-то будет говорить со мной, или дать мне что-то делать (FL: английский).

6) Эритажные носители и китайские студенты в качестве универсального способа указания на инструмент, в том числе на транспорт, используют конструкцию «*с + существительное в творительном падеже*»: С автобусом мы ехали в Исаакиевскую Площадь (FL: шведский язык). С. Н. Цейтлин также отмечает, что для иностранца «предлог осознается как основной (и единственный) маркер смысла» [24, с. 275]. Предпочтение этой конструкции мы также обнаружили в речи детей – носителей тюркских языков при указании на инструмент: делает с бумагой кораблики, поливает с лейкой [17, с. 668].

7) В речи эритажных носителей мы обнаружили ошибки, в которых предлог не

соответствовал выбранному падежному окончанию: Прежде чем еду в университет у Упсалу первый еду на автобусом потом на метром и затем на электричком (FL: шведский язык). Данная форма представляет собой контаминацию двух конструкций со значением транспорта: «на + предложный падеж» / «творительный без предлога». Контаминированные конструкции отмечаются в речи детей-билингвов и в речи русскоязычных дошкольников с общим недоразвитием речи: Мальчик едет на велосипедом [1, с. 14]. При этом «чужое окончание» при предлоге не характерно для речи типично развивающихся монолингвальных детей. С. Н. Цейтлин объясняет это так: «К тому времени, когда появляются предлоги, они уже являются элементом определенных предложно-падежных конструкций, связь предлога с падежом четко зафиксирована в языковом сознании ребенка» [24, с. 178]. В речи китайских студентов похожая ошибка не наблюдалась.

8) Отдельно мы рассмотрели конструкции с зависимым словом эскалатор. При указании на средство совершения действия в русском языке может одновременно обозначаться трасса (петь по нотам; подниматься, спускаться по лестнице, по эскалатору) [13, с. 139]. Конструкция «по + существительное в дательном падеже», согласно данным Национального корпуса русского языка, используется чаще, чем «на + существительное в предложном падеже» (98 и 22 вхождения соответственно) (<https://ruscorpora.ru/>). В эксперименте китайские студенты прибегали к конструкциям с существительным, по форме совпадающим с именительным падежом: подниматься эскалатор (30% ответов), но наиболее часто выбирали стандартную конструкцию подниматься на эскалаторе (60%). Частотная в языке конструкция подниматься по эскалатору встретилась в 10% ответов.

9) При указании на животных, используемых в качестве транспортного средства, трудным вопросом является выбор формы числа существительного. По данным М. В. Всеволодовой и Ю. А. Владимира, при указании на общее средство выполнения действия существительное стоит в форме множественного числа на оленях, на собаках, для слова лошадь возможна форма творительного лошадьми [5, с. 81]. Форма единственного числа указывает на конкретное животное: прискакал на лошади, едет на кобыле и пр. Участники эксперимента выбрали форму единственного числа в 30%. При этом китайские студенты затруднялись в выборе падежа и прибегали к конструкции «с + творительный падеж»: с собаками. По данным других экспериментов, такая конструкция является прототипическим способом выражения инструментального значения в речи китайских студентов [17].

Заключение

На основе анализа полученных данных можно сделать следующие выводы.

Указание на транспортное средство в русском языке может быть сделано при помощи различных предложно-падежных конструкций: «на + предложный падеж», «в + предложный падеж», «творительный падеж без предлога», в специальных случаях – «с + творительный», «по + дательный», а также конструкций с производными предлогами. Каждая из указанных конструкций имеет специфическое дополнительное значение (локатив, транзитив) и сферу употребления, выбор может зависеть от лексического наполнения конструкции. Грамматическое значение заключается как в падежном окончании, так и в предлоге.

Дети-носители почти не совершают ошибок выбора при указании на средство передвижения. Однако конструкция «творительный без предлога» не употребляется в

детской речи. Стилистическая принадлежность производных предлогов также не всегда учитывается русским ребенком.

Иностранные студенты и эротажные носители, наоборот, не ощущают тонких смысловых оттенков, часто путают локативное и транзитивное значение и указание на транспортное средство.

Как китайские студенты, так и эротажные носители выбирали стратегию симплификации, используя формы именительного падежа без предлога при указании на транспорт. Эта форма также является самым простым способом при указании на объект в широком значении.

Падежное окончание является основным способом указания на транспортное средство, что приводит к пропуску предлога в речи всех категорий, осваивающих русский язык. В речи детей и эротажных носителей указание на транспорт обычно передается с помощью окончаний предложного падежа, в речи иностранцев – творительного и предложного.

Конструкция «с + существительное в творительном падеже» является прототипичным способом указания на инструмент, в том числе транспорт, в иностранной аудитории. Дети предпочитают конструкцию «на + предложный падеж», а в ситуации эксперимента могут пользоваться конструкцией с предлогами *при помощи, с помощью чего*.

Ошибки в выборе падежного окончания при правильно выбранном предлоге часто наблюдаются в речи иностранных студентов и эротажных носителей, но в детской речи не появляются.

Таким образом, в русском языке существует большое разнообразие способов указания на транспортное средство. Выбор правильной конструкции при указании на транспорт представляет собой специфическую сложность в ходе освоения русского языка как иностранного и требует специального внимания.

Библиография

1. Абросова Е. К. Становление семантических функций падежных форм существительного в речи детей 4–6 лет (в норме и при патологии). Автореф. дисс. ... канд. фил. н. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2004. 290 с.
2. Белошапкова В. А., Муравенко Е. В. Способы выражения инструментального значения в русском языке // Русский язык за рубежом. 1985. № 6. С. 78–83.
3. Войкова М. Д Становление имени: ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., С.-Петербург. гос. ун-т, Фил. фак. Москва. 2015.
4. Бужинский С. В. Семантика инструментальности в явной и скрытой грамматике (на материале русского и английского языков): дисс. ... к. фил. н. Курск, 2013. 294 с.
5. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных значений в русском языке. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
6. Вежбицкая А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 15. С. 303–341.
7. Власова Е.А. Изменения в предложно-падежном управлении при финско-русском двуязычии: корпусный анализ // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 2. № 16. С. 366–396.
8. Выготский Л. С. Мысление и речь // Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. 519 с.

9. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. Санкт-Петербург: Детство-Пресс; Москва: Творческий центр Сфера, 2007.
10. Добренко Е. И., Соколова Е. В. К вопросу о методических основах преподавания русского языка как родного, неродного и иностранного // Лингвокультурология. 2018. №12. С. 78-84.
11. Залевская А. А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016.
12. Ионова Н. В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста. Автореф. дисс. ... канд. фил. н. ЧГУ. – Череповец, 2007. 145 с.
13. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2006.
14. Калюга М. А. Изменения в употреблении творительного инструментального в русском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 507-515.
15. Кобцева А.В. Категория инструментальности и способы ее экспликации в текстах газетно-публицистического русского и немецкого языков: дис. ...канд. фил. Н. Ставрополь, 2006. 185 с.
16. Круглякова Т. А. Выбор предложно-падежной формы в речи ребенка второго года жизни // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. 13. № 3. С. 727-740.
17. Круглякова Т. А., Ван Л. Способы выражения инструментива в речи русских детей и иностранцев, осваивающих русский язык в искусственные и естественные условия // LI Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой, 14–21 марта 2023 года, Санкт-Петербург: Сборник тезисов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. С. 666-668.
18. Марушкина А. С., Рахилина Е. В. Ошибки в речи херитажных говорящих (на материале текстов русских эмигрантов в США) // Проблемы онтолингвистики. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26–28 июня 2013 г. / Под редакцией Т. А. Кругляковой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 435-440.
19. Марушкина А.С., Рахилина Е.В. Корпусные исследования особенностей речи нестандартных говорящих («херитажный» русский) // Acta Linguistica Petropolitana / Труды Института лингвист. исследований. 2015. № 1. С. 625-642.
20. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2010.
21. Низник М. В чем разница между эритажниками и билингвами, или некоторые актуальные вопросы терминологии современной теории двуязычия // Учителю русской зарубежной школы: сборник / Под редакцией П.Г. Гельфрейх и А. В Голубевой. СПб.: Златоуст, 2019. С. 90-97.
22. Ходькова А. П. К вопросу о французских аналогах русской структуры глагол + беспредложное имя в творительном падеже // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1 (7). С. 52-58.
23. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб.: ИД «МиМ», 1997.
24. Цейтлин. С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
25. Цейтлин С. Н., Круглякова Т. А. О природе речевых ошибок многоязычных школьников // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1. № 2. С. 103-112.
26. Цейтлин С.Н. К построению грамматики промежуточного языка // Acta Linguistica

- Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. 11. № 1. С. 515-538.
27. Янссен Б., Пеетерс-Подгаевская А. О влиянии фонетической яркости в интерпретации падежных отношений у русскоязычных и голландско-русских детей // Проблемы онтолингвистики. Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–26 марта 2016 года / Под редакцией Т. А. Кругляковой. Иваново: ЛИСТОС, 2016. С. 149-156.
28. Clahsen H., Felser C., Neubauer K., Sato M., Silva R. Morphological structure in native and nonnative language processing // Language Learning. 2010. № 60 (1). Р. 21-43.
29. Janssen B. Meir N. Production, comprehension and repetition of accusative case by monolingual Russian and bilingual Russian-Dutch and Russian-Hebrew children // Linguistic Approaches to Bilingualism. 2019. № 9 (4-5). Р. 736-765.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Освоение способов указания на транспорт при овладении русским языком как родным и как иностранным» анализируются основные ошибки предложного управления, встречающиеся в речи детей-монолингв, взрослых носителей китайского языка, изучающих русский как иностранный, и эритажных носителей русского языка с различными первыми языками.

Исследование обладает серьёзной теоретической базой (29 пунктов научных источников) и предлагает результаты весьма показательного, на наш взгляд, эксперимента: «Материалы были собраны в русском лингвистическом корпусе RLC, разработанном научными сотрудниками НИУ ВШЭ под руководством Е. В. Рахилиной <...> Было отобрано 56 контекстов, содержащих ошибки в выборе предлога и/или падежного окончания.

На втором этапе исследования были проведены две серии экспериментов. Испытуемым предлагалось описать картинку, используя заданное слово, которое называет транспортное средство, изображенное на картинке. Мы предположили, что выбор предложно-падежной формы будет зависеть не только от глагола, но и от существительного, входящего в конструкцию. В экспериментах приняли участие 24 ученика начальной частной школы «Квадривиум» и гимназии № 171 Центрального района г. Санкт-Петербурга в возрасте 8–11 лет и 47 иностранцев с родным китайским языком – студентов Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного экономического университета». Результаты эксперимента изложены в 9 развёрнутых пунктах, касающихся сложностей употребления предлогов с различными словами, обозначающими транспортные средства. В конце статьи приводятся общие выводы, обладающие выраженной как теоретической, так и практической значимостью, в первую очередь для преподавателей русского языка как иностранного.

Статья хорошо структурирована, написана строго в соответствии с требованиями научного стиля, что можно заметить по приведённому выше фрагменту, довольно хорошо вычитана и почти готова к публикации. Считаем возможным рекомендовать её к печати с минимальной доработкой. 1) Следует корректорски повторно вычитать статью. Например, пропущена запятая: "Главной целью нашего исследования является анализ специфики русских предложно-падежных конструкций, указывающих на транспортные средства (,) сквозь призму ошибок". Пропуск точки в конце предложения: "Вопреки

распространенному в науке мнению, согласно которому выбор верного окончания в сочетании с пропуском предлога считается типичной ошибкой русскоязычного ребенка в отличие от речевой продукции взрослого иностранца [24, с. 171], эритажные носители нередко опускали предлог, ставя существительное в форму предложного падежа: Я не ежу автобусе (FL: французский язык)"). 2) Не настаиваем, но рекомендуем автору подумать о смене названия статьи. Нам кажется, что в нём следует указать, что речь идёт именно о предложно-падежных конструкциях, а не лексических ошибках.

После минимальной доработки статью можно принять к печати.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Освоение способов указания на транспорт при овладении русским языком как родным и как иностранным», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к проблематике методики преподавания русского языка как родного, как одного из родных, как неродного, как иностранного, которая активно разрабатывается в последние годы и является предметом пристального научного исследования и интереса.

Цель исследования заявлена как анализ специфики русских предложно-падежных конструкций, указывающих на транспортные средства, сквозь призму ошибок, которые допускают русскоязычные дети-монолингвы, взрослые носители китайского языка, изучающие русский как иностранный, и эритажные носители русского языка с различными первыми языками.

Материалом исследования явилась выборка из русского лингвистического корпуса RLC, разработанном научными сотрудниками НИУ ВШЭ под руководством Е. В. Рахилиной (<http://www.web-corpora.net/RLC/>).

Кроме того, автор провел экспериментальное исследование, в котором в качестве респондентов выступили 24 ученика начальной частной школы «Квадривиум» и гимназии № 171 Центрального района г. Санкт-Петербурга в возрасте 8–11 лет и 47 иностранцев с родным китайским языком – студентов Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной педагогике. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингводидактике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В исследовании использованы теоретический анализ, описательный метод исследования, анализ, интерпретация и обобщение.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скучно представлен обзор разработанности проблематики в науке.

Библиография статьи насчитывает 29 источников, среди которых представлено труды как на русском, так и иностранном языках.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингводидактике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям и в практической деятельности преподавателей. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Освоение способов указания на транспорт при овладении русским языком как родным и как иностранным» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

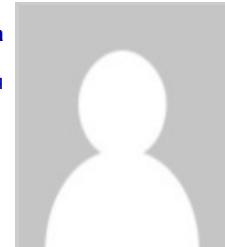
Радус Л.А., Голобородченко Е.С. Языковые средства как инструмент создания положительного имиджа государства в системе межгосударственных отношений (на примере инициативы по глобальной безопасности КНР) // Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70954 EDN: FYHRGU URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70954

Языковые средства как инструмент создания положительного имиджа государства в системе межгосударственных отношений (на примере инициативы по глобальной безопасности КНР)**Радус Лариса Александровна**

старший преподаватель; кафедра "Дальневосточные языки"; Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ

119361, Россия, -, г. Москва, ул. Большая Очаковская, 12к1, кв. 117

✉ yevgoloborod@gmail.com

Голобородченко Евгения Сергеевна

студент; факультет Перевод и переводоведение; Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ

141107, Россия, Московская область, г. Щёлково, ул. Неделина, 20, кв. 67

✉ yevgoloborod@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.6.70954

EDN:

FYHRGU

Дата направления статьи в редакцию:

04-06-2024

Аннотация: В статье рассматриваются языковые средства, используемые для создания положительного имиджа государства в системе межгосударственных отношений на примере инициативы по глобальной безопасности Китая. Особое внимание уделяется метафорам как ключевому элементу лингвистического воздействия. Исследуется, как различные метафорические приемы способствуют формированию благоприятного

восприятия Китая на международной арене. Внимание акцентируется на анализе официальных текстов, связанных с инициативой по глобальной безопасности, для выявления и интерпретации ключевых метафор. Объектом нашего исследования выступает политический дискурс. Предметом изучения является образ Китая в контексте презентации «Инициативы глобальной безопасности». Исследование вносит значительный вклад в теорию межкультурной коммуникации и политической лингвистики, расширяя понимание роли языка в межгосударственных отношениях и формировании общественного мнения. Критический дискурс-анализ позволяет дать оценку используемым языковым средствам текста, в pragматическую цель которых входит не только информационное обращение к мировому сообществу с разъяснением политической позиции правительства Китая, но и создание определенного имиджа страны. Проводится комплексный анализ использования метафор в официальных заявлениях и документах КНР, касающихся инициативы по глобальной безопасности. Этот анализ позволяет выявить специфические метафорические конструкции, которые Китай использует для создания позитивного имиджа на международной арене. Исследование углубляет понимание того, как метафоры функционируют в межгосударственных отношениях и влияют на восприятие КНР как миротворца и стабильного партнера. Это включает изучение, как метафоры способствуют формированию положительного имиджа и укреплению доверия между государствами. Выводы исследования могут быть применены в практике международных отношений и дипломатии, предоставляя рекомендации по использованию языковых средств для улучшения имиджа государства. Это важно для разработки эффективных стратегий публичной дипломатии и коммуникации. Выводы статьи подчеркивают значимость грамотного использования метафор как инструмента дипломатии и стратегического коммуникативного ресурса в современном мире.

Ключевые слова:

имидж государства, языковые средства, метафора, политический дискурс, обеспечение мировой безопасности, урегулирование конфликтов, политический текст, лингвистические инструменты, положительный имидж, анализ метафор

В современном мире в развитии межгосударственных отношений все большее значение приобретает имидж государства и методология его формирования. Изменения в политической ситуации и соотношении сил находят свои отражения в текстах политического дискурса. Предложенная председателем КНР Си Цзиньпинем на открытии Байского азиатского форума в апреле 2022 года «Инициатива по глобальной безопасности» является иллюстративной в свете возрастающей роли Китая в международной повестке и представляющей интерес для лингвистического аналитического исследования.

Объектом нашего исследования выступает политический дискурс. Чудинов А.П. утверждает, что изучение политического текста – это «прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов» [13, с. 41]. Политический текст отображает интенциональное содержание основных стратегических и тактических концепций правительства государств. Чудинов А.П. в своей монографии подчеркивает, что «важнейший постулат современной политической лингвистики –дискурсивный подход к

изучению политических текстов, то есть исследование **каждого конкретного текста** с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны» [12, с. 12]. В содержании «Инициативы глобальной безопасности» КНР сформулированы базовые положения политического видения руководства Китая решений проблем межгосударственного порядка. В документе четко прослеживаются намерения Китая усилить свою роль в системе международной коммуникации и закрепить статус влиятельной державы. Цель исследования заключается в определении лингвистического инструментария, который использован как средство формирования положительного имиджа Китая в области глобальной безопасности. Таким образом, предметом изучения является образ Китая в контексте репрезентации «Инициативы глобальной безопасности». Критический дискурс-анализ позволяет дать оценку используемым языковым средствам текста, в pragматическую цель которых входит не только информационное обращение к мировому сообществу с разъяснением политической позиции правительства Китая, но и создание определенного имиджа страны. В формировании имиджа государства ключевую роль играют средства массовой информации, ретранслирующие на целевую аудиторию определенный текстовый продукт. Государственная политическая система по сути выступает в этой связи «заказчиком» и «цензором» размещаемых в информационном поле текстов, имеющих чёткую практическую направленность.

Китай, который в последние десятилетия, реализуя реформирование социально-экономической системы обеспечивает ошеломляющий мировое сообщество рост экономики и благосостояние народа, уделяет огромное внимание формированию имиджа своей страны на международной арене. Внешний имидж современного Китая, ориентированный на формирование положительного образа, находит свое отражение в программных партийных и политических речах и документах. Международный характер имиджа государства, несомненно, обладает большим значением для статусного престижа страны в системе межгосударственных отношений. Китай целенаправленно формирует свой положительный имидж, транслируя концептуальные положения как внутриполитического, так и внешнеполитического курсов в публичных текстах. В исследуемом документе и комментарии изложена концепция глобальной безопасности, которая в оценке политологов рассматривается как уверенный шаг руководства КНР в интеграционном в мировое сообщество продвижении страны и в идеализации создаваемого образа. В Инициативе изложены характерные для китайского социума концептуальное видение «будущего всестороннего продвижения возрождения китайской нации посредством китайской модели модернизации» и концептуальные шесть ключевых принципов глобальной безопасности.

Имидж государства как понятийная категория является предметом изучения политологии (А.И. Соловьев, В.В. Лапкин, Н.А. Рожков), социологии (Н.И. Алексеева, Е.С. Баразгова Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский, Г.Б. Кораблева, Н.И. Лапин, В.И. Маслов, В.Г. Подмарков, Е.П. Попова, А.И. Пригожин, Ю.Г. Семенов, С.А. Фролов, Н.И. Шаталова О.И. Шкаратан, В.А. Ядов), психологии (Е.А. Петрова, Е.Б. Перелыгина), когнитивной лингвистики (Джордж Лакофф, Марк Джонсон, Лен Талми, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Болдырев, З.Д. Попова, И.А. Стерин, И.А. Сушненкова, А.А. Залевская) и других наук. Политологическое содержание имиджа страны Э.А. Галумов сформулировал, как «комплекс объективных, взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы, сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности, как

сложной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических и иных процессов в стране» [\[3, с. 371\]](#).

Основополагающими факторами существования имиджа страны являются этнокультурологические характеристики национальной группы. И.С. Суворова в дефиниции имиджа страны определяет его как «стереотипизированное представление о государстве» [\[9, с. 154\]](#), которое учитывает объективные характеристики, обусловленные его географическими и историческими особенностями и формируемые информационными технологиями образы.

Неотъемлемыми составляющими имиджа страны являются имидж ее политического лидера и политической элиты. Политический дискурс таким образом приобретает значительный интерес с позиций системного аналитического исследования лингвопрагматических характеристик текстов концептуального содержания государственной политики. Е. Б. Перелыгина предлагает рассматривать имидж государства как «системно-корпоративный комплекс, исходя из системной организации государственных структур и их взаимосвязей, а также сущностных оснований политической деятельности» [\[8, с. 23\]](#).

Термин «имидж» можно рассматривать как эмоционально-окрашенные образы и стереотипы, укоренившиеся в массовом сознании.

А.Н. Чумиков и М.П. Бочаров дают следующее определение понятию «имидж» – «это заявленная (идеальная) позиция, то есть такая, которую персона или организация спланировали и намереваются продвигать (продвигают) в целевые группы» [\[14, с. 133\]](#).

О.И. Калинин подчеркивает, что «политический имидж – это целенаправленно создаваемый посредством частотного воспроизведения эмоционально окрашенный образ субъекта политической системы, обладающий высокой степенью информативности и способностью воздействовать на народные массы» [\[4, с. 80\]](#).

Языковая специфика конструирования имиджа исследуется в русле направления лингвоимиджелогии [\[7, с. 5-11\]](#), что подчеркивает роль языка в процессе моделирования имиджа.

Языковые средства играют ключевую роль в текстах, прагматическая цель которых сфокусирована на создании имиджа страны, и являются мощным инструментом, влияющим в том числе и на понимание национальной культуры, истории и ценностей. Например, тщательно выстроенные и продуманные речевые стратегии, использование специфических терминов и выражений, ассоциирующихся с положительными коннотациями, помогают создать благоприятный образ государства.

Метафоры среди всех языковых средств, особенно в китайском языке, имеют наибольшее влияние на формирование имиджа страны. Калинин О.И. в исследовании проблемы взаимосвязи понятий метафоричности и речевого воздействия указывает «метафоричность – это реализация функционального потенциала метафор разного типа в тексте и дискурсе, те специфические функции, которые связаны с разными формами и типами речевого воздействия, то есть специфическая характеристика дискурса, отражающая реализацию в нем функционального потенциала метафор, проявляющегося в метафорическом речевом воздействии» [\[6, с. 154\]](#). Метафоры помогают передавать сложные концепции и идеи через яркие и запоминающиеся образы, что делает

восприятие информации более эмоционально насыщенным и доступным. Следует отметить, что современным медиа- и политическому дискурсам свойственно использование таких языковых средств, которые усиливали бы воздействующую и оценочную функции. О.И.Калинин в своих работах подчеркивает «метафоричность официальных текстов – это неотъемлемая характеристика публичного дискурса на китайском языке» [\[10, с. 252\]](#).

Н.Д. Арутюнова рассматривает метафору, как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [\[1, с. 296\]](#).

В.Н. Телия определяет метафору, как наиболее мощное средство формирования новых концептов, то есть отражения в языковой форме нового знания о мире – эмпирического, теоретического или же художественного освоения действительности [\[11, с. 48\]](#).

Исследуя роль метафоры в политическом дискурсе О.И.Калинин отмечает, что «одним из действенных и наиболее доступных для исследования собственно лингвистическими методами форм когнитивно-речевого воздействия является метафора, в основе которой, как известно, лежит когнитивное переосмысление одной концептуальной области (сфера-цели) через концептуальные признаки другой области (сфера-источника)» [\[5, с. 471\]](#). Исследователи отмечают, что ассоциативно-образные связи слов, формирующие особую метафорическую двуплановость высказывания и придающие ему экспрессивность, используются для реализации коммуникативно-прагматической ориентации индивида, для передачи собственного эмоционального отношения к явлению действительности, для его оценки.

«Политический дискурс является важным каналом демонстрации имиджа страны. Для создания положительного образа Китая Си Цзиньпин использует большое число метафор.» К такому выводу приходит Ши Шу в своей статье «Анализ метафор в китайском политическом дискурсе с позиций когнитивной теории (на материале сборника “Си Цзиньпин о государственном управлении”, часть третья)» [\[15, с. 158\]](#).

Опираясь на функциональную составляющую, Н.Д Арутюнова выделяет четыре типа метафор: номинативная метафора – состоит в замене одного дескриптивного значения другим; образная метафора рождается вследствие перехода идентифицирующего значение в предикативное; когнитивная метафора возникает в результате сдвига в сочетаемости предикативных слов; генерализующая метафора стирает границы в лексическом значении слова между логическими порядками [\[2, с. 366\]](#).

В исследуемом программном тексте выявлено частотное употребление изобразительных средств языка или тропов – «плыть в одной лодке - содействие, соучастие, совместная работа», «мир-корабль», «закон джунглей - выживает сильнейший», «снижать температуру и тушить огонь - деэскалация конфликта» и другие. В рассматриваемом тексте преобладают образные метафоры, также встречаются генерализующие. Общим лейтмотивом документа является идея принятия совместных решений по всем глобальным вопросам международной повестки. Китай позиционирует себя как лидера мирных инициатив, направленных на создание условий развития по всем направлениям и для всех государств.

Метафоры, используемые в тексте, носят интернациональный характер, что способствует реализации их основной функции – быть понятными и приемлемыми для международной аудитории. Внутренние тексты КНР, как правило, содержат привычные для китайской культуры структуры, такие как чэньюи, аллюзии и другие культурно специфичные элементы. В то время как тексты, направленные на международную арену, адаптированы таким образом, чтобы их могли понять представители разных культур, что усиливает их коммуникативный эффект и делает послание более универсальным.

Кроме того, использование образных метафор в международных документах позволяет Китаю более эффективно доносить свои политические интенции, создавая образы, понятные широкой аудитории. Это помогает в формировании положительного имиджа страны и способствует лучшему восприятию предложенных инициатив на глобальном уровне.

Рассмотрим некоторые примеры метафор в исследуемом материале.

1. «习近平主席2014年在亚信上海峰会首次提出新安全观以来,赢得了国际社会普遍认同和广泛支持,已经成为世界消弭安全赤字、破解安全难题的“金钥匙”» (С тех пор, как председатель Си Цзиньпин впервые выдвинул новую концепцию безопасности на Шанхайском саммите СВМДА в 2014 году, она завоевала широкое признание и поддержку со стороны международного сообщества и стала для мира «золотым ключом» к устраниению недостатков безопасности и решению проблем безопасности.)

Метафора «**金钥匙**» подразумевает, что новая концепция безопасности является ценным и эффективным инструментом, способным «открыть двери» к решению сложных проблем, таких как дефицит безопасности и глобальные конфликты. Золотой ключ ассоциируется с чем-то ценным, редким и мощным, способным открыть любые замки, что символизирует возможность решения даже самых сложных и запутанных проблем.

Использование метафоры «**金钥匙**» помогает создавать позитивный и влиятельный образ Китая на международной арене. Это создаёт впечатление, что Китай обладает уникальными и эффективными решениями для глобальных проблем, что усиливает его статус как ключевого игрока в международной политике. Кроме того, это подчёркивает лидерство Китая в области безопасности и его готовность сотрудничать с другими странами для достижения глобальной стабильности.

Метафора «**金钥匙**» (золотой ключ) в контексте предложенного отрывка относится к типу образной метафоры. В данном случае она используется для создания яркого и запоминающегося образа новой концепции безопасности Китая, представленной Си Цзиньпином. Этот образ помогает воспринимать абстрактное понятие (новую концепцию безопасности) через конкретное и хорошо понятное всем представление о золотом ключе как об инструменте, способном открывать запертые двери.

2. «各国需要同舟共济、团结协作,构建人类安全共同体,携手建设一个远离恐惧、普遍安全的世界。» (Всем странам необходимо действовать в одном направлении, объединяться и сотрудничать, строить сообщество человеческой безопасности и работать вместе, чтобы построить мир, свободный от страха и обеспечить всеобщую безопасность.)

«**同舟共济**» (букв. плыть в одной лодке) метафорически представляет собой общую ситуацию или проблему, с которой сталкиваются люди. В данном контексте, фраза обозначает необходимость солидарности и сотрудничества между различными странами для достижения общей цели – создания мира, свободного от угроз и обеспечения безопасности для всех людей.

Китай призывает к объединению усилий для создания общества безопасности для всех, подчеркивая важность строительства глобального **сообщества**, свободного от страха и обеспечивающего **общую** безопасность. Такой подход соответствует стратегии Китая в мировых делах, которая выражается через активное участие в международных организациях и инициативах, нацеленных на сотрудничество и урегулирование конфликтов.

Китай позиционирует себя, как государство, готовое играть активную роль в создании мирного и безопасного мира для всех. Это подчеркивает ответственность и стремление к укреплению международной стабильности, что делает Китай видимым участником на глобальной арене.

В данном случае «同舟共济» (плыть в одной лодке) используется для идентификации общей ситуации или проблемы, с которой сталкиваются люди, и переходит в предикативное значение, подразумевая необходимость совместных действий и сотрудничества для преодоления этих проблем.

Таким образом, выражение «同舟共济» лучше всего соответствует образной метафоре согласно классификации Н.Д. Арутюновой.

3. «习近平主席指出,世界各国乘坐在一条命运与共的大船上,要穿越惊涛骇浪、驶向光明未来,必须同舟共济,企图把谁扔下大海都是不可接受的。» (Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что все страны мира находятся на корабле с общей судьбой, если они хотят преодолеть опасные события и двигаться к светлому будущему, то они должны работать вместе, объединяя свои усилия, а не пытаться выбросить кого-либо за борт.)

В этом отрывке содержится еще одна метафора. «大船» метафорически описывает мировое сообщество или международное сообщество, как единое целое, которое совместно справляется с вызовами и движется вперед через трудности и препятствия. Использование данной метафоры помогает усилить образ Китая, как страны, придерживающейся принципов мирового сотрудничества и солидарности. Эта метафора подчеркивает важность совместного действия и поддержки международных отношений на основе взаимного уважения и взаимопонимания. В целом, такие образы и метафоры способствуют формированию положительного образа Китая на международной арене, подчеркивая его роль, как страны, стремящейся к глобальной стабильности и процветанию.

В данном случае корабль с общей судьбой символизирует единство и общие усилия для преодоления трудностей и достижения общего будущего. Таким образом, метафора «大船» соответствует определению «образной метафоры», так как здесь используется сравнительный образ для передачи идеи единства и сотрудничества между странами.

«惊涛骇浪» (букв. страшные валы и яростные волны) является метафорой. В контексте этой фразы, «惊涛骇浪» используется для образного описания трудностей и вызовов, с которыми сталкиваются страны. Использование метафоры «惊涛骇浪» в сочетании с глаголом «преодолеть» формирует образ Китая, как открытой и ответственной страны, готовой поддерживать другие страны и идти на компромиссы для достижения общих целей и способной преодолевать трудности, несмотря на сложности и непредсказуемость ситуации.

В метафоре «惊涛骇浪» природное явление (страшные валы и яростные волны) используется для описания трудностей и вызовов, с которыми сталкиваются страны. Такое сравнение создает яркий и понятный образ, который помогает лучше понять

природу этих трудностей и вызовов. Это делает фразу ярким примером образной метафоры, поскольку здесь используется конкретное и наглядное сравнение для передачи абстрактной идеи.

4. «人类历史一再证明, 没有和平, 发展就是无源之水;没有安全, 繁荣就是无本之木。» (История человечества неоднократно доказывала, что развитие без мира — это вода без источника, небезопасно; нет безопасности нет процветания (дерево без корней)).

Метафора «无源之水» означает, что развитие без мира — это как поток воды без истока, бесконечный и бесплодный. Метафора «无本之木» подчеркивает, что без безопасности процветание не имеет корней и основ, как дерево без корней. Обе метафоры выражают идею о том, что без обеспечения безопасности любые усилия по достижению процветания могут быть подорваны и непрочны.

Метафоры служат для подчеркивания важности мира и безопасности для успешного развития и процветания. Они помогают создать образную картину, показывающую, что мир и безопасность являются фундаментальными элементами для обеспечения устойчивого и продолжительного развития человечества. Высказывание иллюстрирует концептуальные основы внешней политики Китая, в частности, его стремление к глобальной безопасности и стабильности. Китай выступает за мирное развитие и урегулирование конфликтов на основе принципов сотрудничества, формируя образ ответственного и влиятельного мирового игрока, готового принимать активное участие в решении глобальных проблем и способствовать миру и стабильности. Китай стремится к тому, чтобы его роль в мировом сообществе воспринималась как стратегически важная и конструктивная, способствующая общему благополучию и развитию.

Обе метафоры являются образными, так как они используют конкретные, наглядные образы для передачи абстрактных идей о важности мира для развития и безопасности для процветания.

5. «在百年变局与世纪疫情交织叠加、战火阴云笼罩的今天, 新安全观的意义更加凸显, 将进一步推动铸剑为犁。» (В современном мире, охваченном столетними изменениями и эпидемической ситуацией, угрозой военных конфликтов, важность новой концепции безопасности становится еще более очевидной, что продолжит способствовать превращению мечей в орала).

В этом фрагменте метафора «铸剑为犁» (перековать мечи на орала) подчеркивает важность превращения военных конфликтов в мир и сотрудничество. Меч традиционно ассоциируется с войной и насилием, а плуг символизирует земледелие и производство. Таким образом, «铸剑为犁» обозначает изменение приоритетов с боевых и военных аспектов на мирные, переориентацию сил и ресурсов с военных целей на мирные и гуманитарные усилия.

В данном контексте находит отражение политическая и военная конфуцианская философия Китая, которая представляет стремление к мирному развитию, сосредоточение на сотрудничестве вместо конфронтации и построение международных отношений на основе взаимовыгодных соглашений. Китай продвигает идею мирного сосуществования и сотрудничества в рамках международного сообщества, а также поддерживает концепцию безопасности, которая включает в себя решение глобальных проблем с помощью диалога и сотрудничества, а не военной силы, формируя образ Китая как страны, стремящейся к миру и сотрудничеству, вместо военной агрессии или конфронтации.

Метафора «铸剑为犁» в данном контексте является когнитивной. «Мечи» и «корала» из разных сфер (военной и сельскохозяйственной) объединяются для создания нового смысла, отражающего изменение приоритетов с войны на мир и сотрудничество. Меч, обычно связанный с войной и насилием, теперь сочетается с процессом перековки в плуг, символизирующий мирное земледелие и производство. Это изменение сочетаемости и переосмысление традиционных значений слов создают новый когнитивный контекст.

6. «历史反复告诫我们, 唯我独尊、以强凌弱是动荡之因, 丛林法则、强权逻辑是战乱之源。» (История неоднократно предупреждала нас, что превосходство и запугивание слабых сильными являются причинами беспорядков, а закон джунглей и узурпация являются причинами войн.)

В данном контексте «丛林法则» (закон джунглей) метафора используется для образного описания определенного типа политического поведения. В джунглях животные борются за выживание и доминирование, применяя принцип «сильнейший выживает». Таким образом, метафора «丛林法则» в политической риторике означает жесткие, агрессивные методы, применяемые для достижения власти или установления доминирования.

Посредством подобных метафор Китай представляет себя как страну, защищающую свои интересы и права на международной арене, основываясь на принципах равноправия и уважения. Метафора также призвана к укреплению имиджа страны, как суверенного и ответственного участника мирового сообщества, предпочитающего мирное разрешение конфликтов переговорным механизмом, уважение суверенитета других стран и сотрудничество на основе взаимного выигрыша.

Метафора «丛林法则» создает яркий образ, который помогает лучше понять природу агрессивного и доминирующего политического поведения. Это делает ее ярким примером образной метафоры, поскольку здесь используется конкретное и наглядное сравнение для передачи абстрактной идеи.

7. «国际社会应旗帜鲜明支持一切有利于和平解决危机的努力, 反对任何势力借机煽风拱火、阻挠破坏和谈。» (Международное сообщество должно безоговорочно поддерживать все усилия, которые способствуют мирному разрешению кризиса, и противодействовать любой силе, которая использует возможность раздувать пламя, препятствовать и саботировать мирные переговоры.)

В данном контексте «旗帜鲜明» (яркие знамена) - это метафора, которая образно означает определенные идеи, четкую позицию. Она означает, что международное сообщество должно открыто и ясно поддерживать все усилия, направленные на мирное разрешение конфликтов.

Политика Китая направлена на поддержку мирного разрешения конфликтов и акцентирует внимание международного сообщества на диалоге и сотрудничестве, что также способствует формированию образа Китая как страны, которая придает большое значение своим принципам и убеждениям, стремящимся к миру, стабильности и диалогу на международной арене.

Метафора «旗帜鲜明» является образной, поскольку она использует конкретный и понятный образ (яркие знамена) для передачи абстрактной идеи (определенная и открытая позиция международного сообщества).

8. «滥用单边制裁和 «长臂管辖» 不但解决不了问题, 反而会制造更多困难和复杂因素。»

(Злоупотребление односторонними санкциями и «юрисдикцией длинной руки» не только не решит проблему, но и создаст еще больше трудностей и сложных факторов.)

В данном контексте, «长臂管辖» (юрисдикция длинной руки) используется в метафорическом смысле, чтобы обозначить попытки одной страны расширить своё влияние за пределы своей территории или юрисдикции. Это не обязательно означает буквальное использование длинных рук для управления, а скорее указывает на стремление вмешиваться во внутреннюю политику других государств или контролировать события в отдаленных регионах мира.

В контексте данного высказывания Китай категорически не приемлет использование политики «длинных рук» для расширения влияния за пределы своей территории. Это позволяет сложить образ Китая, как сторонника мирных методов решения международных споров и конфликтов. Китай, поддерживая идею диалога и консультаций для решения разногласий, представляет себя как страну, предпочитающую урегулирование споров через сотрудничество и согласование, а не через угрозы или односторонние действия.

Это пример генерализующей метафоры, поскольку она стирает границы в лексическом значении слова, позволяя воспринимать «длинную руку» как символ расширенного контроля.

9. «摒弃零和博弈、阵营对抗过时观念。» (Откажитесь от устаревших концепций игры с нулевой суммой и противостояния).

«零和博奕» (игра с нулевой суммой) здесь использована как метафора для описания стратегии, при которой выигрыш одной стороны идет в ущерб другой, подразумевая нулевую сумму. В данном контексте Китай призывает отказаться от такого подхода к международным отношениям, что означает отказ от стратегии, при которой одна страна может выиграть только за счет поражения другой. Вместо этого, он выступает за сотрудничество и согласование интересов для достижения общей выгоды.

Данное метафорическое выражение укрепляет образ Китая как страны, стремящейся к глобальной стабильности и справедливому международному порядку. Это также может помочь смягчить опасения других стран по поводу растущего влияния Китая и установить более доверительные отношения с другими государствами.

Это пример образной метафоры, поскольку термин «игра с нулевой суммой» переносится на новый контекст международных отношений, указывая на необходимость отказа от стратегии, где выигрыш одной стороны означает потерю для другой, и перехода к стратегии сотрудничества для достижения общей выгоды.

10. «和平赤字、发展赤字、安全赤字、治理赤字加重, 世界又一次站在历史的十字路口。» (Мир вновь стоит на перепутье истории, поскольку дефицит мира, развития, безопасности и управления усугубляется.)

Фраза «历史的十字路口» (перекресток истории) является метафорой, используется для обозначения критического или переломного момента в истории, когда будущее может развиваться по разным сценариям, подобно тому как при пересечении дорог выбирается направление движения.

Метафора создает образ Китая как государства, которое имеет силу и влияние, способное принимать важные решения глобального характера и определять направление развития мировых событий.

Метафора «历史的十字路口» («перекресток истории») является генерализующей, поскольку она объединяет разные логические порядки — физическое пространство и историческое время — и создает обобщенное значение критического или переломного момента в истории, когда будущее может развиваться по разным сценариям.

11. «我们倡导各国践行共商共建共享的全球治理观, 共同应对地区争端和恐怖主义、气候变化、网络安全、生物安全等全球性问题, 多管齐下、综合施策。» (Мы выступаем за то, чтобы все страны придерживались концепции глобального управления, основанной на общем деле и общей ответственности, и совместно решали региональные споры и глобальные проблемы, такие как терроризм, изменение климата, кибербезопасность и биобезопасность, применяя многосторонний и комплексный подход.)

В выражении «多管齐下» (множество труб) используется метафора, чтобы образно показать, что для решения сложных проблем безопасности необходимо применять многочисленные и разнообразные методы и стратегии. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к обеспечению безопасности, который включает в себя различные средства и инструменты.

Метафора подчеркивает важность для Китая принятия комплексного и многогранного подхода к решению мировых проблем безопасности. Это отражает образ Китая как страны, готовой к активному участию в международном сотрудничестве и решению глобальных проблем. Применение этой метафоры иллюстрирует то, что Китай не стремится доминировать или диктовать свою политику, а вместо этого предпочитает сотрудничать с другими странами и использовать разнообразные стратегии и методы для достижения общих целей в области безопасности. Это может подчеркивать образ Китая как страны, готовой к диалогу и сотрудничеству с мировым сообществом для решения сложных международных проблем, включая традиционные и новые вызовы безопасности, такие как терроризм, климатические изменения и кибербезопасность.

Образ «множество труб» символизирует разнообразия и множественность подходов к решению проблем безопасности. Таким образом, эту фразу можно рассматривать как образную метафору.

12. «让和平的薪火代代相传、平安的钟声响彻人间。» (Пусть огонь мира передается из поколения в поколение, пусть звучит звон мирных колоколов по всему миру.)

«平安的钟声响彻人间» - в высказывании используется метафора сопоставляющая распространение идеи глобального мира подобно звукам колокола. Звук колокола ассоциируется с объявлением мира и безопасности, и здесь он символизирует идею распространения мира и безопасности по всему миру, как звук колокола, который слышен повсюду.

Эта метафора является образной. Она используется для ассоциации распространения идеи глобального мира с звуками колокола. В контексте высказывания звук колокола ассоциируется с объявлением мира и безопасности, что символизирует идею распространения мира и безопасности по всему миру, подобно тому, как звук колокола слышен повсюду.

Таким образом, изучение языковых средств в исследуемом политическом тексте демонстрирует частотное употребление метафор, которые носят интернациональный характер и имеют определенную политическую цель формирования положительного образа КНР. Перспективным направлением дальнейшего исследования темы может стать изучение вопроса о метафоричности дискурса, который обладает определенной

метафоризацией, или дискурсивности метафоры, которая рассматривается как коммуникативный элемент метафорического переноса в определенном дискурсе.

Инициатива по глобальной безопасности представляет собой комплексную стратегию, **выходящую за пределы внутренних интересов Китая**, которая предполагает активное взаимодействие с другими государствами и международными организациями для преодоления глобальных угроз, таких как терроризм, кибератаки, распространение ядерного оружия, транснациональная преступность и экологические кризисы.

Ключевыми аспектами инициативы являются сотрудничество, диалог, и обмен информацией между странами для обеспечения мирной и стабильной международной обстановки. Кроме того, Китай стремится к созданию справедливой и более равноправной мировой системы безопасности, которая учитывает интересы всех участников международного сообщества. В рамках этой инициативы Китай готов предоставить свои ресурсы, экспертизу и опыт для поддержки усилий по обеспечению мировой безопасности и стабильности.

Предполагается, что инициатива будет способствовать формированию более устойчивого и прозрачного мирового порядка, основанного на принципах справедливости, взаимовыгодного сотрудничества и взаимного уважения суверенитета государств. Она призвана обеспечить общую безопасность в условиях все более сложной и динамичной мировой обстановки, где глобальные вызовы, такие как терроризм, киберугрозы, и распространение оружия массового уничтожения, требуют совместных усилий для их решения.

Помимо этого, Китай акцентирует внимание на необходимости урегулирования региональных конфликтов и поддержания мирных дипломатических решений, основанных на принципах международного права. Инициатива направлена на создание более устойчивого и предсказуемого мирового порядка, который способствует развитию и процветанию всех государств.

Таким образом, инициатива по глобальной безопасности **не только** призвана обеспечить безопасность и стабильность **внутри Китая**, но и укрепить сотрудничество и доверие **между различными государствами** в мировом масштабе. Представленные в «Инициативе глобальной безопасности» стратегические концепции политического руководства Китая нацелены на создание положительного образа КНР на международной арене. Метафоризация текста направлена на создание образа КНР, как страны, стремящейся к глобальному лидерству и сотрудничеству. В «Инициативе глобальной безопасности» подчеркивается важность участия Китая в международных усилиях по обеспечению мира, безопасности и развития. В тексте Китай представлен, как активный участник мировой политики, способный формировать глобальные инициативы.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Языкоznание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 296–297.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 366.
3. Галумов Э.А. Имидж против имиджа. М.: Известия, 2005. С. 371.
4. Калинин О.И. Политический имидж как объект лингвистических исследований // Филологические науки. 2015. №10. С. 79-83.
5. Калинин О.И. Креативные метафоры и речевое воздействие в дискурсе // Лингвистика креатива (выпуск 31). Уральский филологический вестник №2. 2022. С. 469-482.

6. Калинин О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: дисс. ... д. филол. н. М., 2022.
7. Кубрякова Е.С. К определению понятия имидж // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №1. С. 5-11.
8. Перелыгина Е. Б. Психология имиджа: учебное пособие. М., 2002. 223 с.
9. Суворова И.С. Государственная политика как инструмент формирования имиджа страны // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. №40. С. 150-162.
10. Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russ. J. Linguist. 2021. Т. 25. № 1. С. 232-258.
11. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1998. 176 с.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.
13. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
14. Чумиков, А. Н., Бочаров, М. П. Связи с общественностью. Теория и практика [Текст] : учеб. пособие / А. Н. Чумиков, М. П. Бочаров. – М.: Дело, 2006. – 496 с.
15. Ши Шу. Анализ метафор в китайском политическом дискурсе с позиций когнитивной теории : (на материале сборника "Си Цзиньпин о государственном управлении") / Ши Шу // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4 (94). – С. 154-159.
16. 全球安全倡议概念文件 [В Интернете] // 人民网 / ред. 赵欣悦、岳弘彬. – 22 2 2023 г.. – <http://world.people.com.cn/n1/2023/0222/c1002-32628495.html>
17. 王毅:落实全球安全倡议,守护世界和平安宁 [В Интернете] / авт. 国务委员兼外交部长 // 中华人民共和国中央人民政府. – 24 4 2022 г. – https://www.gov.cn/guowuyuan/2022-04/24/content_5686889.htm

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Языковые средства как инструмент создания положительного имиджа государства в системе межгосударственных отношений (на примере инициативы по глобальной безопасности КНР)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно является актуальной ввиду сложности, изменчивости и неопределенности процессов, которые образуют дискурс, а также тем фактом, что в последние годы в мире наблюдается процесс изменения политической полярности, выхода на лидирующие позиции ряда других государств.

Особый интерес представляет то, что в современном мире мы наблюдаем информационные войны, одним из главных инструментов которых являются различные средства массовой информации, что делает работу по изучению лингвистического аспекта применения СМИ в политических целях актуальным.

Цель исследования заключается в определении лингвистического инструментария, который использован как средство формирования положительного имиджа Китая в области глобальной безопасности.

Объектом рецензируемого исследования выступает политический дискурс.

В качестве методов исследования применяются теоретический анализ литературы, медиалингвистический анализ, методы критической лингвистики и др. В статье используется также дискурс-анализ медийного текста, выявляются выразительные языковые средства, семантическое значение слов и выражений, коммуникативная

направленность текста. Практическим языковым материалом исследования явился документ, определяющий государственную политику страны, а именно «Инициативы глобальной безопасности КНР».

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справку о разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описания результатов исследования и представления выводов. В статье не представлена информация о возможных перспективах исследования. Библиография статьи насчитывает 15 источников как отечественных, так и зарубежных исследователей. К сожалению, отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по заявленной тематике, что могло бы усилить теоретическую значимость работы.

В статье допущен ряд опечаток, к примеру, «лингвистического инструментария», а также некорректному употреблению терминологического аппарата филологии, например, «Изменения в архитектонике политических сил...». Архитектоника применима в отношении исключительно текста в филологических исследованиях.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по лингвокультурологии, журналистики и теории дискурса. Статья «Языковые средства как инструмент создания положительного имиджа государства в системе межгосударственных отношений (на примере инициативы по глобальной безопасности КНР)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит согласиться, что «в современном мире в развитии межгосударственных отношений все большее значение приобретает имидж государства и методология его формирования. Изменения в политической ситуации и соотношении сил находят свои отражения в текстах политического дискурса». Собственно именно эта составляющая играет важную роль в формировании магистрали имиджевого статуса. Статья, которая направлена на рецензирование предметно совпадает с одной из рубрик издания, следовательно, фактических неточностей в этой части нет. Нет и серьезных нарушений научной манифестации данных, так как текст органично сложен, при этом точка зрения авторадается убедительно и открыто. Суждения по ходу работы выверены: например, «Объектом нашего исследования выступает политический дискурс. Чудинов А.П. утверждает, что изучение политического текста – это «прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов» [13, с. 41]. Политический текст отображает интенциональное содержание основных стратегических и тактических концепций

правительств государств. Чудинов А.П. в своей монографии подчеркивает, что «важнейший постулат современной политической лингвистики —дискурсивный подход к изучению политических текстов, то есть исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации...», или «Китай, который в последние десятилетия, реализуя реформирование социально-экономической системы обеспечивает ошеломляющий мировое сообщество рост экономики и благосостояние народа, уделяет огромное внимание формированию имиджа своей страны на международной арене. Внешний имидж современного Китая, ориентированный на формирование положительного образа, находит свое отражение в программных партийных и политических речах и документах. Международный характер имиджа государства, несомненно, обладает большим значением для статусного престижа страны в системе межгосударственных отношений. Китай целенаправленно формирует свой положительный имидж, транслируя концептуальные положения как внутриполитического, так и внешнеполитического курсов в публичных текстах...» и т.д. Источники базового уровня систематизированы, сведение их в общий конгломерат сделан: автор отмечает, что «Имидж государства как понятийная категория является предметом изучения политологии (А.И. Соловьев, В.В Лапкин, Н.А Рожков), социологии (Н.И. Алексеева, Е.С. Баразгова, Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский, Г.Б. Кораблева Н.И. Лапин, В.И. Маслов, В.Г. Подмарков, Е.П. Попова, А.И. Пригожин, Ю.Г. Семенов С.А. Фролов, Н.И. Шаталова, О.И. Шкарата, В.А. Ядов), психологии (Е.А. Петрова, Е.Б Перелыгина), когнитивной лингвистики (Джордж Лакофф, Марк Джонсон, Лен Талми, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Болдырев, З.Д Попова, И.А Стерин, И.А Сушненкова, А.А Залевская) и других наук. Политологическое содержание имиджа страны Э.А.Галумов сформулировал, как «комплекс объективных, взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы, сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности, как сложной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических и иных процессов в стране». Номинации открытого порядка вводят объективно, в принципе работа вычитана, «сложных», «тяжелых» языковых формул нет. Стиль сочинения тяготеет к научному типу: «языковые средства играют ключевую роль в текстах, прагматическая цель которых сфокусирована на создании имиджа страны, и являются мощным инструментом, влияющим в том числе и на понимание национальной культуры, истории и ценностей. Например, тщательно выстроенные и продуманные речевые стратегии, использование специфических терминов и выражений, ассоциирующихся с положительными коннотациями, помогают создать благоприятный образ государства». Информативный уровень работы насыщен, типологически однородные данные даются в режиме сносок и цитат: «Исследуя роль метафоры в политическом дискурсе О.И.Калинин отмечает, что «одним из действенных и наиболее доступных для исследования собственно лингвистическими методами форм когнитивно-речевого воздействия является метафора, в основе которой, как известно, лежит когнитивное переосмысление одной концептуальной области (сферы-цели) через концептуальные признаки другой области (сферы-источника)» [5, с. 471]. Иллюстративный фон достаточен, он мог быть и объемнее, но и этого вполне хватает для решения поставленных задач: «Рассмотрим некоторые примеры метафор в исследуемом материале. 1. «习近平主席2014年在亚信上海峰会首次提出新安全观以来,赢得了国际社会普遍认同和广泛支持,已经成为世界消弭安全赤字、破解安全难题的“金钥匙”» (С тех пор, как председатель Си Цзиньпин впервые выдвинул новую концепцию безопасности на Шанхайском саммите СВМДА в 2014 году, она завоевала широкое признание и поддержку со стороны международного сообщества и стала для мира «золотым ключом» к устранению недостатков безопасности и решению проблем безопасности). Метафора «金钥匙»

подразумевает, что новая концепция безопасности является ценным и эффективным инструментом, способным «открыть двери» к решению сложных проблем, таких как дефицит безопасности и глобальные конфликты. Золотой ключ ассоциируется с чем-то ценным, редким и мощным, способным открыть любые замки, что символизирует возможность решения даже самых сложных и запутанных проблем», или «Метафора «无源之水» означает, что развитие без мира — это как поток воды без истока, бесконечный и бесплодный. Метафора «无本之木» подчеркивает, что без безопасности процветание не имеет корней и основ, как дерево без корней. Обе метафоры выражают идею о том, что без обеспечения безопасности любые усилия по достижению процветания могут быть подорваны и непрочны» и т.д. Итоговый фрагмент соотносится с основной частью; автор отмечает, что «инициатива по глобальной безопасности не только призвана обеспечить безопасность и стабильность внутри Китая, но и укрепить сотрудничество и доверие между различными государствами в мировом масштабе. Представленные в «Инициативе глобальной безопасности» стратегические концепции политического руководства Китая нацелены на создание положительного образа КНР на международной арене. Метафоризация текста направлена на создание образа КНР, как страны, стремящейся к глобальному лидерству и сотрудничеству. В «Инициативе глобальной безопасности» подчеркивается важность участия Китая в международных усилиях по обеспечению мира, безопасности и развития. В тексте Китай представлен, как активный участник мировой политики, способный формировать глобальные инициативы». Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке; цель исследования достигнута, тема раскрыта. Материал практически применим в вузовских курсах, часть тезисов может быть раскрыта далее в тематически смежных изысканиях. Рекомендую статью «Языковые средства как инструмент создания положительного имиджа государства в системе межгосударственных отношений (на примере инициативы по глобальной безопасности КНР)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Маринина Ю.А., Малютина О.А. Пушкинский миф в современной литературе для детей (на материале произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН (Ирины Крестьевой)) // Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70877 EDN: FYKWQN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70877

Пушкинский миф в современной литературе для детей (на материале произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН (Ирины Крестьевой))**Маринина Юлия Анатольевна**

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Русской и зарубежной филологии; Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603095, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

✉ umarinina@gmail.com**Малютина Оксана Александровна**

ORCID: 0009-0004-2133-0807

кандидат юридических наук

доцент; кафедра Гражданского права и процесса; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

603095, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, каб. 406

✉ maljutinaoa@mail.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.6.70877

EDN:

FYKWQN

Дата направления статьи в редакцию:

29-05-2024

Аннотация: В статье представлено осмысление функционирования и роли пушкинского мифа в современной отечественной детской литературе. В книге рассказов Кристины Стрельниковой "Великолепный Веня Венчиков", Марии Бершадской "Пушкин и компания"

(десятая история из цикла "Большая маленькая девочка"), повести "П.Ушкун и пиксели" Аи эН (Ирины Крестьевой), рассказе Ксении Драгунской "Срочно требуется Пушкин!" и других Александр Сергеевич Пушкин предстает не только в образе великого поэта. Его присутствие в современных текстах для детей, с одной стороны, обусловлено наличием пушкинского мифа в культуре в целом, с другой – ранним знакомством детей с творчеством и фактами биографии поэта. Специфика изображения личности и творчества А.С. Пушкина обусловлена особенностями детского восприятия: биография и творчество писателя переносятся в бытовую сферу. Во время выполнения исследования были использованы историко-культурный, сравнительно-сопоставительный и биографический методы литературоведения. А.С. Пушкин в современной литературе для детей и подростков из образа гениального писателя трансформируется в образ друга, обыденная жизнь которого не менее интересна и увлекательна, чем его произведения. В текстах К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН представлены эпизоды из жизни писателя (учеба в Царскосельском лицее, женитьба, дуэль), а также его произведения (цитируются стихотворения, сказки). Пушкинский миф – без сомнения, наиболее значимый писательский миф, миф о гении в российской культуре, не утрачивающий своей актуальности со временем, а напротив, приобретающий все большее распространение в массовом сознании. Современная детская литература активно использует тенденции, характерные для литературы «взрослой», в том числе мифологизацию, включение мифов о «новом культурном герое», которым, безусловно, является и А.С. Пушкин.

Ключевые слова:

биографический миф, пушкинский миф, мифологизация, культурный герой, детская литература, образ автора, интертекстуальность, Бершадская, Стрельникова, образ ребенка

Пушкинский миф – без сомнения, наиболее значимый писательский миф в российской культуре, не утрачивающий своей актуальности со временем, напротив, приобретающий все большее распространение: «Рождённая в конце XIX века государственная идея-бренд «Пушкин» многократно трансформировалась с тех пор, оставляя, однако, за собой некоторые общие черты: Пушкин-гуманист, Пушкин-гений, Пушкин-целостность («наше всё»), Пушкин-выражение духа (национального или интернационального) и др.» [\[1, с.154\]](#).

Осмысление механизмов формирования и презентации пушкинского мифа в современной культуре стало предметом размышлений многих исследователей в отечественном и зарубежном литературоведении [\[2, 3, 4, 5, 6\]](#): Пушкин как один из создателей «Русской идеи» [\[3, с.10\]](#), Пушкин – «демиург всей литературоцентричной русской культуры» [\[4, с.174\]](#) и др. А. Смит говорит о роли «Пушкинской речи Ф.М. Достоевского» в формировании пушкинского мифа [\[7\]](#), В.В. Маркович исследует «преобразование пушкинского мифа» в поэзии ленинградского андеграунда [\[8, с. 4\]](#). Сегодня пушкинский миф активно функционирует в интернет-пространстве в креолизованных текстах, мемах, мотиваторах и демотиваторах, анекдотах, стишках-пирожках и т.д. [\[9, с. 360\]](#).

Специфику пушкинского мифа среди других социокультурных мифов определяет Т.Г.

Шеметова: «Пушкинский миф в ряду других отечественных мифов занимает особенное место хотя бы потому, что из всех других «литературных» и даже других персонализированных мифов он единственный принципиально «национальный» (общенародный), вросший в сознание на уровне стереотипической схемы» [\[10, с. 122\]](#). Действительно, существование его как «общенародного» подтверждается в том числе распространением мифа о Пушкине в литературе для детей дошкольного и младшего школьного возраста, которая, в силу своей природы, двуадресна и одновременно обращена и к ребенку, и ко взрослому читателю.

В «Истории десятой. Пушкин и компания» (2015) из цикла «Большая маленькая девочка» Марии Бершадской Соня, подруга главной героини рассказов, Жени, «приковывает» себя к оконной раме велосипедным замком: «...я решила в «Узника» поиграть.

– В какого узника? – удивилась я.

– В такого. Который сидит за окошком в темнице сырой» [\[11, с. 6-7\]](#).

Мария Бершадская отталкивается от общеизвестного и общеупотребительного выражения «А кто виноват? Пушкин?» (на месте глагола 'виноват' может стоять и другой глагол). Как отмечает Л.И. Саракина, « “А кто будет свет выключать? Пушкин?” – в этом выражении, а также в его многочисленных аналогах связь с реальной биографией и личностью первого поэта России утрачена почти абсолютно: никому из произносящих подобную фразу не нужно ничего знать ни о поэзии Пушкина, ни о нем самом» [\[12, с.130\]](#). В тексте Бершадской это представлено так: «“Кто опять не доел кашу? Пушкин?!”, “А ботинки кто за собой будет убирать? Пушкин, что ли?!”...

...И вдруг оказалось, что Пушкин и правда виноват в том, что Соня превратилась в узника и плачет под окошком» [\[11, с. 7\]](#). В ситуации «плачет под окошком» <Курсив наш. – Ю.М.> также угадывается отсылка к пушкинским текстам: «Узнику», «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях», «Сказке о царе Салтане...» и др.

Появление поэта в жизни детей – героев повести – объясняется очень просто: любой «культурный человек», по словам Сониной бабушки, должен знать, кто такой А.С. Пушкин, т.к. дети «проходят его в школе» [\[11, с.30\]](#).

Кроме того, в текст истории о большой маленькой девочке включены факты из жизни А.С. Пушкина (даты рождения, бракосочетания, рост поэта и Н.Н. Гончаровой), различные способы цитирования пушкинских текстов («Унылая пора!..», «Зимнее утро» («Мороз и солнце...»)) и графические изображения, показывающие поэта в разных ситуациях: в купальном костюме, у шкафа с черничным вареньем, с птичьим гнездом на голове и т.д. (книга с иллюстрациями Саши Ивойловой была опубликована издательством КомпасГид).

Иллюстрации тоже можно назвать своего рода «цитатами»: они напоминают картину Петра Кончаловского «Пушкин в Михайловском» (1930–1932). Возможно, именно этот портрет ложится в основу иллюстраций в связи с историей самой картины: первоначальный вариант представлял демифологизацию образа великого поэта, показанного в постели с босыми ногами, с одной стороны, и создание нового мифа – о простоте и близости гения каждому человеку. Однако этот вариант изображения не соответствовал официальному представлению о Пушкине, и его ноги пришлось «прикрыть» одеялом [\[13, с.30\]](#).

Соня придумывает и рассказывает Жене и Мишке истории о том, как Пушкин мыл окно, писал стихи («смешивая» слова и «взбивая» рифмы), не любил расчесываться и не стирал занавески и т.п. Эти анекдотические истории о Пушкине и его окружении всегда рассказывают по случаю и соотносятся с занятиями ребят. Именно Соня является создателем этих историй, потому что «Мой прадедушка был пушкинист, он всю жизнь Пушкина изучал. А я, может, чего-нибудь открою, про что вообще никто не знал. Даже прадедушка» [\[11, с.13\]](#). Очевидно, в обращении к личности и творчеству А.С. Пушкина есть автобиографические мотивы: «Мама, учась на физико-математическом факультете Тартусского университета, слушала лекции Ю. М. Лотмана. В семье боготворили А.С. Пушкина, мама много читала дочери» [\[14\]](#).

В finale книги Соня сама пишет стихи: «Когда Пушкин вырос большой, он любил только суп с лапшой. Отказывался от котлет. Терпеть не мог винегрет...» [\[11, с.45\]](#). После чтения своего стихотворения Соня вспоминает код велосипедного замка и освобождается. Код – 199 – обозначает день рождения самой девочки, 19 сентября: «А при чём тут Пушкин?!

– Как при чём?! возмутилась Соня и, раскинув руки, рухнула на диван. – Я про Пушкина читала. И у меня сочинился стих. Вы что, не понимаете?! Значит, я тоже поэт...» [\[11, с.46\]](#). Происходит отождествление героини повести, Сони, и героя её историй, А.С. Пушкина. Таким образом, в повести Марии Бершадской А.С. Пушкин – близкий детям, очень «свой» и понятный им персонаж, его жизнь или какие-то неясные, незнакомые вещи легко домысливаются, трактуются через понятные категории («Раньше ведь интернета не было. А если ты что-то написал, как узнать, нравится это всем или нет? Вот для этого и придумали ЛАЙКОВЫЕ ПЕРЧАТКИ. Вместо лайков. Пушкин читал свои стихи, и все еле перчатки бросали. А потом он их собирали и пересчитывал. У него и по сто, и по двести лайков было» [\[11, с. 12\]](#)).

Главный герой сборника рассказов «Великолепный Веня Венчиков» (2017) Кристины Стрельниковой изобрёл «машинку времени». Он знакомится с Пушкиным, Гоголем, Львом Толстым, Пришвином, Паустовским и др. писателями. А.С. Пушкин в историях о Вене Венчикове тоже очень близок мальчику: они разговаривают, обсуждают стихотворения, а потом Веня делится на уроках литературы воспоминаниями о встречах с Александром Сергеевичем (о том, как Пушкин пишет стихи гусиными перьями и как спорят лошади Пушкина и Лермонтова, кому из них поэты посвятили больше стихотворений).

Творчество А.С. Пушкина как прецедентный текст входит в произведения К. Стрельниковой: в них используются разные виды цитаций: дословные и недословные, аллюзии и реминисценции («Пушкин мечтает, записывает в блокнотике всё, что видит: мороз и солнце, день чудесный, луна, как бледное пятно» [\[15, с.8\]](#); «Подруга дней моих суровых, лошадка дряхлая моя». И ещё: "Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолётное виденье, как лошадь чистой красоты"» [\[15, с.11\]](#)). Также в рассказы Кристины Стрельниковой включены факты из жизни поэта: дуэль, его визиты в Михайловское, роль в становлении русского литературного языка и другие, т.е. образ А.С. Пушкина встраивается в условный историко-культурный контекст XIX века (он пишет гусиными перьями и чернилами, носит накидку и цилиндр) и в целом соответствует представлениям о жизни писателя, не переносится в современность. Однако здесь, как и в тексте Марии Бершадской, создаются комические ситуации (Пушкин «сидел на своём любимом дубе, болтал ногами и беседовал с русалками» [\[15, с.32\]](#) или спор лошади Пушкина и лошади Лермонтова), юмористический эффект достигается и через трансформацию цитат из произведений писателя и словотворчество, причём источник

должен быть понятен основной аудитории – детям. Например, это отсылки к вступлению к поэме «Руслан и Людмила»: «...И Пушкин стал читать ему целебные заклинательные стихи. Особенно про Лукомора и Черноморье. То есть наоборот» [\[15, с.32\]](#).

В настоящее время можно говорить о том, что само «Слово “Пушкин” стало концептуальным стержнем культуры: оно встречается в анекдотах, присказках, поговорках. Все это – результат освоения современным обществом пушкинского мифа, представленного в пространстве русской литературы» [\[16, с.11\]](#). Именно на функционировании и значении слова и строится текст повести «П.Ушкун и пиксели» (2022) Аи эн (Ирины Борисовны Крестьевой). Главный герой – «самый маленький ученик в классе» Пашка Ушкун [\[17, с.95\]](#). В повести есть отсылки к текстам А.С. Пушкина и его биографии, они вводятся в повествование через изображение уроков литературы (в главе «Ушкун, Пушкин и процесс обучения» ребята пересказывают «Сказку о рыбаке и рыбке», вспоминают о дуэли). Также есть сопоставление ситуаций, в которых оказываются герои повести (Паша и Луша заблудились в Приокском заповеднике) и герои А.С. Пушкина. Луша говорит: «Теперь я понимаю проблему героев Пушкина в рассказе «Метель!»» [\[17, с.110\]](#). Звучание инициала и фамилии подталкивает Пашу к мысли, что они с Александром Сергеевичем Пушкиным похожи, и Пашка тоже решает стать писателем и сочиняет сказку про «золотого рыбёнка» (сына золотой рыбки).

Финал повести и сочинение Павлика показывают, что главное – быть самим собой, не пытаться быть на кого-то похожим, пусть это и сам Пушкин: «А вообще-то я сначала буду великим художником, а потом президентом. А между президентом и художником я, наверное, буду, ещё не знаю кем. Кем угодно. Но писателем-фантастом я не стану ни за что, и никаких комиксов и мюзиклов сочинять и не подумаю» [\[17, с. 187-188\]](#). Ая эн рассказывает историю героя, который одновременно и такой, как все, и не такой («У Павлика были пухлые губы, кучерявые волосы, мокрые от волнения ладошки и странный, не такой, как у всех остальных, взгляд на мир. Так получилось, что в прошлой жизни Павлик был маленькой морской черепашкой, а в следующей собирался стать великим сухопутным гипнотизёром. Сейчас жизнь у него была промежуточная, обыкновенная, но она была. Была! И это было так здорово!»

Пашка молча положил мяч с заплатками на парту и вышел в весну» [\[17, с. 189\]](#)).

Обращение к имени великого русского поэта в этом тексте наводит читателя на мысль, что каждый человек уникален, каждый – особенный.

М.Н. Виролайнен, исследуя формирование пушкинского мифа, отмечает, что представление о нём входит в сознание русского человека с детства: «Представление о том, что Пушкин – «первый», по-школьномуочно закрепилось в нашем сознании. Он и «первый поэт» (т. е. «лучший», «главный» поэт), и «создатель русского литературного языка», и «первый реалист»...» [\[18, с.335\]](#). В связи с этим утверждением, исследование пушкинского мифа в детской литературе представляется важным и своевременным: обращение к творчеству и жизни поэта не только в аспекте изучения его произведений на уроках литературы, но и в широком культурном поле обеспечивает существование национального мифа, в котором Александр Сергеевич – и великий русский поэт, гений, и в то же время – человек, живущий самой простой жизнью, близкий каждому.

Сегодня «в контексте русской литературы XX-XXI вв. образ Пушкина генерирует новое мифологическое пространство, в котором к устоявшимся мифологемам добавляются новые, авторские: различными писателями выстраиваются сюжеты, помогающие

выразить сегодняшнее понимание жизни вообще, судьбы и поэзии Пушкина в частности» [19, с.206]. Пушкинский миф в современной культуре продолжает создаваться, используя и новые формы: интернет-пространство, литературные мемы и социальную рекламу, сезонное меню ресторанов и т.п. Однако основа - восприятие пушкинского мифа как части национальной культурной памяти, элемента «мифа Великой Русской Литературы» (the myth of Great Russian Literature) в целом [20, р.50] - остается незыблемой вне зависимости от новых форм воплощения.

Библиография

1. Туманов Д.В. Виртуализация образа А.С. Пушкина в традициях постмодерна // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Том 155. Кн.6. С. 153-161.
2. Sandler St. Commemorating Pushkin. Russia's Myth of a National Poet. Stanford: Stanford University Press, 2003. 432 p.
3. Two Hundred YEars of Pushkin: Alexander Pushkin: Myth and Monnument / Ed. R. Reid and J. Andrew. Amsterdam, New York, NY: Rodopi, 2003. 211 p.
4. Хамидулин А. М., Бабаева А. В. Опыт апробации контент-анализа в исследовании концепции «Русская идея» // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 10. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-10.
5. Эрлих С.Е. Миф о Пушкине в современной российской публицистике // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоzнание. Культурология. 2013. №12 (113). С. 173-178.
6. Horowitz B. The Myth of A.S. Pushkin in Russia's Silver Age. M.O. Gershenson, Pushkinist. Evanstone, Illinois: Northwestern University Press, 1996. 129 p.
7. Smith A. Pushkin as a Cultural Myth: Dostoevskii's Pushkin Speech and Its Legacy in Russian Modernism // Dostoevskii's Overcoat: Influence, Comparison, and Transposition. Amsterdam, New York, NY: Rodopi, 2013. Pp.123-147.
8. Маркович В.В. Трансформация пушкинского мифа о поэте и поэзии в лирике поэтов ленинградского андеграунда // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. Вып. 1. С. 3-14.
9. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Пушкинский миф в фольклоре рунета: биографический аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 357-361. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).357-361
10. Шеметова Т.Г. Персонификация исторической памяти в мифах о Пушкине и Бродском // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоzнание. Культурология. 2012. №18 (98). С. 115-123.
11. Бершадская М. Большая маленькая девочка. История десятая. Пушкин и компания. М: КомпасГид, 2016. 48 с.
12. Саракина Л.И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише // Художественная культура. 2018. № 4. С. 128-161.
13. Фарыно Е. Памятники Пушкину с высоты птичьего полета // Культура и текст. 2014. № 2. С. 5-92.
14. Бершадская Мария Владимировна // ПроДетЛит. Всероссийская энциклопедия детской литературы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://prodetlit.ru/index.php/%D0%91%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0\(дата обращения: 10.12.2022\)](https://prodetlit.ru/index.php/%D0%91%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0(дата обращения: 10.12.2022)).
15. Стрельникова К. Великолепный Веня Венчиков. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2017. 64 с.
16. Вайрах Ю.В., Казорина А.В. Авторская форма манифестации пушкинского мифа в прозе М.А. Булгакова и повести С.Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 11-15.

17. Ая эН. Азот и Селедочкина. П.Ушкун и пиксели. М.: Нигма, 2022. 192 с.
18. Виролайнен М.Н. Культурный герой «нового времени» // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1995. С. 329–349.
19. Шеметова Т.Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник Бурятского университета. 2010. Выпуск 10. С. 201–206.
20. Parts L. The Chekhovian Intertext: Dialogue with a Classic. The Ohio State University Press, 2008.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Фигура А.С. Пушкина в истории литературы, конечно же, знаковая. Образ обыгрывается с разных сторон, причем есть как положительные, так и отрицательные варианты. В начале рецензируемой статьи отмечено, что «пушкинский миф – без сомнения, наиболее значимый писательский миф в российской культуре, не утраивающий своей актуальности со временем, напротив, приобретающий все большее распространение...». Цель работы объективно открыта, автор пытается на примере произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН (Ирины Крестьевой) рассмотреть как преломляется «образ Пушкина» в современных текстах. Считаю, что задачи исследования решаются планомерно, оценка дается фактически точно. Стиль работы соотносится с научным типом: например, «главный герой сборника рассказов «Великолепный Веня Венчиков» (2017) Кристины Стрельниковой изобрёл «машинку времени». Он знакомится с Пушкиным, Гоголем, Львом Толстым, Пришвиным, Паустовским и др. писателями. А.С. Пушкин в история о Вене Венчикове тоже очень близок мальчику: они разговаривают, обсуждают стихотворения, а потом Веня делится на уроках литературы историями из жизни Александра Сергеевича (как Пушкин пишет стихи гусиными перьями и как спорят лошади Пушкина и Лермонтова, кому из них поэты посвятили больше стихотворений)» и т.д. Однако, на мой взгляд, работу следует вычитать, чтобы устраниТЬ печатки, неточности, например: «осмысление механизмов формирования и презентации пушкинского мифа в современной культуре стало предметом размышлений многих исследователей в отечественном и зарубежном литературоведении...» и т.д. Примеров использования «образа Пушкина» достаточно, системный принцип выдержан. Должные отсылки фактически сделаны: «в настоящее время можно говорить о том, что само «Слово «Пушкин» стало концептуальным стержнем культуры: оно встречается в анекдотах, присказках, поговорках. Все это – результат освоения современным обществом пушкинского мифа, представленного в пространстве русской литературы» [16, с.11]. Именно на функционировании и значении слова и строится текст повести «П.Ушкун и пиксели» (2022) Аи эН (Ирины Борисовны Крестьевой). Главный герой – «самый маленький ученик в классе» Пашка Ушкун [17, с.95]. В тексте повести есть отсылки к текстам А.С. Пушкина и фактам его биографии, они естественно вводятся в повествование через изображение уроков литературы (в главе «Ушкун, Пушкин и процесс обучения» ребята пересказывают «Сказку о рыбаке и рыбке», вспоминают о дуэли). Основные требования издания учтены, было бы уместным обобщить выводы, сделать их более развернутыми: «в современной русскоязычной детской литературе продолжает создаваться и функционировать пушкинский миф, в котором Александр Сергеевич – и великий русский поэт, гений, и в то же время – человек, живущий самой простой жизнью, близкий каждому». В целом же работа интересна, материал может быть полезен при изучении ряда гуманитарных

дисциплин. С учетом сказанного, тезирию: после небольшой доработки статья «Пушкинский миф в современной литературе для детей (на материале произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН (Ирины Крестьевой)» может быть рекомендована к публикации в журнале «Журнал: Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Пушкинский миф в современной литературе для детей (на материале произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН (Ирины Крестьевой)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, так как автор рассматривает рецепцию творчества А. С. Пушкина в работах современных детских писателей.

Действительно, как и утверждает автор, пушкинский миф – без сомнения, наиболее значимый писательский миф в российской культуре, не утрачивающий своей актуальности со временем, напротив, приобретающий все большее распространение. Признанный классик русской литературы, тексты произведений которого стали прецедентными

В статье автор выявляет особенности функционирования пушкинского мифа в современном нам культурном пространстве, убедительно доказывая прецедентную сущность текстов.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье использованы сравнительно-типологический, биографический методы, а также метод интертекстуального анализа, направленный «на выявление межтекстовых ассоциативных связей и приёмов, служащих созданию таких связей, – фигур интертекста.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно статья состоит из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, но среди них присутствуют как отечественные труды, так и работы зарубежных исследователей.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что ссылки на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам – пушкинистам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Пушкинский миф в современной литературе для детей (на материале произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН (Ирины Крестьевой)» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Егошкина В.А. Речежанровая специфика просветительских аудиоподкастов // Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70907 EDN: FQGUHB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70907

Речежанровая специфика просветительских аудиоподкастов

Егошкина Виолетта Александровна

ORCID: 0000-0003-3173-8289

кандидат филологических наук

доцент кафедры журналистики и медиалингвистики; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, 55

✉ v.egoshkina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.6.70907

EDN:

FQGUHB

Дата направления статьи в редакцию:

31-05-2024

Аннотация: В современном медиаполе всё большую популярность набирают новые форматы, реализуемые в интернет-пространстве. Конвергентные процессы порождают новые формы медиаконтента. Одним из таких феноменов является аудиоподкаст, который в настоящее время еще не достаточно изучен, многие аспекты нуждаются в научной рефлексии. В частности, исследовательский интерес представляет речежанровая специфика аудиоподкастов. Объектом предпринятого исследования являются просветительские аудиоподкасты, представленные на платформе Smotrim.ru («100 минут» – 26 выпусков, «Литературные склоки» – 11 выпусков, «Беседы о литературе» – 14 выпусков, «Дневник его жены» – 11 выпусков) и Polka.academy («Между строк» – 17 выпусков), опубликованные с 2021 по 2024 гг. Цель статьи – выявить и описать базовый вторичный речевой жанр, репрезентирующие его первичные речевые жанры, объективированные в исследуемых медиатекстах. Для достижения заявленной цели используются как общенаучные методы исследования, так и частные

методики, применяемые в медиалингвистике и медиастилистике – сопоставление и интерпретация языковых фактов, речежанровый анализ медиатекстов. Изучение медиатекстов в русле речевого жанроведения является актуальным и перспективным, поскольку данная парадигма исследования позволяет выявить и описать базовые структурные элементы жанра, коммуникативную специфику, интенции и роли адресанта и адресата, определить языковое и стилистическое своеобразие презентированных текстов. В статье представлены различные точки зрения на феномен аудиоподкастинга, сформулирована его дефиниция, которая учитывает не только технические свойства аудиоподкастов, но и их содержательную специфику, приведены классификации аудиоподкастов, систематизированы подходы к пониманию и исследованию речевых жанров, выявлен и охарактеризован базовый вторичный речевой жанр информативной беседы, а также входящие в его структуру доминантные первичные речевые жанры, что обуславливает актуальность и научную новизну предпринятого исследования.

Ключевые слова:

аудиоподкаст, просветительский аудиоподкаст, медиатекст, медиадискурс, речевой жанр, конвергенция, медиалингвистика, медиастилистика, речевое жанроведение, генристика

Аудиоподкаст как современный медиаформат: подходы к определению и типологизации

В настоящее время традиционные СМИ переживают существенные изменения, связанные с конвергенцией и мультимедиатизацией. Интернет всё больше влияет на форматы журналистики. Так, в последние десятилетия появилось абсолютно новое явление – подкастинг.

Подкаст – «цифровой медиафайл в звуковом формате mp3, который распространяется через интернет и воспроизводится при помощи компьютера, портативного медиаплеера, мобильного телефона, автомагнитолы, домашней стереосистемы. Само слово подкаст является производным от английских “iPod” (торговая марка медиапроигрывателей) и “broadcast” (широковещание, повсеместное вещание)» [\[1, с. 98\]](#).

По своему формату аудиоподкасты напоминают радиопрограммы. Как правило, они представляют собой беседы или монологи, посвященные определенным темам: литература, мода, кино, спорт, юмор и т.д. Однако в отличие от радиопрограмм, подкасты доступны для слушателей в любое время, они не зависят от сетки вещания и не ограничены форматом радио. Несмотря на то, что аудиоподкасты имеют ряд отличий от традиционной радиопрограммы, исследователи не пришли к единому мнению о дефиниции данного феномена. Являются ли они разновидностью радио или это совершенно новый формат – дискуссионный вопрос.

Ряд ученых рассматривают аудиоподкаст как новый тип радио. Например, И. И. Карпенко приравнивает подкасты к типам новейших радиоформ [\[2\]](#). Однако есть иная точка зрения: подкастинг – отдельная форма предоставления информации, которая относится к онлайн-журналистике из-за особенностей формы. Такого мнения придерживаются журналисты Марина Ласинска и Максим Иванов [\[3, с. 41-45\]](#).

Для того чтобы понять, какая точка зрения наилучшим образом раскрывает все аспекты

феномена аудиоподкастинга, сравним характеристики радиопрограммы и аудиоподкаста.

А. А. Дорофеева в своей работе «Подкастинг: новое радио в Интернете» выделяет шесть критериев, по которым можно выявить отличия традиционной радиопрограммы от аудиоподкаста:

1. способ выхода материала в эфир;
2. форма выхода материала;
3. способ распространения для слушателей;
4. способы финансирования программы;
5. возможности, предоставленные слушателю;
6. уровень профессионализма ведущего [\[4, с. 195\]](#).

Ориентируясь на данные параметры, можно сделать следующие выводы:

1. Аудиоподкаст может быть записан как в студии, так и в домашних условиях, выходит в интернет-пространстве, не привязан к сетке вещания, а значит, доступен в любое время суток. Он всегда записывается заранее, что дает возможность редактирования. В то время как радиопрограммы готовятся непосредственно в студии, зависят от сетки вещания – даже если передача записана заранее, слушатель услышит её только в определенное время. Трансляция программы может происходить в режиме прямого эфира, когда у журналиста нет возможности отредактировать материал.
2. Для записи аудиоподкастов достаточно минимального набора оборудования: микрофона и компьютера. Традиционное радио требует больших материальных затрат, связанных с покупкой высокотехнологичного оборудования и радиочастоты.
3. Аудиоподкаст выходит постфактум, поэтому у слушателей нет возможности прямого общения с ведущими в формате «здесь и сейчас», однако каждый может в удобное для него время прослушать подкаст и оставить свой комментарий. В рамках радиопрограммы возможностей для интерактива со слушателями гораздо больше: звонки в студию, отправка смс-сообщений, общение в чатах и мессенджерах радиостанции.
4. К ведущим и радиожурналистам предъявляются высокие требования: четкая дикция, грамотная речь, навыки написания журналистских материалов и т.д. В то время как запись подкаста доступна для любого желающего, поэтому уровень профессионализма подкастеров, особенно начинающих, значительно ниже.

Таким образом, очевидно, что аудиоподкастинг не является разновидностью радио, а значит знак равенства между радиопрограммой и аудиоподкастом невозможен. Подкаст – «совершенно иной формат передачи информации посредством аудиовещания» [\[4, с. 198\]](#).

Поскольку аудиоподкасты имеют разнообразный спектр тем и жанров, существуют разные классификации подкастов по тематической, жанровой и функциональной принадлежности.

Джулия Сапиро, руководитель платформы Radiotoria, выделяет следующие подкасты: infocast (информационный), backcast (про прошлое), crimecast (расследование преступлений), chumcast (дружеский подкаст), realcast (что сейчас), fanfictioncast (научная фантастика), sequelcast (про истории). В основе её классификации лежит тематический принцип [\[5, с. 61\]](#).

По тому же признаку строит классификацию подкастов М. А. Бережная в своей работе «Что за чудо-юдо заморское – музейный подкаст?» [6, с. 453]. Она выделяет следующие виды подкастов:

1. Подкаст «История» – цельная история с одной идеей, одним стержнем, одной линией повествования.
2. Мультимедийный проект – сочетание нескольких историй, объединенных одной темой. Во время подготовки продумывается не только соответствие элементов внутри каждой истории, но и соответствие историй между собой. Такие подкасты обычно читаются разными голосами.
3. «Монтаж», или сборная солянка – подкасты обо всем, не имеющие единой темы.

Другим основанием для классификации подкастов является их жанровая принадлежность. Л. И. Хасанова предлагает следующую систематизацию подкастов: couplecasts (освещают личную жизнь авторов, чаще семей); аудиоблоги (аналог онлайн-дневника); аудиокниги; комеди-подкаст; образовательные подкасты; радиоспектакли и радио-шоу; другие категории подкаста: политика, наука, здоровье, спорт, развлечения, путешествия [7, с. 277].

По жанровому признаку классифицирует подкасты и журналистка В. Некрасова. Она выделяет жанры: документалистика, комедия, investigative journalism (журналистское расследование), ток-шоу, аналитические передачи [8] для систематизации подкастов, можно выделить ещё три основания: информационность (соответствие контента актуальной событийной повестке дня), формат и сюжет. По информационности подкасты делят на событийные (контент строится на новостях и информационной повестке) и вневременные (подкасты не привязаны к конкретным инфоповодам), по формату выделяют повествовательные и дискуссионные подкасты, по сюжету – сюжетные и внесюжетные [9, с. 58].

Иную классификацию подкастов приводят Л. И. Агафонова и Ж. С. Аникина. Они различают подкасты, использующиеся для обучения иностранному языку: по технической платформе (автономный подкаст – создается с помощью автономного программного обеспечения; интегрированный подкаст – создается в рамках определенного сайта); по типу мультимедиа (аудиоподкаст, видеоподкаст); по количеству авторов (индивидуальный и коллективный подкаст); по авторскому составу (преподавательский, студенческий подкаст); по жанру (образовательный, развлекательный, общественно-политический подкаст); по цели обучения (формирование навыков, развитие умений) [10, с. 173].

Несмотря на то, что признаки для классификации подкастов разные (тема, жанр, техническое оснащение, количество авторов, цель, тип мультимедиа), одна типология дополняет другую.

Поскольку объектом нашего внимания являются просветительские аудиоподкасты, следует заметить, что к ним относятся те аудиопроизведения, где отражены «общекультурные традиции в их универсальном значении для общества (новости культурной жизни, тематические программы о тех или иных видах искусства и литературы); состояние общественного мнения» [11, с. 4].

Они реализуют следующие задачи: просвещение, воспитание, образование аудитории; усвоение ею духовных, нравственных и культурных ценностей; приобщение ее к

национальной и мировой культуре.

Речевой жанр: дефиниция и модель описания

Формат аудиоподкаста интересен тем, что он не содержит визуальных образов, именно поэтому на первый план выходит речевой жанр, в котором работают авторы. Просветительские аудиоподкасты не строятся по традиционной схеме радийных жанров. Несмотря на то, что каждый выпуск аудиоподкаста посвящен определенной теме, в ходе беседы или монолога авторы и приглашенные гости не имеют четкой фабулы, позволяя себе отступления от главной темы. Тем самым можно сказать, что классическая структура радийных жанров в рамках просветительских аудиоподкастов не работает. Именно поэтому, прежде чем анализировать жанровое своеобразие просветительских аудиоподкастов, важно понять, что собой представляет речевой жанр, каковы его границы и подходы к типологизации.

Теория речевых жанров является относительно новым направлением, которое стало активно развиваться в середине XX века. Первооткрывателем в изучении речевых жанров считается российский лингвист М. М. Бахтин. Именно он впервые поставил вопрос о выделении и описании речевых жанров.

В своих работах он отмечал тесную связь языка и жанров [\[12, с. 181\]](#). Каждое высказывание имеет свою цель и условия, которыми определяется тон и направленность коммуникации. Этим обусловлен выбор тематики, лексических, фразеологических, грамматических средств, а также композиции построения фразы. По мнению М. М. Бахтина, «эти три момента неразрывно связаны в целом в высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [\[12, с. 159\]](#).

Признаками речевых жанров (высказываний) М.М. Бахтин называл следующие: «смена речевых субъектов (создает четкие границы высказывания); адресованность (у высказывания всегда есть автор и адресат); завершенность; отношение к действительности/к истине; событийность (историчность); экспрессивность и новизна» [\[12, с. 263\]](#). А сам речевой жанр определял как «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [\[13, с. 238\]](#).

Со временем стало появляться всё больше работ, посвященных изучению речевых жанров, а с ними – новые взгляды и подходы к определению понятия. Несмотря на то, что большинство исследователей опирается на выводы М. М. Бахтина, факт постоянного развития медиасреды, появления новых форматов, а вследствие и возникновения новых речевых жанров находит своё отражение в научных трудах в виде предложенных классификаций и определений.

В. В. Дементьев проанализировал разные подходы к проблеме определения речевого жанра и разделил их на три группы [\[14, с. 109-113\]](#):

- В первую группу ученый определил исследования, которые опираются на классическое определения жанра, сформулированное Аристотелем и Н. Буало. В данном подходе жанр понимается либо слишком узко, либо слишком широко, поэтому, как считает В.В. Дементьев, «такой подход малопригоден для лингвистического изучения речи» [\[14, с. 109\]](#).

- Во вторую группу были объединены работы, которые посвящены отдельным аспектам структуры речевых жанров (устойчивые формы речевого поведения, стереотипы, связь с речевым этикетом и другие). Несмотря на то, что результаты этих работ, несомненно, полезны и ценные, в них нет «целостной и четкой концепции» речевых жанров [\[14, с. 109\]](#).
- К третьей группе В. В. Дементьев относит исследования, в основу которых легла концепция речевых жанров М. М. Бахтина, представляющие в настоящий момент два направления изучения речевых жанров: лингвистическое (генристика) и прагматическое (жанроведение) [\[14, с. 109\]](#).

Так, например, по мнению И. В. Шерстяных, речевой жанр – это «феномен речевой действительности, модель сознания» [\[15, с. 30\]](#). В. В. Смирнов в своем учебном пособии «Жанры радиожурналистики» называет речевым жанром «“мостик”, с помощью которого журналист вступает в речевое общение с невидимым слушателем и общается с ним с определенной целью, воплощенной в произведении» [\[16, с. 12\]](#). К. Ф. Седов считает, что «речевой жанр – вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [\[17, с. 8\]](#). Именно эта дефиниция является наиболее актуальной для данного исследования.

Поскольку существует множество подходов к пониманию определения речевого жанра, в трудах отечественных ученых представлено несколько классификаций данного феномена. Так, например, Н. Д. Арутюнова в качестве основы для типологии речевых жанров называет целеориентированность, определяющую «не только связь между собой отдельных реплик, но и типы, или жанры, человеческого общения, в рамках которых формируются характерные для коммуникации ролевые структуры и виды модальностей» [\[18, с. 52\]](#).

Классификация исследователя непосредственно связана с диалогическими конструкциями, поэтому в рамках данной типологии выделены следующие речевые жанры:

1. Информативный диалог;
2. Прескриптивный диалог;
3. Обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины;
4. Диалог, имеющий целью установления и регулирование межличностных отношений;
5. Праздноречевые жанры: эмоциональные, артистические, интеллектуальные [\[19, с. 166\]](#).

Жанрово-коммуникативный аспект в основу типологии закладывает К. В. Кожевникова, выделяя классы речевых жанров:

- тексты, содержание которых строится по жестким (где-то в большей, где-то в меньшей степени) информативным моделям – афиша, инструкция, рецепт;
- тексты, содержание которых строится по информативным узульальным моделям (газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение);
- тексты, нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности с жанрово-коммуникативной стороны (частная переписка) [\[20, с. 53-54\]](#).

Представленные типологии имеют узкую направленность, поэтому не могут выступать в качестве универсальной классификации. Стоит отметить, что до сих пор нет единой типологии речевых жанров, что объясняется их постоянной модификацией, связанной как с трансформацией среды реализации, так и с речевым поведением адресанта.

Способность речевых жанров видоизменяться отмечал и М. М. Бахтин. Он разделял все жанры на первичные (простые) и вторичные (сложные), считая, что они находятся в прямой зависимости друг от друга: «Первичные жанры служат материалом для вторичных. Войдя в состав вторичного жанра, первичные жанры трансформируются, теряют свою самостоятельность, становятся частью целого вторичного жанра. <...> Вторичные речевые жанры в процессе своего формирования вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры» [\[13, с. 239\]](#).

Для возникновения первичных речевых жанров необходимо «непосредственное общение», а для вторичных – «высокоразвитая культурная коммуникация» [\[21, с. 352\]](#).

Разработка модели анализа сложных, т.е. вторичных, речевых жанров предпринималась Т. В. Анисимовой [\[22\]](#), А. Вежбицкой [\[23\]](#), Н. Б. Лебедевой [\[24\]](#), Т. В. Шмелевой [\[25\]](#).

Наиболее известной и общепринятой в жанроведении считается «анкета» речевого жанра Т. В. Шмелевой, в рамках которой исследователь выделяет следующие параметры:

1. Коммуникативная цель – наиболее значимый признак, предполагающий противопоставление четырех типов речевых жанров:
  1. информативные – выполняют различные операции с информацией (предъявление/запрос, подтверждение/ опровержение);
  2. императивные – их цель вызвать осуществление определенных событий, необходимых, желательных или опасных для кого-то из участников коммуникации;
  3. этикетные – осуществляют поступки, связанные с социальной сферой и предусмотренные этикетом данного общества (извинения, благодарности, поздравления, соболезнования);
  4. оценочные – меняют самочувствие участников коммуникации, оценивая их поступки и качества с принятymi в данном обществе ценностями.
2. Образ автора включает информацию об авторе высказывания как об участнике общения. Данные сведения адресат может получить как с помощью верbalных и невербальных характеристик, так и благодаря информации, заложенной в типовой проект речевого жанра.
3. Образ адресата взаимосвязан с образом автора. От того, насколько совпадают представления адресата и его реальная роль в рамках выбранного жанра, зависит успех коммуникации. В случае нарушения данного фактора могут возникать недопонимания между участниками диалога и, как следствие, – коммуникативная неудача.
4. Образ прошлого включает речевые жанры, инициирующие общение, и «реактивные», которые представляют собой реакцию на другие жанры (ответ, отказ, согласие, опровержение).
5. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других речевых жанров.
6. Диктумное (событийное) содержание представляет объективное содержание предложения с учетом интенций, целей, задач участников речи.
7. Языковое воплощение формирует представления адресата об авторе и его коммуникативных намерениях. Для модели речевого жанра его языковое воплощение важно увидеть в спектре возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра [\[25, с. 90-98\]](#).

Несмотря на то, что теории речевых жанров посвящено много исследований, в том числе и современных, в рамках которых систематизированы как известные речевые жанры, так и те, которые появились совсем недавно [26], [27], охватить абсолютно все не представляется возможным, к тому же с каждым годом они изменяются, приобретая новые признаки и формы. Именно поэтому в данном аспекте все еще остаются неизученными и неописанными многие речевые жанры, обладающие специфическими признаками и особенностями.

Репрезентация речевых жанров в просветительских аудиоподкастах

В ходе анализа медиатекстов, объективированных в эмпирическом материале, было отмечено, что выпуски аудиоподкастов строятся на коммуникативном взаимодействии ведущего и приглашенного эксперта, которые обстоятельно и детально обсуждают заявленную тему, следовательно, базовым вторичным речевым жанром просветительских аудиоподкастов мы считаем **информационную беседу**.

Коммуникативная цель информативной беседы – расширить знания и представления адресата о предмете речевого акта. Авторы анализируемых аудиоподкастов в рамках своего медиапродукта поднимают различные темы (литература, архитектура, живопись, психология и т.д.) с целью просвещения аудитории. Несмотря на то, что в речи экспертов и ведущих встречаются элементы фатики в виде шуток, ироничных замечаний, незначительных отступлений от темы, участники коммуникации главной задачей ставят информирование, а не развлечение адресата.

В ходе исследования нами были выделены основные признаки информативной беседы:

- ведущий и приглашенный гость являются равноправными участниками коммуникации: журналист разбирается в теме и выступает в роли собеседника, а не интервьюера;
- новые знания аудитория получает не в виде поверхностных умозаключений, а через обстоятельный анализ заявленной темы, в рамках которого приводятся аргументы, используются цитаты, даются ссылки к исследованиям ученых;
- выпуск всегда посвящен одной теме, в ходе освещения которой ведущий не допускает пространных рассуждений эксперта, выстраивая коммуникацию таким образом, чтобы охватить лишь те вопросы, которые было задумано рассмотреть в рамках конкретного выпуска;
- авторы аудиоподкастов выступают в роли представителя аудитории: задают вопросы, раскрывающие тему, следят, чтобы информация была понятна слушателям (не только тем, кто разбирается в предмете разговора, но и тому сегменту аудитории, кто слышит об этом впервые). С помощью вопросов ведущие выстраивают разговор в логическую цепочку, легко воспринимаемую адресатом.

Характеризуя **образ автора**, стоит отметить, что, несмотря на просветительскую направленность аудиоподкастов, ведущие не примеряют на себя роль «мудреца», который делится знаниями с аудиторией. Напротив, авторы позиционируют себя как любознательного человека, стремящегося открывать новое, расширять кругозор и смотреть на, казалось бы, уже давно изученные и понятные вещи под другим углом.

Ведущие аудиоподкастов, представленных в эмпирическом материале исследования, обладают знаниями по темам, которым посвящены выпуски, при этом их образ лишен надменности: авторы не строят коммуникацию с аудиторией на основе модели «учитель – ученик» и не выступают в роли наставника. Кроме того, ведущие подкастов стремятся наладить контакт с аудиторией, добавляя высказываниям позитивную тональность:

реплики лишены издевок, насмешек, иронии над адресатом. При этом нельзя сказать, что авторы просветительских аудиоподкастов позиционируют себя как друга-собеседника, скорее они выступают в роли приятеля, который вместе со своим знакомым (в данном случае адресатом), стремится расширить знания в определенных сферах.

В целом образ автора можно охарактеризовать так: это образованный человек с широким кругозором в разных областях науки и искусства; постоянно находящийся в поиске новых знаний и расширяющий уже имеющиеся представления о предмете беседы. Любознательность, искреннее стремление познавать новое – отличительные черты образа автора.

Поскольку аудитория просветительских аудиоподкастов разнообразна, а возрастной ценз указан не во всех проектах, описать **образ адресата** довольно сложно. Абсолютно точно можно сказать, что выпуски аудиоподкастов «Между строк» и «100 минут» ориентированы на аудиторию старше 18 лет (программы имеют возрастное ограничение), хотя не исключено, что их может слушать более молодая аудитория. В других аудиоподкастах, составляющих эмпирическую базу исследования, возрастной ценз не указан, однако, исходя из анализа медиатекстов, тем и названий выпусков, можно сделать вывод: адресатом просветительских аудиоподкастов могут быть молодые люди в возрасте от 16 лет, имеющие различный социальный статус (потенциальными слушателями могут быть школьники, студенты, преподаватели, представители технических и гуманитарных профессий); стремящиеся получать знания в разных областях науки и искусства. Верхнюю возрастную границу четко обозначить невозможно, поскольку информация, представленная в выпусках аудиоподкастов, может быть интересна людям практически любого возраста. Цель слушателей просветительских аудиоподкастов – узнать новую информацию, расширить имеющиеся познания и занимательно провести время.

Авторы понимают, что аудитория программы разнообразна, поэтому используют знакомые большей части слушателей прецедентные тексты, что позволяет избежать коммуникативной неудачи:

«Вот формула Александра Сергеевича Пушкина – **“Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей”** – как сложилась в голове великого нашего поэта?» («Беседы о литературе», 16.09.2021). В данном примере ведущий подкаста цитирует известные строки из произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Выражение прочно вошло в коммуникативную среду носителей русского языка, и даже те люди, кто не читал роман, не раз слышали эти строки, а поскольку большая часть аудитории аудиоподкаста «Беседы о литературе» интересуется литературой, распознать отсылку к произведению не составляет труда. Используя данный прецедентный текст, Павел Картаев актуализирует образ адресата: им выступает человек, который разбирается в литературе и абсолютно точно знает известные строки из произведений классиков.

Образ прошлого репрезентирован в темах и прецедентных именах, которым посвящен выпуск аудиоподкастов. Приведем лишь несколько примеров: **«М.А. Булгаков. Мифы вокруг личности Михаила Булгакова»** («100 минут», 11.05.2021), **«Александр Невский. Что нам известно об Александре Невском»** («100 минут», 31.05.2021), **«Владимир Маяковский и Лилия Брик как развивался роман поэта»** («Беседы о литературе», 23.03.2021), **«“Семнадцать мгновений весны” и другие произведения Ю.С. Семёнова»** («Беседы о литературе», 13.10.2021), **«“Сладострастная торговка” Даниила Хармса»** («Между строк», 28.12.2022), **«Александр Блок и Андрей Белый Несостоявшаяся дуэль»** («Литературные склоки», 13.01.2022), **«Любовь в жизни**

Василия Жуковского» («Дневник его жены», 07.02.2023), «**"Дом, в котором я живу..." Ксении Некрасовой»** («Между строк», 29.03.2023) и другие.

Кроме того, ведущие и приглашенные эксперты часто обращаются к цитатам известных деятелей культуры, их знаменитым произведениям:

«Ахматова говорила о Гумилеве, что он был пророком, визионером. И, естественно, возникает вопрос, что в этом стихотворении происходит. Каким образом трамвай, который к тому времени уже обычная городская примета (**мы знаем работу Романа Тименчика о трамвае в поэзии**: трамвай довольно скоро занимает большое место в поэтическом урбанистическом пейзаже), становится медиумом, проводником в иные миры?» («Между строк», 05.02.2024). В данном примере автор подкаста Лев Оборин воссоздает сразу несколько образов прошлого: сначала обращается к высказыванию известного поэта и бывшей жены Николая Гумилева Анны Ахматовой из «Заметок Анны Ахматовой о Николае Гумилеве», а затем отсылает к статье Р.Д. Тименчика «К символике трамвая в русской поэзии».

Образ будущего реализуется через анонсы предстоящих выпусков аудиоподкаста. Наиболее активно проявляется в рамках проекта «100 минут»: **«Завтра продолжим запись подкаста "100 минут" о лени»** («100 минут», 15.11.2022), **«Нейропсихолог Ирина Хвингия была в гостях. Завтра продолжим»** («100 минут», 21.12.2023), **«Мы еще не раз вернемся, будем встречаться все эти дни, продолжать тему о странностях в архитектуре»** («100 минут», 23.04.2024).

Языковое воплощение жанра непосредственно проявляется в коммуникативном поведении авторов аудиоподкастов и приглашенных гостей. В речи ведущих и экспертов эксплицированы выразительные средства (эпитеты, метафоры, ирония, сравнения), интертекстуальные элементы (прямое цитирование, создание ассоциативной связи, непосредственное использование прецедентных текстов) и фатические элементы (шутки, лирические отступления).

Подчеркнем, что информативная беседа не тождественна жанру академической лекции: коммуникативное поведение участников речевого акта отличается от модели «учитель – ученик», соответственно собеседники имеют равный статус, их речь не состоит только лишь из научных терминов, упоминаний имен ученых и известных писателей и поэтов, обращений к изобретениям и трудам исследователей.

Информативная беседа является вторичным речевым жанром. В ее структуру входят первичные речевые жанры:

- информативные (краткий комментарий, пояснение);
- этикетные (приветствие, прощание, благодарность);
- оценочные (похвала, ироничная шутка, комплимент, мнимое возмущение).

Жанр краткого комментария является одним из самых частотных, что обусловлено форматом аудиоподкаста и целями, которые ставят перед собой авторы.

«Как соотносится этот жанр [отрывка] с жанром элегии? **Все-таки уединение – это типический и лирический мотив, и наблюдение за природой, за невыразимым в этом уединении – очевидно, мотив, который следует из него**» («Между строк», 05.03.2024). В данном примере Лев Оборин задает вопрос эксперту и сразу же комментирует его, поясняя своему собеседнику и аудитории, о чем именно идет речь и как, по мнению автора подкаста, жанр элегии проявляется в стихотворении Василия

Жуковского «Невыразимое».

Отметим, что в просветительских аудиоподкастах встречается жанр шуточного комментария, в рамках которого автор выделяет главное в речи эксперта, как бы «играя» со слушателями:

«То есть, Марина, ходило по дому, условно говоря, подобие божества, да? Неприкосновенная весталка, вот, скажем так, на римский манер. И вдруг прибежал извивающийся, значит, змееныш, да? И вот, увел у всей честной компании объект поклонения и просто овладел им, как животное» («Литературные склоки», 13.01.2022). В данном примере Сергей Стиллавин иронично обыгрывает сложившийся любовный треугольник, действующие лица которого Александр Блок, Любовь Менделеева и Андрей Белый. Надо сказать, что до этого приглашенный эксперт подробно объяснил, что именно происходило между участниками этого самого треугольника, приведя воспоминания, цитаты современников и самих героев, и только после экскурса в историю ведущий подкаста позволил себе шуточный комментарий, при помощи которого сделал своеобразный вывод. Надо сказать, что благодаря данному итогу у слушателей сформируются такие образы героев: Александр Блок – представитель «честной компании», Любовь Менделеева – «объект поклонения», а Андрей Белый – «извивающийся змееныш».

Облигаторным жанром аудиоподкаста является жанр пояснения, в рамках которого авторы дополняют речь эксперта, выносят главную мысль, акцентируя на ней внимание: **«Любовь Дмитриевна Менделеева является для них объектом прекрасной дамы. Причем она, конечно, страдала от всего этого, от этого кружка символистов. Она заплакет, например, в волосы ленту. «Ах, чтобы это значило сегодня?», и они обсуждали это целый день. Она поведет рукой – «Ах, как прекрасно дама повела рукой, и чтобы это значило?»**. А прекрасная дама страдала ходила, потому что ей это всё было неинтересно» («Литературные склоки», 13.01.2022).

Жанр пояснения находит отражение и в речи экспертов – озвученный тезис подкрепляется фактами: **«Дело в том, что Василий Андреевич Жуковский – маргинал в смысле сословного происхождения. Российская империя – государство сословное, ты рождаешься уже с определенными правами, которые зависят от того, являешься ты крестьянином или дворянином. А вот в случае с Жуковским, он такой пограничный, потому что вообще носить фамилию должен был не Жуковский, а Бунин – он был сыном тульского помещика Афанасия Бунина. И, кстати, лирическое отступление: Иван Бунин потом гордился, что Жуковский его предок. Но всё дело было в том, что Жуковский родился не от законной супруги Афанасия Бунина, а от пленной турчанки, которая жила фактически на правах любовницы Бунина, поэтому довольно сложная история: можно ли его признать дворянином или нет»** («Дневник его жены», 07.02.2023).

Этикетными первичными речевыми жанрами просветительских аудиоподкастов, прежде всего, являются приветствие и прощание, которыми, обозначено начало и завершение выпуска.

В приветствии авторы сообщают о теме подкаста, представляют гостя и непосредственно входят в коммуникацию с ним, используя речевой маркер «здравствуйте/приветствуем»:

«“100 минут” об авторах одного хита или одного шедевра. Пригласили в эфир эксперта, музыкального критика, журналиста Илью Легостаева. Илья, приветствуем вас!» («100 минут», 14.05.2024).

«Поговорим о литературе и конкретно об образе детства в русской литературе. Нам поможет доцент факультета журналистики Института госслужбы РАНХиГС Любовь Петровна Гогина. **Любовь Петровна, здравствуйте!**» («Беседы о литературе», 01.06.2022).

Жанр прощания тесно связан с жанром благодарности: в конце выпуска авторы подкастов не только сообщают о завершении программы, но и благодарят экспертов и слушателей:

«Ирина Хвингия, спасибо тебе огромное за вот такую посильную помощь, вклад в наш подкаст "100 минут" о воображении. Нейropsихолог Ирина Хвингия была в гостях. Завтра продолжим. До новых встреч. Спасибо, что были с нами, дорогие слушатели» («100 минут», 21.12.2023).

«Мы говорили сегодня о Борисе Поплавском, о его стихотворении "Флаги". Еще раз всем предлагаю прослушать альбом. А это был подкаст "Междурядки". Меня зовут Лев Оборин, с нами был Рома Либеров. Спасибо! И до следующих выпусков!» («Междурядки», 17.01.2023).

Оценочные речевые жанры просветительских аудиоподкастов репрезентированы в речевом акте, адресатом которого является как эксперт, так и соведущий.

Жанр комплимента, как правило, объективирован в коммуникации с экспертом: «*Егор, спасибо большое как всегда за ваш увлекательнейший рассказ*» («Дневник его жены», 10.01.2023). Однако нередко наблюдается реализация жанра самопохвалы: **«Очень трудолюбивые у нас были полчаса в этих замечательных "100 минутах" о лени»** («100 минут», 17.02.2024).

Кроме того, в просветительских аудиоподкастах репрезентирован жанр ироничной шутки:

«Товарищи, ну, вот нам, вам, конечно же, кажется, что стоят ровненько на полочке книжки, да? Вот тебе, понимаешь ли, Карл Маркс, Энгельс. С Лениным рядом какой-нибудь, например, Толстой Лео. Гончарова еще некоторые помнят, хотя немногие. Грибоедова. И хорошо они друг с другом стоят, замечательно, и складывается впечатление, что, вот, они дружный такой пантеон наших отечественных исследователей, ну, кроме Маркса с Энгельсом, конечно, писателей, единым фронтом выступающих за, так сказать, за нашу Родину, будем говорить так. А на самом деле склоки и личные нестыковки были» («Литературные склоки», 24.05.2022). В данном примере ведущий подкаста в подводке к выпуску объясняет, чему посвящен эпизод и о чём пойдет речь в рамках этого аудиоподкаста, однако делает это в ироничной манере, с легкой насмешкой.

Жанр мнимого возмущения не является облигаторным для просветительских аудиоподкастов и встречается весьма редко, поскольку коммуникация имеет позитивную тональность. Однако иногда автор вынужден прибегнуть к данному жанру, чтобы скорректировать ход беседы:

- Давай дадим Илье возможность высказаться.

- Давай! Но я задала вопрос про дворники.

- Ну, давай еще минут двадцать про дворники поговорим, а потом закончим.

- Ну, я просто удивлена была, как можно заставить жену в дождь вылезать из автомобиля и чистить стекло!
- **Хорошая жена, значит, была, хорошая, не перебивала мужа и гостя»** («100 минут», 15.11.2022).

Выводы

Подводя итог предпринятого исследования, отметим, что аудиоподкаст мы квалифицируем как самостоятельный медиаформат, распространяемый в интернет-среде и постоянно доступный для адресата, в котором эксплицированы поликодовые медиатексты, включающие аудиальные средства выразительности (речь, музыкальное сопровождение, интершумы и т.д.), обладающие тематической, речежанровой и прагмастилистической спецификой, манифестирующей установку на диалогическое взаимодействие продуцента и реципиента.

Речежанровая специфика просветительских аудиоподкастов обусловлена форматом исследуемого медиапродукта, целями и коммуникативными намерениями адресата, ожиданиями целевой аудиторией.

Выделенные и описанные первичные речевые жанры, эксплицированные во вторичном речевом жанре информативной беседы, позволяют авторам просветительских аудиоподкастов расширять когнитивную базу адресата, сохранять интерес аудитории к своему медиапродукту, подробно и при этом увлекательно обсуждать культурные феномены и сложные философские вопросы.

Библиография

1. Егорова Л. А. Особенности функционирования звучащего научно-популярного дискурса в гипермейдийной среде // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2008. № 3. С. 98-103.
2. Карпенко И. И. Радиовещание в интернете: теория, типология, специфика журналистской деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 22 с.
3. Волнухина В. И. Подкаст как самостоятельная единица в современном культурном медиапространстве // Культура и гуманитарные науки в современном мире: Сборник научных статей / под ред. О.В. Архиповой. СПб: Научно-исследовательский центр «Пересвет», 2019. С. 41-49.
4. Дорофеева А. А. Подкастинг: новое радио в Интернете // Век информации. 2018. № 1. С. 192-199.
5. Баль В. Ю. Аудиокнига, аудиоподкаст, аудиосериал – новые форматы медиапространства // Библиосфера. 2020. № 1. С. 56-63.
6. Бережная М. А. Что за чудо-юдо заморское – музейный подкаст? // Время Музея. 2019. Выпуск 2. С. 441-458.
7. Хасanova Л. И. Подкаст как образовательное медиасредство // Цифровое развитие экономики и социальной сферы Удмуртской Республики: актуальные вопросы и роль высшей школы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. М. Макарова. Ижевск: Удмуртский университет, 2019. С. 275-279.
8. Распопова С. С. Подкасты – это просто удобно // Журналист. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://jrnlst.ru/podcasting> (дата обращения: 28.05.2024).
9. Сажина Е. В., Муравьева А. А. Жанр «Подкаст» в пространстве интернет-дискурса // Актуальные вопросы современной лингвистики: материалы VIII Региональной научно-практической конференции / под ред. М. Н. Левченко. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 56-60.

10. Агафонова Л. И., Аникина Ж. С. Дидактико-методические особенности использования подкастов при обучении иностранному языку в вузе // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2011. № 12. С. 1703.
11. Сладкомедова Ю. Ю. Культурно-просветительские программы на государственном радио: структурно-функциональные и жанрово-тематические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 21 с.
12. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. 730 с.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
14. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
15. Шерстяных И. В. Теория речевых жанров: лекционно-практический курс для магистрантов. М.: ФЛИНТА, 2013. 552 с.
16. Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 288 с.
17. Седов К. Ф. Скора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 259-269.
18. Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52-79.
19. Хисамова Г. Г. Исследование диалога с позиции теории речевых жанров // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 164-169.
20. Кожевникова К. В. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 49-67.
21. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
22. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000. 349 с.
23. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
24. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 116-124.
25. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88-98.
26. Егошкина В. А. Речежанровая специфика программ развлекательного радиодискурса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 3(29). С. 58-64. DOI 10.17238/issn1998-5320.2017.29.58.
27. Егошкина В. А. Опосредованная беседа с адресатом: презентация речевого жанра в научно-популярном медиадискурсе // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 10 (136). [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/10-136-2023-october/10.23670/IRJ.2023.136.38> (дата обращения: 28.05.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2023.136.38.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи соотносится с одной из рубрик издания. Автор обращает внимание на речежанровую специфику просветительских аудиоподкастов. На мой взгляд проблема актуальна, достаточно нова, да и в массе критических источников рассмотрена не так объемно. Стоит признать, что «в настоящее время традиционные СМИ переживают существенные изменения, связанные с конвергенцией и мультимедиатизацией. Интернет всё больше влияет на форматы журналистики. Так, в последние десятилетия появилось абсолютно новое явление – подкастинг». Таким образом, точечно остановиться на

анализе речежанровую специфику аудиоподкастов целесообразно. Работа достаточно информативна, целостна, логика научной оценки поддерживается на протяжении всей наррации. Стиль соотносится с академическим типом: «формат аудиоподкаста интересен тем, что он не содержит визуальных образов, именно поэтому на первый план выходит речевой жанр, в котором работают авторы. Просветительские аудиоподкасты не строятся по традиционной схеме радийных жанров. Несмотря на то, что каждый выпуск аудиоподкаста посвящен определенной теме, в ходе беседы или монолога авторы и приглашенные гости не имеют четкой фабулы, позволяя себе отступления от главной темы. Тем самым можно сказать, что классическая структура радийных жанров в рамках просветительских аудиоподкастов не работает. Именно поэтому, прежде чем анализировать жанровое своеобразие просветительских аудиоподкастов, важно понять, что собой представляет речевой жанр, каковы его границы и подходы к типологизации» и т.д. Термины, понятия используются в режиме унификации; разнотений нет и в определениях. Например, «подкаст – «цифровой медиафайл в звуковом формате mp3, который распространяется через интернет и воспроизводится при помощи компьютера, портативного медиаплеера, мобильного телефона, автомагнитолы, домашней стереосистемы. Само слово подкаст является производным от английских "iPod" (торговая марка медиапроигрывателей) и "broadcast" (широковещание, повсеместное вещание)». Цитации введены верно: «Способность речевых жанров видоизменяться отмечал и М. М. Бахтин. Он разделял все жанры на первичные (простые) и вторичные (сложные), считая, что они находятся в прямой зависимости друг от друга: «Первичные жанры служат материалом для вторичных. Войдя в состав вторичного жанра, первичные жанры трансформируются, теряют свою самостоятельность, становятся частью целого вторичного жанра. <...> Вторичные речевые жанры в процессе своего формирования вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры» [13, с. 239]». Ссылки на работы Н. Буало, М.М. Бахтина и других теоретиков явно украшают авторский текст. Удачно, на мой взгляд, рассматривается тема исследования «в связке» с категорией «автора». Следовательно, материал не формально, но содержательно оценивается исследователем: «в целом образ автора можно охарактеризовать так: это образованный человек с широким кругозором в разных областях науки и искусства; постоянно находящийся в поиске новых знаний и расширяющий уже имеющиеся представления о предмете беседы. Любознательность, искреннее стремление познавать новое – отличительные черты образа автора». Собственно сам языковой материал представлен объемно, данные, что хорошо, открыты: «образ прошлого репрезентирован в темах и прецедентных именах, которым посвящен выпуск аудиоподкастов. Приведем лишь несколько примеров: «М.А. Булгаков. Мифы вокруг личности Михаила Булгакова» (<100 минут>, 11.05.2021), «Александр Невский. Что нам известно об Александре Невском» (<100 минут>, 31.05.2021), «Владимир Маяковский и Лиля Брик: как развивался роман поэта» (<Беседы о литературе>, 23.03.2021), «"Семнадцать мгновений весны" и другие произведения Ю.С. Семёнова» (<Беседы о литературе>, 13.10.2021), «"Сладострастная торговка" Даниила Хармса» (<Между строк>, 28.12.2022), «Александр Блок и Андрей Белый: Несостоявшаяся дуэль» (<Литературные склоки>, 13.01.2022), «Любовь в жизни Василия Жуковского» (<Дневник его жены>, 07.02.2023), «"Дом, в котором я живу..." Ксении Некрасовой» (<Между строк>, 29.03.2023) и другие». Работа имеет практический характер, хотя в ней содержится и собственно теоретический срез данных. Выводы по тексту правильно «сложны»: «подводя итог предпринятого исследования, отметим, что аудиоподкаст мы квалифицируем как самостоятельный медиаформат, распространяемый в интернет-среде и постоянно доступный для адресата, в котором эксплицированы поликодовые медиатексты, включающие аудиальные средства выразительности (речь, музыкальное сопровождение, интершумы и т.д.),

обладающие тематической, речежанровой и прагмалистической спецификой, манифестирующей установку на диалогическое взаимодействие продуцента и реципиента. Речежанровая специфика просветительских аудиоподкастов обусловлена форматом исследуемого медиапродукта, целями и коммуникативными намерениями адресата, ожиданиями целевой аудиторией». Таким образом, можно констатировать, что тема исследования полновесно раскрыта, цель достигнута, задачи решены. Список источников объемен, специальная правка не требуется. Рекомендую статью «Речежанровая специфика просветительских аудиоподкастов» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шэн И. Виды китайских заимствований и способы их перевода на русский язык // Филология: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.6.70935 EDN: GKFBSE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70935

Виды китайских заимствований и способы их перевода на русский язык

Шэн Ина

ORCID: 0009-0009-1123-9774

кандидат филологических наук

аспирант; высшая школа перевода (факультет); Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й учебный корпус (1-й ГУМ), д. 1, стр. 51, ком. 1150

✉ shenyina@mail.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.6.70935

EDN:

GKFBSE

Дата направления статьи в редакцию:

03-06-2024

Аннотация: Иностранные заимствования являются одним из источников пополнения лексики любого языка. Заимствования иностранных слов составляют значительную долю китайских неологизмов. Целью данного исследования является классификация заимствований в современном китайском языке и краткое обсуждение методов их перевода на русский язык. Объектом данной статьи являются заимствования в китайских неологизмах на основе словарных материалов, а предметом настоящей работы – виды китайских заимствований. Материал, отобранный для данной статьи, основан на словаре («Китайско-русский словарь новых слов и выражений»). В данной статье кратко проанализирована классификация китайских заимствований, в основном по трем категориям: фонетические, семантические и фонетико-семантические заимствования, потом обобщены их основные способы перевода на примерах. В работе были использованы методы: случайного выбора, описательный, контекстуальный и

трансформационный анализ. Метод компонентного анализа использовался для анализа отдельных слов в тексте. В заключении проанализированы виды заимствований из словаря начиная с XXI века и обобщены полученные результаты. Показано, что при переводе китайских заимствований на русский язык можно преимущественно использовать транскрипцию, транслитерацию, лексико-семантические замены, экспликацию. Научная новизна данной статьи заключается в том, что на основе анализа конкретных примеров систематически систематизирует три типа китайских заимствований и обсуждает уникальные для китайского языка буквенные заимствования, что обогащает текущие результаты исследования китайских заимствований. С другой стороны, с развитием времени и постоянным появлением новых слов необходимость перевода новой китайской лексики на другие языки стала острой. В данной статье предпринята попытка предоставить некоторую справочную ценность русскому переводу китайских заимствованных слов.

Ключевые слова:

неологизм, заимствованные слова, заимствования, китайские заимствования, перевод заимствования, виды заимствований, фонетические заимствования, семантические заимствования, фонетико-семантические заимствования, способы перевода

Введение

В XXI веке заимствованные слова являются важным источником пополнения неологизмов китайского языка. Темпы глобализации ускорили процесс возникновения заимствованных слов, и благодаря заимствованиям китайский язык стал более красочным. В последние годы в Китае также регулярно публикуется множество новых словарей неологизмов и заимствований.

Термин «заимствованное слово» определяется в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» следующим образом: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой» [\[1, с. 158-159\]](#).

То, что мы называем заимствованием, относится к элементам иностранного языка, главным образом к лексике.

Китайский ученый Чэн Юань в книге «Язык и человек» писал: «Когда два языка вступают в контакт друг с другом, наиболее распространенным явлением становятся заимствования. Заимствованные слова на самом деле являются не просто социолингвистическим феноменом, но неизбежным следствием взаимного контакта между сходными и различными социальными культурами» [\[2, с. 98\]](#).

Когда иностранные слова попадают в другие языковые системы, они, очевидно, отличаются от лексических единиц других языковых систем, но в конечном итоге они могут быть ассимилированы. Другими словами, когда заимствования попадают в определенную языковую систему, они максимально адаптируются к правилам этой языковой системы. Например, слово «电话 телефон» было впервые заимствовано из японского языка, которое является английским парофразом японского языка. С ростом популярности телефонов и увеличением частоты их использования населением слово «电

«话 телефон» постепенно адаптировалось к системе китайского языка из заимствованного слова и теперь его можно использовать как корень, а также производить новые слова, такие как «电话线 телефонная сеть; шнур», «电话亭 телефонная будка», «电话卡 телефонная карта», «电话费 счет за телефонный разговор», «电话会议 совещание по телефону», «电话记录 телефонная запись» и т.д.

Основная часть

В отечественной и зарубежной лингвистике существует множество способов классификации заимствованных слов.

Исходя из способа заимствования, Э. Хауген классифицирует заимствованную лексику по следующим трем категориям:

- собственно заимствования, при этом заимствуется как материальная форма, так и семантика языка-источника, однако возможны фономорфологические и смысловые изменения под влиянием языка-реципиента;
- семантические кальки, т.е. заимствование семантики без материальной формы или с частичной морфемной субSTITУЦИЕЙ;
- гибридные образования, т.е. слова, частично состоящие из иноязычных элементов [\[3. с. 344-383\]](#).

Таким образом, различают три типа заимствований: фонетические, семантические и фонетико-семантические.

Фонетические заимствования – это заимствование лексических единиц с сохранением их звуковых форм и одновременно преобразование в письменную форму китайского языка. До начала XXI века фонетические заимствованные слова в основном составляли большинство географических и региональных названий, личных имен и названий товаров, такие как «伦敦» [lún dūn] – London – Лондон; «莫斯科» [mò sī kē] – Moscow – Москва; «古驰» [gǔ chí] – GUCCI – Гуччи. После XXI века фонетические заимствования, как правило, становятся более научно-технической, культурной лексикой.

Семантические заимствования – это лексические единицы, которые заимствуют только семантику иностранного слова, чтобы придать новое значение существующему слову, которое может быть понятно как новые значения старых слов и относятся к внутренним заимствованиям. Например, слово «меню» – кит. «菜单» [cài dān] происходит от французского «menu», которое первоначально означало меню для указания блюд. С популяризацией использования компьютеров семантика «меню» расширилась, и также может представлять собой строку меню компьютера и добавилось значение «компьютерное меню».

После того, как фонетико-семантические заимствования попадают в китайский язык, их необходимо соответствующим образом трансформировать в соответствии с китайскими привычками словообразования и произношения. При этом некоторые морфемы являются оригинальными в китайском языке, а другая часть заимствована путем фонетического заимствования. Например, «信用卡» [xìng yòng kǎ] – англ. credit card – рус. кредитная карточка. Первая половина данного слова «credit» – это семантическая часть, которая перефразируется на китайском языке «信用» [xìng yòng] (рус. кредит), а вторая половина «card» транслитерируется как «卡» [kǎ] (рус. карта).

В повседневной жизни, например, в газетах, онлайн-статьях и журналах, оригинальная

письменная форма иностранного слова иногда цитируется напрямую, чтобы обеспечить точность словарного запаса. Возьмем для примера знакомые бренды или программное обеспечение: Microsoft, Windows, App Store и т. д. Такого вида слова можно назвать «оригинальное заимствование». Аббревиатуры, состоящие из сокращений названий международных компаний, организаций и социальных групп, также относятся к этой категории. Например, MBA – master of Business administration – магистр бизнес-администрирования.

Кроме того, в китайских неологизмах есть особый вид заимствований, который называется буквенным заимствованием (кит.字母词[zì mǔ cí]). Это слово, написанное латиницей частично или полностью для образования целого, включая комбинацию буквенных слов и морфем, написанных китайскими иероглифами, и перемежающихся цифрами в этих формах, а также аббревиатуры, состоящие из первых букв китайских слов, скопированных в пиньинь(кит. 拼音). Большинство заимствований имело английское происхождение ввиду реформы 1978 года. При этом заимствований из китайского языка было гораздо меньше, в основном это были технические термины, такие как «O型血» – «рус. группа крови О». К таким словам также относятся сокращения названий вышеупомянутых международных компаний, организаций и социальных групп. Небольшая часть буквенных заимствований относится к внутренним заимствованиям, а большая часть остального относится к внешним заимствованиям.

Авторы «Словаря неологизмов современного китайского языка», изданного в Шанхае в 2009 году, выделили три типа буквенных заимствований [4, с. 3]. Хаматова А.А. также разобралась типы буквенных заимствований, мы выбираем несколько типов, включая примеры, перечисленные ниже:

- заимствованные буквенные аббревиатуры («WTO» – англ. World Trade Organization – рус. ВТО; «PC» – англ. Personal Computer – рус. персональный компьютер; «SMS» – англ. Short Message Service – рус. СМС);
- иностранные слова в полном написании (Call – звонок; Style – стиль);
- аббревиатуры, содержащие цифровой компонент («C2C» – англ. consumer to consumer – рус. потребитель для потребителя);
- буквенные слова в сочетании с китайскими морфемами («IT时代» – рус. эпоха информационных технологий (эпоха ИТ); «3G手机» – «телефон 3G», третьего поколения; «BP机» – рус.пейджер);
- аббревиатуры, созданные на материале фонетического алфавита пиньинь (拼音) (этот способ как правило не используется при заимствовании) [5, с. 58-59].

С течением времени появлялось все больше и больше буквенных слов. Необходимо было собрать и объяснить большое количество вновь возникших буквенных заимствований, которые активно включались в новые словари, издаваемые Китая, такие как «Словарь буквенных слов китайского языка» под редакцией Лю Юньцюаня [6], изданный в Шанхае и включавший 2200 буквенных сокращений, «Практический словарь буквенных слов» под редакцией Хоу Мэна [7], изданный в Пекине в 2014 году, включал 5000 буквенных слов всех разновидностей.

Когда китайские заимствования интегрируются в русский язык, необходимо применять соответствующие стратегии перевода. В соответствии с источником и составом китайских заимствований, чтобы подвести итог своей стратегии перевода на русский язык, грубо

можно использовать транскрипцию, транслитерацию, лексико-семантические замены, экспликацию (или описательный перевод) и других переводческих стратегий.

Транскрипция – один из способов перевода, который часто используется при переводе иностранных слов на русский язык. Способ транскрипция в основном отражается в заимствованиях путем фонетического заимствований, исключая здесь оригинальные заимствования. Неологизмы, обозначающие представляющие вещи, уникальные для Китая, часто выбирают для транскрипции, когда они попадают в русский язык, примером чего может служить перевод талисманов зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине – 冰墩墩[bīng dūn dūn] – Бин Дунь Дунь и 雪融融[xuě róng róng] – Сюэ Жун Жун.

Успешная заявка на проведение зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине привлекла внимание всего мира к Пекину, и также появился ряд новых слов. Два талисмана привлекли к себе большое внимание. Когда Бин Дунь Дунь впервые упоминается в новостях на русском языке, перед транскрипцией будет добавлено атрибутивное слово «панда», а Сюэ Жун Жун добавит «(красный) фонарик» перед транскрипцией.

Оригинал: **Панда Бин Дунь Дунь** – ледяное дитя, но с горячим сердцем, – и **красный фонарик Сюэ Жун Жун** – самый, пожалуй, узнаваемый символ китайской культуры – готовы встречать гостей [18].

Перевод: 冰墩墩, 热心的冰娃娃, 和也许是中国文化最知名的象征雪融融——准备迎接客人。

Но в другом месте того же пресс-релиза слова «панда» и «(красный) фонарик» опущены, переведены прямой транскрипцией.

Оригинал: Те, кто производят **Бин Дунь Дуней**, тоже были на каникулах и устранить дефицит не могли [19].

Перевод: 生产冰墩墩的人也在休假, 无法消除短缺。

Транслитерация означает, что на основе верности оригинальному тексту перевод максимально сохраняет форму и стиль оригинального текста. Заимствованные слова в китайском языке могут быть переведены непосредственно в соответствии с их буквальным значением для достижения взаимных результатов. Китайские неологизмы, переведенные транслитерации, включают 数字人民币 – цифровой юань, 白色清单 – белый список, 全息媒体 – голографические носители, 新时代 – новая эпоха, 共享汽车 – автомобиль совместного использования и др.

Из-за различий между китайским и русским языками и культурами некоторые китайские неологизмы легко вызывают лексические отклонения при транслитерации, что приводит кискажению понимания, и иногда мы используем способ лексико-семантических замен, чтобы избежать недопонимания.

В последние годы появилось много образных неологизмов, таких как «内卷», которая обозначает нерациональную конкуренцию между внутренними аспектами различных отраслей и может быть переведена как «иррациональная внутренняя конкуренция».

«吃瓜群众»[chī guā qún zhòng] – новый термин 2016 года в Китае – означают обычных людей. Изначально это было интернет-слово, но с тех пор оно стало часто используемым неологизмом в медиатекстах. «поедающая арбуз толпа» – это буквальный перевод, однако этот перевод легко может вызвать недоразумения после прочтения, укажет «吃瓜群众» на людей, которые едят арбузы. Это не полно понимают смысл исходного текста. Если переведен как «публика» и расширяет семантику, можно попытаться

перефразировать его соответствующим образом и перевести его как «неосведомленные массы». «Неосведомленный» означает неинформированный, недостаточно информированный. «Неосведомленные массы» относятся к людям, которые не знают правды.

«杠精»[gāng jīng], одно из неологизмов 2018 года в Китае, обозначает человека, который любит притираться, стремится к отпору и стремится поднять планку. В русском языке «притирчивый» обозначает «склонный притираться», Это то же семантически, что и у китайского слова «杠精» , поэтому данное слово можно выразить по-русски как «притирчивые люди».

«锦鲤»[jǐn lǐ] – также неологизм 2018 года, первоначально обозначавшее популярную высокосортную декоративную рыбку. Позже, благодаря онлайн-лотерее во время Дня образования Китайской Народной Республики 1 октября в 2018 году, оно стало обозначать все, что связано с удачей, и в русскоязычном новостном выпуске интернет-версии «Жэньминь жибао» было переведено как «Карп кои или символ удачи». «Карп кои» – это буквальный перевод, а «символ удачи» – это перефраз, более понятным при сочетании этих двух вариантов.

Для неологизм, которые имеют одинаковый референт и могут быть непосредственно эквивалентными, с точки зрения конкретных стратегий перевода, полностью эквивалентные термины могут быть переведены способами эквивалента, а приблизительно эквивалентные – с помощью способа экспликации (описательный перевод).

Проанализировано на конкретных примерах: «战疫» [zhàn yì] – война человека (народа) против коронавируса. Данное слово, образованное от китайского слова «战役» [zhàn yì] (битва), обозначающего борьбу с пандемией коронавируса COVID-19. Первоначально это слово использовалось вместе со словом «疫» в знаках кавычках, но постепенно двойные кавычки были сняты при регулярном использовании. В русском языке также есть похожие выражения, сравнивающие эпидемии с войнами и врагами, например «корона-война». В новостных СМИ можно заметить, что когда речь идет об пандемии COVID-19, в предикате используются глаголы типа как наступает, атакует, закрывает границы, прорывает границы, указывающие на вторжение.

Следовательно, перефразирование «борьба с коронавирусом» может быть использовано для описания «战疫», но «война человека (народа) против коронавируса» это также способ перевода.

Выводы

В целом, китайские заимствования, как важная часть неологизмов, фиксируют своим уникальным способом процесс интеграции китайского языка с языками различных стран и народов по всему миру, а также интуитивно отражают развитие и изменения в различных областях. Существуют различные классификации китайских заимствований. Мы в основном делим их на три категории заимствований – фонетические, семантические и фонетико-семантические заимствования, а также рассматриваем особую категорию буквенных заимствований в китайском языке. Мы можем переводить заимствования с помощью таких стратегий, как транскрипция, транслитерация, лексико-семантические замены, экспликация (или описательный перевод) и др., с целью более точной передачи значения китайских заимствований и дальнейшего обогащения исследования китайских заимствований.

Библиография

1. Добродомов И. Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 158–159.
2. Чэн Юань. Язык и человек. – Пекин: Коммерческая пресса, 2003. С. 98.
3. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 344–382.
4. Кан Шион, Лю Хайрун. Словарь неологизмов современного китайского языка. – Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2009. С. 3.
5. Хаматова А.А. Влияние глобализации на лексику современного китайского языка // Тезисы 2-ой региональной научно-практической конференции «Россия-Восток-Запад. Проблемы межкультурной коммуникации». 22 апреля 2005. – Владивосток, 2005. С. 58–59.
6. Лю Юнцюань. Словарь буквенных слов китайского языка. – Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2001. С. 278.
7. Хоу Мин. Практический словарь буквенных слов. – Пекин: Шанъу иньшугуань, 2014. С. 240.
8. Звездная команда Первого, которая поможет разобраться во всех тонкостях соревнований, уже в Пекине. [Электронный ресурс]. 2022. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2022-01-31/420377-zvezdnaya_komanda_pervogo_kotoraya_pomozhet_razobratsya_vo_vseh_tonkostyah_sorevnovaniy_uzhe_v_pekine (дата обращения: 16.03.2024).
9. Китай неожиданно столкнулся с острым дефицитом символа зимних игр. [Электронный ресурс]. 2022. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2022-02-15/421110-kitay_neozhidanno_stolknulsya_s_ostrym_defitsitom_simvola_zimnih_igr (дата обращения: 20.03.2024).
10. Буров В.Г., Семенас А.Л. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. – М.: Восточная книга, 2007. С. 735.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Виды китайских заимствований и их способы перевода на русский язык», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», посвящена выявлению особенностей появления неологизмов в китайском языке, а также рассмотрению использования китайских слов в других языках. Исследование написано на актуальную тему, так как проблема возникновения неологизмов в современных условиях в различных языках связана с процессами неконтролируемого заимствования, чаще всего посредством СМИ, которые помогают закрепить в языках не свойственные структуре того или иного языка словоформы. В плане создания неологизмов китайский язык всегда отличался корректным отношением к заимствованиям, строгим отбором и кодификацией. Новые слова последних лет, анализируемые в рецензируемой статье, характеризуют специфику протекания этого процесса в настоящем времени. Поэтому тема, разрабатываемая в исследовании, актуальна. Основными методами исследования послужили описание, наблюдение, анализ, метод сплошной выборки лексем. Структура статьи логична, стиль изложения соответствует требованиям научного описания.

Автор, подразделив новообразования в языке на традиционные три категории

заимствований – фонетические, семантические и фонетико-семантические заимствования, рассматривает также особую категорию буквенных заимствований в китайском языке, которых в настоящее время насчитывается большое количество (приводится «Практический словарь буквенных слов» 2014 года, в котором содержится 5000 буквенных слов); отмечает переводческие стратегии (транскрипция, транслитерация, лексико-семантические замены, экспликация (или описательный перевод)), наиболее точно отвечающие появлению эквивалентов в языке перевода. Кроме того, вызывает интерес паспортизация отдельных неологизмов, т.е. указание времени появления неологизмов в языке («吃瓜群众, 杠精, 锦鲤 и др.）, что может быть использовано в последующем при составлении этимологических словарей, научных работ по истории языка.

На наш взгляд, статья «Виды китайских заимствований и их способы перевода на русский язык» будет интересна читателям, содержит новые сведения по лексикологии, контактному развитию языков, поэтому рекомендуется в печать. Однако автору необходимо доработать текстовое оформление, т.к. в ней имеются тавтологии (наиболее распространенным явлением является заимствование слов; транслитерация позволяет максимально сохранить форму и стиль оригинального текста на основе верности оригинальному тексту), опечатки (ученный, географических), стилистические ошибки («Фонетические заимствования – это заимствованные из произношения иностранные слова»; «Первая половина данного слова «credit» является семантическая часть»; «Большинство этих слов английского происхождения появилось после реформы 1978 года. В то время среди них было очень мало китайцев, это были просто технические термины»; «Транскрипция – один из стратегий, часто используемых в русском языке при переводе иностранных вещей» и др.).

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Варианты ассимиляции мировых языков наблюдается уже достаточно давно. Как частное явление – заимствование – становится некоей нормой. Ученые спорят как это влияет на т.н. самобытность языка, пытаются разработать вариации защиты, призывают общество не так активно вводить в оборот слова иноязычного происхождения. Следовательно, направленность на изучение этих явлений закономерно, оправдано, актуально, что собственно и подтверждает данная работа. Материал ориентирован на выявление видов китайских заимствований, а также способов их перевода на русский язык. Акцент на проблемный вектор сделан в самом начале работы: «в XXI веке заимствованные слова являются важным источником пополнения неологизмов китайского языка. Темпы глобализации ускорили процесс возникновения заимствованных слов, и благодаря заимствованиям китайский язык стал более красочным. В последние годы в Китае также регулярно публикуется множество новых словарей неологизмов и заимствований». Работа информативна, содержательно насыщена. Материал можно продуктивно использовать при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Стиль соотносится с научным типом, вариаций фальсификата нет. Иллюстративный фон выбранного для исследования процесса достаточен: например, «когда иностранные слова попадают в другие языковые системы, они, очевидно, отличаются от лексических единиц других языковых систем, но в конечном итоге они могут быть ассимилированы. Другими словами, когда заимствования попадают в определенную языковую систему, они максимально адаптируются к правилам этой языковой системы. Например, слово «电话 телефон» было

впервые заимствовано из японского языка, которое является английским парофразом японского языка. С ростом популярности телефонов и увеличением частоты их использования населением слово «电话 телефон» постепенно адаптировалось к системе китайского языка из заимствованного слова и теперь его можно использовать как корень, а также производить новые слова, такие как «电话线 телефонная сеть; шнур», «电话亭 телефонная будка», «电话卡 телефонная карта», «电话费 счет за телефонный разговор», «电话会议 совещание по телефону», «电话记录 телефонная запись» и т.д.», или «фонетические заимствования – это заимствование лексических единиц с сохранением их звуковых форм и одновременно преобразование в письменную форму китайского языка. До начала XXI века фонетические заимствованные слова в основном составляли большинство географических и региональных названий, личных имен и названий товаров, такие как «伦敦» [lún dūn] – London – Лондон; «莫斯科» [mò sī kē] – Moscow – Москва; «古驰» [gǔ chí] – GUCCI – Гуччи. После XXI века фонетические заимствования, как правило, становятся более научно-технической, культурной лексикой» и т.д. Считаю, что автор статьи последовательно раскрывает тему, по ходу работы решает поставленные задачи, тем самым достигает цели сочинения. Ссылки и цитации даются в режиме открытых данных: «Авторы «Словаря неологизмов современного китайского языка», изданного в Шанхае в 2009 году, выделили три типа буквенных заимствований [4, с. 3]. Хаматова А.А. также разобралась типы буквенных заимствований, мы выбираем несколько типов, включая примеры, перечисленные ниже: – заимствованные буквенные аббревиатуры («WTO» – англ. World Trade Organization – рус. ВТО; «PC» – англ. Personal Computer – рус. персональный компьютер; «SMS» – англ. Short Message Service – рус. СМС); – иностранные слова в полном написании (Call – звонок; Style – стиль); – аббревиатуры, содержащие цифровой компонент («C2C» – англ. consumer to consumer – рус. потребитель для потребителя); – буквенные слова в сочетании с китайскими морфемами («IT时代» – рус. эпоха информационных технологий (эпоха ИТ); «3G手机» – «телефон 3G», третьего поколения; «BP机» – рус.пейджер)...» и т.д. Формы заимствования в работе представлены в спектральной раскладке, что придает ей должную научную новизну: например, «транскрипция – один из способов перевода, который часто используется при переводе иностранных слов на русский язык. Способ транскрипция в основном отражается в заимствованиях путем фонетического заимствований, исключая здесь оригинальные заимствования. Неологизмы, обозначающие представляющие вещи, уникальные для Китая, часто выбирают для транскрипции, когда они попадают в русский язык, примером чего может служить перевод талисманов зимних Олимпийских игр 2022 года в Пекине – 冰墩墩[bīng dūn dūn] – Бин Дунь Дунь и 雪融融[xuě róng róng] – Сюэ Жун Жун» и т.д. Фактор билингвы, который использует автор, уместен для неподготовленного читателя. Например, «Оригинал: Панда Бин Дунь Дунь – ледяное дитя, но с горячим сердцем, – и красный фонарик Сюэ Жун Жун – самый, пожалуй, узнаваемый символ китайской культуры – готовы встречать гостей. Геревод: 冰墩墩,热心的冰娃娃,和也许是中国文化最知名的象征雪融融——准备迎接客人。 Но в другом месте того же пресс-релиза слова «панда» и «(красный) фонарик» опущены, переведены прямой транскрипцией. Оригинал: Те, кто производят Бин Дунь Дуней, тоже были на каникулах и устранить дефицит не могли [9]. Перевод: 生产冰墩墩的人也在休假,无法消除短缺。» и т.д. Пользуясь случаем отмечу, что текст желательно вычитать, устраниТЬ недочеты: «например, «но в другом месте того же пресс-релиза слова «панда» и «(красный) о [Ф] онарик» опущены, переведены прямой транскрипцией», или «для неологизм, которые имеют одинаковый референт и могут быть непосредственно эквивалентными, с точки зрения конкретных стратегий перевода, полностью эквивалентные термины могут быть переведены способами эквивалента, а приблизительно эквивалентные – с помощью способа экспликации (описательный

перевод)» и т.д. Принципы анализа языковых процессов актуальны, вариант оценки достаточно грамотный. Выводы по тексту объективны, противоречий нет и в данном блоке, но языковая правка вновь нужна. Фактически цель сочинения достигнута, материал практически применим, общие требования учтены. Рекомендую статью «Виды китайских заимствований и их способы перевод на русский язык» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

Metaphorical terms as a source of enrichment of the veterinary terminology system in German

Khakimova Gulnara Ansarovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Head of the Department of Foreign and Russian languages, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Skryabin

109472, Russia, Moscow, Akad street. Scriabin, 23

✉ g.khakimowa@yandex.ru

Zaharova Svetlana Alekseevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign and Russian Languages; Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MBA named after K. I. Scriabin

109472, Russia, Moscow, Akademika Scriabin str., 23

✉ s.zakharova77@gmail.com

Abstract. The object of the study is the metaphor terms in the veterinary terminology system in modern German. The processes of metaphorization of veterinary vocabulary are considered as one of the sources of terminology formation, the analysis of veterinary metaphors in semantic, structural and etymological relations is carried out. Semantically, the terms-metaphors of the veterinary terminological system were grouped by the authors into 5 thematic groups, namely, "Animal body parts", "Diseases, their symptoms and pathologies", "Animals and living organisms", "Veterinary instruments and medicines" and "Diagnostic and therapeutic measures". Such types of metaphorical transference have been identified both by similarity of form and appearance, by similarity of functions, by similarity of impression, by similarity of location and by similarity in the way actions are presented. The main research methods determined by its purpose are semantic, structural and functional, the method of linguistic observation and description, in addition, elements of quantitative analysis are used. The material for the analysis was metaphorical terms in the field of veterinary medicine, taken from the "German-Russian veterinary Dictionary" by V. A. Beskhlebnov, as well as the veterinary lexicon in German. The main conclusions of the study include that, structurally, the most productive word-formation model among veterinary metaphor terms are determinative composites, followed in descending order by terminological phrases divided into attributive, genitive, attributive-genitive and prepositional, derivative metaphors are less productive and isolated cases of one-word metaphors have been identified. From an etymological point of view, the veterinary terminology system presents metaphor terms mainly of German origin, borrowings from other languages are found in small numbers. Metaphorical terms are firmly rooted in veterinary discourse, being one of the sources of replenishment of veterinary terminology.

Keywords: determinative composites, metaphorization, term formation, German language, veterinary discourse, veterinary terminological system, metaphorical transfer, term-metaphor, terminological phrases, hybrid term

References (transliterated)

1. Beskhlebnov, V. A. Nemetsko-russkii veterinarnyi slovar' (s ukazatelem russkikh terminov): Ok. 25000 terminov / Pod red. kand. biol. nauk V.A. Beskhlebnova. – M.: RUSSO, 1996. 464 s.
2. Wiesner E., Ribbeck R. Lexikon der Veterinärmedizin. 4., völlig neu bearb. Aufl. Stuttgart: Enke im Hippocrates Verlag GmbH, 2000. 1630 p.
3. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. Metafory kotorymi my zhivem : perevod s angliiskogo / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson ; obshchaya redaktsiya A. N. Baranova. – Moskva : Editorial URSS, 2004. 336 s.
4. Gak, V. G. i dr. Metafora v yazyke i tekste. / V. G. Gak, V. N. Teliya, E. M. Vol'f, E. O. Oparina, T. 3. Cherdantseva, Kh. D. Leemets, A. M. Shakhnarovich, N. M. Yur'eva, S. S. Gusev, E. A. Lapinya, N. A. Kozhevnikova, V. V. Petrov. – M.: Nauka, 1988. 176 s.
5. Arutyunova, N. D. Funktsional'nye tipy yazykovoi metafory // Izvestiya Akademii nauk SSSR / otvetstvennyi redaktor N. D. Arutyunova. – Moskva, 1978. – T. 37. – № 4. Seriya literatury i yazyka. S. 333-343.
6. Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticeskii, pragmaticeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. – M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 288 s.
7. Yusupova, L. G. Antropomorfnaia semantika angliiskikh mnogoznachnykh sushchestvitel'nykh: spetsial'nost' 10.02.04 – germanskie yazyki : diss. ... doktora filologicheskikh nauk / Yusupova Lyalya Gainullovna. – Magnitogorsk, 2022. 400 s.
8. Shuvalov, V. I. Metafora v leksicheskoi sisteme nemetskogo yazyka : spetsial'nost' 10.02.04 – germanskie yazyki : diss. ... doktora filologicheskikh nauk / Shuvalov Valerii Igorevich. – Moskva, 2006. 392 s.
9. Shuvalov, V. I. Metafora v leksicheskoi sisteme sovremennoi nemetskogo yazyka / V. I. Shuvalov. – 2-e izd., dop. i pererab. – Moskva : Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2019. 248 s.
10. Prihod'ko, V. K. Vyrazitel'nye sredstva yazyka : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / V. K. Prihod'ko. – M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008. 256 s.
11. Kharchenko, V. K. Funktsii metafory. – Voronezh : Izd-vo VGU, 1991. 88 s.
12. Mishankina, N. A. Metafora v nauke: paradoks ili norma? – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 282 s.
13. Gusev, S. S. Nauka i metafora / S.S. Gusev. – Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1984. 152 s.
14. Superanskaya, A. V., Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii / A. V. Superanskaya, A. V. Podol'skaya, N. V. Vasil'eva. Otv. red. T. L. Kandelaki. Izd. 6-e. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012. 248 s.
15. Naer, N. M. Stilistik der deutschen Sprache : Uchebnoe posobie / N. M. Naer. – Moskva: MPGU, 2015. 256 s.
16. Zakharova, S. A. Terminologizatsiya i metaforizatsiya v zemledel'cheskoi leksike i ee rol' v formirovaniii russkoi kartiny mira / 10.02.01 – Russkii yazyk: diss. ... k-na filol. nauk. Saratov, 2012. 153 s.
17. Timkina, Yu. Yu. Klassifikatsiya veterinarnoi terminologii v angliiskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2017. № 6(72): v 3-kh ch. Ch. 1. C. 156-158.
18. Kozinets, S. B. Zoonimy v obraznom prostranstve yazyka: metafora, srovnenie, frazeologizm // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2022. T. 22, vyp. 3. S. 254-260.
19. Balakhonov, A. V. Zoologicheskaya metafora v meditsinskoi terminologii / A. V.

- Balakhonov, D. I. Pankov, Yu. I. Stroev, L. P. Churilov // Russkaya rech'. 2022. № 6. S. 22-37.
20. Merzlikina, O. V. Zoomorfnye metafory «domashnii skot» v russkoi i galisiiskoi yazykovykh kartinakh mira // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2021. № 71. S. 114-132.
21. Abrosimova, E. A. Veterinarnyi diskurs v zerkale sovremennoy nauchnykh issledovanii: sistematiceskii obzor / E. A. Abrosimova, S. I. Madzhaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. Tom 15. Vypusk 3. S. 751-785.
22. Abrosimova, E. A. Kontseptualizatsiya mira rastenii v veterinarnoi klinicheskoi terminologii // Voprosy sovremennoi lingvistiki. 2023. № 4. S. 6-16.
23. Rozhkov, Yu. G. Strukturno-semantichekie osobennosti terminov veterinarnoi meditsiny // Obrazovatel'nyi protsess. 2019. № 9 (20). S. 12-18.
24. Yagenich, L. V. K voprosu o klassifikatsii terminologii veterinarnoi meditsiny v sovremennom angliiskom yazyke // Fundamental'naya nauka vuzam. – 2020. № 1. S. 342-351.
25. Sklyarevskaya, G. N. Metafora v sisteme yazyka. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2004. 166 s.
26. Stepanova, M. D. Slovoobrazovanie sovremennoy nemetskoy yazyka / Pod red. T. V. Stroevoy. Izd-e 2-e, ispr. M.: KomKniga, 2007. 344 s.
27. Reformatskii, A. A. Vvedenie v yazykoznanie: uchebnik dlya vuzov / pod red. V. A. Vinogradova. Izd-e 5-e, ispr. M.: ZAO Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2018. 536 s.
28. Sternin, I. A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi // Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 138 s.
29. Duden: in 12 Bdn. 5., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 1995. Bd. 4. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.
30. Duden: in 12 Bdn. 8., überarb. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut AG, 2009. Bd. 4. Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch.
31. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearb. Aufl. Tübingen: Walter de Gruyter, 2012.

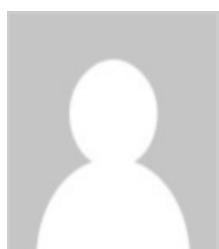
Translation Peculiarities of Religious Terminology in L.N.Tolstoy's Novel "Resurrection" into English

Bozhanova Kseniia Sergeevna

Assistant; Institute of Foreign Languages; Moscow State Pedagogical University

88 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia

 ks.bozhanova@mpgu.su

Abstract. The subject of the study is L.N. Tolstoy's novel "Resurrection" and its translations into English. As part of this work, two English translations will be analyzed, one of them ("The Resurrection") was made in 1899 by Louise Yakovlevna Mood and published by "Alice and Books". The second translation titled "The Awakening" was translated by William Smith and published in 1900 by "New York Street Publishing House". The subject of the study is to identify ways of interlanguage translation of religious terminology from Russian into English. The main focus of the work is on the lexical and semantic analysis of religious lexical units, as

well as the analysis of types of translation transformations, of which the most frequent are the selection of equivalent correspondence, descriptive translation and transliteration. The work uses a comparative method that allows us to establish similarities and differences of lexical units in the text of the original novel "Resurrection" and its translations. By means of the contextual analysis method, the dependence of the meaning of these units on the context is analyzed. Using the continuous sampling method, religious terminology is selected and divided into thematic groups: "Names of the sacraments and lexemes associated with them", "Elements and forms of worship", "Elements of the church calendar", "Objects of worship", "Names of the Church hierarchy", "The Temple and its structure, parts", "Vestments of the clergy, their individual parts", "Prayers, texts of prayers and hymns and their components", "Names of church holidays", "Names of books of church content", "Names of ritual food" and "Names of persons of spiritual guarantors". The main difficulty in translation is the rather wide and diverse use of religious nominations, for which the translator needs to understand in detail the features and differences of religious terminology.

Keywords: Tolstoy, translation transformations, comparison, literary text, translation, transliteration, transcription, equivalent, ways of translating, religious terminology

References (transliterated)

1. Azarov A.A. Bol'shoi anglo-russkii slovar' religioznoi leksiki. Comprehensive English-Russian Dictionary of Religious Terminology / A.A. Azarov. M.: Flinta: Nauka, 2004. 808 s.
2. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie /I. S. Alekseeva. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, M.: Akademiya, 2004. 352 s.
3. Bulavina S. V. Russkie ustochivye slovosochetaniya, soderzhashchie tserkovno-religioznyu leksiku: avtoref. dis. ... kand. filologich. nauk / S. V. Bulavina. Voronezh, 2003. 156 s.
4. Goryushina, R.I. Leksika khristianstva v russkom yazyke (sistemye otnosheniya pramykh konfessional'nykh i proizvodnykh svetskikh znachenii slov). Volgograd, 2002. 179 s.
5. Gudzii N.K. Iстория писаний и печатаний «Воскресения». — L. N. Tolstoi. Poln. sobr. soch., t. 33, «Khudozhestvennye proizvedeniya L. N. Tolstogo v perevodakh na inostrannye yazyki. Otdel'nye izdaniya. Bibliografiya». M., 1961. S. 411–422.
6. Dal' V.I. Tolkovy Slovar' Zhivago Veliko ruskago Yazyka. ch. 1. A-Z. 1863 g. URL: https://vk.com/doc41101372_658310188hash=APvmQD8RJqFJOz9qMcvnxE44zq1HxIq4GIJqaTnl2jz&dl=GFpUf27nvz1zBzVIyIKWJHhIAwW1VAnpAIqSZvcyLHT (data obrashcheniya: 29.04.2024).
7. Dal' V.I. Tolkovy Slovar' Zhivago Veliko ruskago Yazyka. ch. 2. IO.1865 g. izd.pdf URL: https://vk.com/doc41101372_658310218hash=A5b4o3BF00wSF8JDIhISpS480QbQmli7vmuZfvY2Ge4&dl=ZIItwtWYqYOpHYrPGbXp4Pp5anmrFIMb80dLbFQhZCD (data obrashcheniya: 29.04.2024).
8. Dal' V.I. Tolkovy Slovar' Zhivago Veliko ruskago Yazyka. ch. 3. P. 1865 g. izd.pdf URL: https://vk.com/doc41101372_658310246hash=SFEoAEyqsonUZTY1QNEhOiZxmAzG9iPzzFea2C1tkms&dl=VITh98aZ3YH8BK8TCYjxC1HO1b40xDyeq4DXKD9cfZD (data obrashcheniya: 29.04.2024).
9. Dal' V.I. Tolkovy Slovar' Zhivago Veliko ruskago Yazyka.ch.4.RV.1866 g. izd.pdf URL: https://vk.com/doc41101372_658310278hash=i2ZtHYdiqhCXKgagnOMabVK4jsApbjzJCxyjD87e2Ss&dl=4YHZFRalUtjEAhj3Jxk9zcfyHModqoH9fW91iaISquT (data obrashcheniya: 29.04.2024).

29.04.2024).

10. Myuller V.K. Russko-angliiskii slovar'. URL:https://gufo.me/dict/enru_mullerysclid=luwnjhd2eg607279689 (data obrashcheniya: 29.04.2024).
11. Prilutskii A. M. Semiotika religii: Filosofsko-religiovedcheskie issledovaniya / A. M. Prilutskii. Spb.: Izd. dom «Inkeri», 2007. 218 s.
12. Sklyarevskaya G.N. Slovar' pravoslavnoi tserkovnoi kul'tury. SPb., "Nauka", 2000. 278 s.
13. Smirnova S.A. O ponyatii «tserkovnaya leksika»//Nauchnyi dialog – 2014. № 12 (36): Filologiya. S. 84–97.
14. Timofeev, K.A. Religioznaya leksika russkogo yazyka kak vyrazhenie khristianskogo mirovozzreniya: uchebnoe posobie. Novosibirsk, 2001. 88 s.
15. Tolstoi L.N. «Voskresenie». M.:Izdatel'stvo AST, 2023. 600 s.
16. Ustav pravoslavnogo bogosluzheniya. URL: Ustav pravoslavnogo bogosluzheniya, §1. Tserkovnosluzhiteli, ikh funktsii i oblacheniya - Aleksei Sergeevich Kashkin - chitat', skachat' (azbyka.ru)(data obrashcheniya: 29.04.2024).
17. Chetyrina, A.M. K voprosu o razgranichenii tserkovnoi i religioznoi leksiki v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka // Aktual'nye voprosy izucheniya duchovnoi kul'tury. M Yaroslavl': Remder, 2010. S. 104–108.
18. Etimologicheskii slovar'. URL: Etimologicheskii slovar' Krylova (gufo.me) (data obrashcheniya: 29.04.2024).
19. ABBYY Lingvo — Slovar' ABBYY Lingvo x6. Mnogoyazychnaya versiya (elektronnyi resurs). URL: www.lingvo.ru (data obrashcheniya 11.02.2024) Russko-angliiskii slovar' obshchei leksiki. OOO «Kontent II», 2022 (sozdan v 2014). (data obrashcheniya: 29.04.2024).
20. Findlater Andrew Chambers's etymological dictionary of the English language. URL: <https://archive.org/details/chambersetymolo00findrich/page/362/mode/2up?ref=ol> (data obrashcheniya: 29.04.2024).
21. Tolstoy Leo. Resurrection. Translated by Mrs. Louise Maude. URL: Resurrection, by Leo Tolstoy (gutenberg.org). (data obrashcheniya: 29.04.2024).
22. Tolstoy Leo. The Awakening. Translated by WILLIAM E. SMITH. URL: Voskresenie — The Awakening - chitat' na angliiskom i perevodit' tekst (liteka.ru) (data obrashcheniya: 29.04.2024).
23. Webster's new international dictionary of the English language,based on the International dictionary of 1890 and 1900. URL: Webster's new international dictionary of the English language,based on the International dictionary of 1890 and 1900. : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive. (data obrashcheniya: 29.04.2024).

Cultural codes in epic works of Belarusian literature at the turn of the XX-XXI centuries

Duktava Liubou Georgieuna

PhD in Philology

Senior Researcher; Center for Research of Belarusian Culture; Language and Literature of the National Academy

Abstract. The article is devoted to the consideration of cultural codes in Belarusian prose at the turn of the 20th-21st centuries. Research objectives: to justify the use of the term cultural code as a literary concept; using the example of different types of codes to show the features of interpretation of a literary work. The subject of the research is spatial, character, action, animalistic, floristic, color codes in the epic works of Vladimar Gnilomedov, Kastus Tsvirka, Viktor Kazko, Ales Navarich, Andreji Fedorenko. It is noted that the cultural code as a semiotic unit, which is the bearer of deep historical and cultural meanings through which social, economic, geopolitical, cultural features, the specifics of the national worldview, behavior patterns of representatives of a certain nation or the population of the country as a whole are manifested, is considered in literary studies within the framework of semiotic approach. Methods (historical-literary, structural, semantic) and methodological basis of the study are the works of M. Epstein, Y. Kristeva, V. Khalipov, I. Shved and others. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the features of the use of cultural codes in the epic works of modern writers are analyzed. Conclusions are drawn that among the cultural codes found in Belarusian prose, emphasizing national markings, are "partisan forest", "kuzhal", "cornflower", "Belarusian partisan", "volkolak", "tolokak", etc. Practical area application of the results of the work is seen in the possibility of using this material for a deep understanding and study of such academic disciplines as "History of Literature of the CIS Countries", "History of Belarusian Literature", university historical and literary courses, during independent research work of students, when writing coursework and theses.

Keywords: prose, Belarusian literature, plant code, animal code, subject code, spatial code, story, novel, national cultural code, code

References (transliterated)

1. Khalipov V.V. Semioticheskaya model' mirovogo literaturnogo protsessa. V 2 ch. Ch. 1: Strukturalistskaya versiya. Minsk: RIVSh, 2014. 142 s.
2. Gnilamedaŭ U.V. Valoshki na myazhy. Minsk: Mastatskaya litaratura, 2014. 574 s.
3. Gnilamedaŭ U.V. Vaina. Minsk: Belaruskaya navuka, 2014. 628 s.
4. Shaladonaŭ I.M. Ezkzstantsyiny vobraz partyzana į apovestsyakh belaruskikh pis'mennikaŭ KhKh stagoddzya // Natsional'naya filosofiya v global'nom mire. Minsk: Pravo i ekonomika, 2017. S. 66.
5. Averintsev S.S., Epstein M.N. Mify // Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. S. 224.
6. Tsvirka K. Voŭchaya vyspa. Minsk: Kharvest; 2019. 640 s.
7. Fedarenka A. Afganskaya shkatulka: apovests', apavyadanni. Minsk: Mastatskaya litaratura, 2020. 256 s.
8. Shved I.A. Koleravy kod abradaŭ zhytstsevaga tsyskla belarusaŭ i inshykh slavyan // Movaznaŭstva. Litaraturaznaŭstva. Fal'klarystyka. XV Mizhnarodny z'ezd slavistaў. daklady belaruskai delegatsyi. Minsk, 2013. S. 345-358.

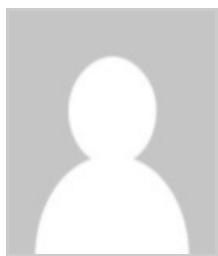
Mastering the ways of indicating transport when mastering Russian as a native and as a foreign language

Wang Lina

Postgraduate student; research group "Russian language, languages of the Peoples of Russia"; St. Petersburg State University

199058, Russia, Leningrad region, St. Petersburg, Morskaya nab., 39, sq. 48

✉ linawang511@gmail.com

Abstract. The subject of the article's research is the peculiarities of prepositional-case constructions with the meaning of vehicle in children's monolingual speech, in the speech of Chinese students studying Russian as a foreign language and in the speech of heritage Russian speakers with different dominant languages. The study examines case constructions with the meaning of movement. The specificity of mastering grammatical construction in the course of mastering Russian as a native language, as one of the native languages, and as a foreign language is analyzed. The research material was experimental data collected in a children's classroom and in an adult foreign audience, as well as information from the "Russian Academic Corps /RLC" (Corpus of the Linguistic Laboratory for Corpus Technologies of the National Research University Higher School of Economics, containing information about the development of Russian as a foreign language and native speakers of Russian with different dominant languages).

The research methodology included: longitudinal observation of the speech of monolingual children, psycholinguistic experiment in a foreign audience, corpus research method; comparative research, semantic and functional analysis.

The scientific novelty of the proposed work lies in the fact that for the first time a comparative analysis of data is presented that describes the ways of mastering the case construction with the meaning of indicating transport by Russian-speaking children, Chinese students and heritage native speakers of the Russian language. Typical differences and errors in the choice of construction are considered, the strategy of simplification in the speech of foreign students is described, and the ways of grammatical interference are analyzed. Analysis of errors made by Russian-speaking children and adult foreigners allows us to draw conclusions about the specifics of mastering Russian case meanings. Errors in choosing a case ending with a correctly chosen preposition are often observed in the speech of foreign students and heritage speakers, but do not appear in children's speech. Thus, in the Russian language there is a wide variety of ways to indicate a vehicle. Choosing the correct construction when indicating transport represents a specific difficulty in the course of mastering Russian as a foreign language and requires special attention.

Keywords: prepositional case construction, mediation, an important carrier, the important language, foreign language, native first language, Ontolinguistics, children's speech, speech error, case value

References (transliterated)

1. Abrosova E. K. Stanovlenie semanticheskikh funktsii padezhnykh form sushchestvitel'nogo v rechi detei 4–6 let (v norme i pri patologii). Avtoref. diss. ... kand. fil. n. SPb.: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2004. 290 s.
2. Beloshapkova V. A., Muravenko E. V. Sposoby vyrazheniya instrumental'nogo

- znacheniya v russkom yazyke // Russkii yazyk za rubezhom. 1985. № 6. S. 78-83.
3. Voeikova M. D Stanovlenie imeni: rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka / Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled., S.-Peterb. gos. un-t, Fil. fak. Moskva. 2015.
  4. Buzhinskii S. V. Semantika instrumental'nosti v yavnoi i skrytoi grammatike (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov): diss. ... k. fil. n. Kursk, 2013. 294 s.
  5. Vsevolodova M. V., Vladimirkii E. Yu. Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh znachenii v russkom yazyke. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008.
  6. Vezhbitskaya A. Delo o poverkhnostnom padezhe // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. M.: Progress, 1985. Vyp. 15. S. 303-341.
  7. Vlasova E.A. Izmeneniya v predlozhno-padezhnom upravlenii pri finsko-russkom dvuyazychii: korpusnyi analiz // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii. 2020. T. 2. № 16. S. 366-396.
  8. Vygotskii L. S. Myshlenie i rech' // Vygotskii L. S. Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1956. 519 s.
  9. Gvozdev A. N. Voprosy izucheniya detskoi rechi. Sankt-Peterburg: Detstvo-Press; Moskva: Tvorcheskii tsentr Sfera, 2007.
  10. Dobrenko E. I., Sokolova E. V. K voprosu o metodicheskikh osnovakh prepodavaniya russkogo yazyka kak rodного, nerodnogo i inostrannogo // Lingvokulturologiya. 2018. № 12. S. 78-84.
  11. Zalevskaya A. A. Vvedenie v teoriyu uchebnogo dvuyazychiya: uchebnik dlya magistrantov. Tver': Tver. gos. un-t, 2016.
  12. Ionova N. V. Semanticheskie funktsii padezhnykh form i predlozhno-padezhnykh konstruktsii imeni sushchestvitel'nogo v rechi detei doshkol'nogo vozrasta. Avtoref. diss. ... kand. fil. n. ChGU. – Cherepovets, 2007. 145 s.
  13. Zolotova G. A. Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa. M.: Editorial URSS, 2006.
  14. Kalyuga M. A. Izmeneniya v upotreblenii tvoritel'nogo instrumental'nogo v russkom yazyke // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 22. № 2. S. 507-515.
  15. Kobtseva A.V. Kategoriya instrumental'nosti i sposoby ee eksplikatsii v tekstakh gazetno-publitsisticheskogo russkogo i nemetskogo yazykov: dis. ...kand. fil. N. Stavropol', 2006. 185 s.
  16. Kruglyakova T. A. Vybor predlozhno-padezhnoi formy v rechi rebenka vtorogo goda zhizni // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN. 2017. T. 13. № 3. S. 727-740.
  17. Kruglyakova T. A., Van L. Sposoby vyrazheniya instrumentiva v rechi russkikh detei i inostrantsev, osvaivayushchikh russkii yazyk v iskusstvennye i estestvennye usloviya // LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni L. A. Verbitskoi, 14–21 marta 2023 goda, Sankt-Peterburg: Cbornik tezisov. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2023. S. 666-668.
  18. Marushkina A. S., Rakhilina E. V. Oshibki v rechi kheritazhnykh govoryashchikh (na materiale tekstov russkikh emigrantov v SShA) // Problemy ontolingvistiki. Materialy mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 26–28 iyunya 2013 g. / Pod redaktsiei T. A. Kruglyakovoi. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2013. S. 435-440.
  19. Marushkina A.S., Rakhilina E.V. Korpusnye issledovaniya osobennosteirechi nestandardnykh govoryashchikh («kheritazhnyi» russkii) // Acta Linguistica Petropolitana / Trudy Instituta lingvist. issledovanii. 2015. № 1. S. 625-642.

20. Mustaioki A. Teoriya funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticeskikh struktur k yazykovym sredstvam. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010.
21. Niznik M. V chem raznitsa mezhdu eritazhnikami i bilingvami, ili nekotorye aktual'nye voprosy terminologii sovremennoi teorii dvuyazychiya // Uchitelyu russkoi zarubezhnoi shkoly: sbornik / Pod redaktsiei P.G. Gel'freikh i A. V Golubevoi. SPb.: Zlatoust, 2019. S. 90-97.
22. Khod'kova A. P. K voprosu o frantsuzskikh analogakh russkoi struktury glagol + bespredlozhnoe imya v tvoritel'nom padezhe // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2011. № 1 (7). S. 52-58.
23. Tseitlin S. N. Rechevyе oshibki i ikh preduprezhdenie. SPb.: ID «MiM», 1997.
24. Tseitlin. S. N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M.: Znak, 2009.
25. Tseitlin S. N., Kruglyakova T. A. O prirode rechevykh oshibok mnogoyazychnykh shkol'nikov // Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie. 2019. T. 1. № 2. S. 103-112.
26. Tseitlin S.N. K postroeniyu grammatiki promezhutochnogo yazyka // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii. 2015. T. 11. № 1. S. 515-538.
27. Yanssen B., Peeters-Podgaevskaya A. O vliyanii foneticheskoi yarkosti v interpretatsii padezhnykh otnoshenii u russkoyazychnykh i gollandsko-russkikh detei // Problemy ontolingvistiki. Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 23–26 marta 2016 goda / Pod redaktsiei T. A. Kruglyakovo. Ivanovo: LISTOS, 2016. S. 149-156.
28. Clahsen H., Felser C., Neubauer K., Sato M., Silva R. Morphological structure in native and nonnative language processing // Language Learning. 2010. № 60 (1). R. 21-43.
29. Janssen B. Meir N. Production, comprehension and repetition of accusative case by monolingual Russian and bilingual Russian-Dutch and Russian-Hebrew children // Linguistic Approaches to Bilingualism. 2019. № 9 (4-5). R. 736-765.

Language as a tool for creating a positive Image of the state in the system of Interstate Relations (using the example of China's Global Security Initiative)

Radus Larisa Alexandrovna

Senior Lecturer; Department of Far Eastern Languages; Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

119361, Russia, -, Moscow, Bolshaya Ochakovskaya str., 12k1, sq. 117

✉ yevgoloborod@gmail.com

Goloborodchenko Evgeniya Sergeevna

student; Faculty of Translation and Translation Studies; Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

141107, Russia, Moscow region, Shchelkovo, Nedelina str., 20, sq. 67

✉ yevgoloborod@gmail.com

Abstract. The article examines the language tools used to create a positive image of the state in the system of interstate relations using the example of China's global security initiative.

Special attention is paid to metaphors as a key element of linguistic influence. The article examines how various metaphorical techniques contribute to the formation of a favorable perception of China in the international arena. Attention is focused on the analysis of official texts related to the Global Security initiative in order to identify and interpret key metaphors. The object of our research is political discourse. The subject of the study is the image of China in the context of the representation of the Global Security Initiative. The research makes a significant contribution to the theory of intercultural communication and political linguistics, expanding the understanding of the role of language in interstate relations and the formation of public opinion. Critical discourse analysis allows us to evaluate the linguistic means of the text used, the pragmatic purpose of which includes not only an informational appeal to the world community explaining the political position of the Chinese government, but also the creation of a certain image of the country. A comprehensive analysis of the use of metaphors in official statements and documents of the People's Republic of China concerning the global security initiative is being conducted. This analysis allows us to identify specific metaphorical constructions that China uses to create a positive image in the international arena. The study deepens the understanding of how metaphors function in interstate relations and influence the perception of China as a peacemaker and stable partner. This includes studying how metaphors contribute to the formation of a positive image and strengthen trust between states. The findings of the study can be applied in the practice of international relations and diplomacy, providing recommendations on the use of language tools to improve the image of the state. This is important for developing effective public diplomacy and communication strategies. The conclusions of the article emphasize the importance of the competent use of metaphors as a tool of diplomacy and a strategic communication resource in the modern world.

Keywords: metaphor analysis, positive image, linguistic tools, political text, conflict resolution, ensuring global security, political discourse, metaphor, language means, image of the state

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Metafora // Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V.N. Yartseva. 2-e izd. M. : Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. S. 296–297.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. – S. 366.
3. Galumov E.A. Imidzh protiv imidzha. M.: Izvestiya, 2005. S. 371.
4. Kalinin O.I. Politicheskii imidzh kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanii // Filologicheskie nauki. 2015. №10. S. 79-83.
5. Kalinin O.I. Kreativnye metafory i rechevoe vozdeistvie v diskurse // Lingvistika kreativa (vypusk 31). Ural'skii filologicheskii vestnik №2. 2022. S. 469-482.
6. Kalinin O. I. Funktsional'nyi potentsial metafory v diskurse: diss. ... d. filol. n. M., 2022.
7. Kubryakova E.S. K opredeleniyu ponyatiya imidzh // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2008. №1. S. 5-11.
8. Perelygina E. B. Psichologiya imidzha: uchebnoe posobie. M., 2002. 223 s.
9. Suvorova I.S. Gosudarstvennaya politika kak instrument formirovaniya imidzha strany

- // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2013. №40. S. 150-162.
10. Sun' Yu., Kalinin O.I., Ignatenko A.V. Ispol'zovanie indeksov metaforichnosti dlya analiza rechevogo vozdeistviya metafory v tekstakh publichnykh vystuplenii politikov // Russ. J. Linguist. 2021. T. 25. № 1. S. 232-258.
  11. Teliya V.N. Metafora v yazyke i tekste. M.: Nauka, 1998. 176 c.
  12. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii. – Ekaterinburg, 2003.
  13. Chudinov, A.P. Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie / A.P. Chudinov. – M.: Flinta: Nauka, 2006. – 256 s.
  14. Chumikov, A. N., Bocharov, M. P. Svyazi s obshchestvennost'yu. Teoriya i praktika [Tekst] : ucheb. posobie / A. N. Chumikov, M. P. Bocharov. – M.: Delo, 2006. – 496 s.
  15. Shi Shu. Analiz metafor v kitaiskom politicheskem diskurse s pozitsii kognitivnoi teorii : (na materiale sbornika "Si Tszin'pin o gosudarstvennom upravlenii") / Shi Shu // Politicheskaya lingvistika. – 2022. – № 4 (94). – S. 154-159.
  16. 全球安全倡议概念文件 [V Internete] // 人民网 / red. 赵欣悦、岳弘彬. – 22 2 2023 г.. – <http://world.people.com.cn/n1/2023/0222/c1002-32628495.html>
  17. 王毅:落实全球安全倡议, 守护世界和平安宁 [V Internete] / avt. 国务委员兼外交部长 // 中华人民共和国中央人民政府. – 24 4 2022 г.. – https://www.gov.cn/guowuyuan/2022-04/24/content_5686889.htm

The Pushkin Myth in modern literature for children (based on the works of K. Strelnikova, M. Bershadskaya, Ai eN (Irina Krestyeva))

Marinina Yulia Anatol'evna □

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian and Foreign Philology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Mnin

603095, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1

✉ umarinina@gmail.com

Malyutina Oksana Aleksandrovna □

PhD in Law

Associate Professor; Department of Civil Law and Procedure; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

603095, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 1, room 406

✉ maljutinaoa@mail.ru

Abstract. The article presents an understanding of the functioning and role of the Pushkin myth in modern Russian children's literature. In the book of short stories by Kristina Strelnikova "The Magnificent Wreath of Wreaths", Maria Bershadskaya "Pushkin and Company" (the tenth story from the cycle "Big Little Girl"), the novella "P.Ushkin and Pixels" by AI eN (Irina Krestyeva), the story of Ksenia Dragunskaya "Pushkin is urgently needed!" Alexander Sergeevich Pushkin appears not only in the image of a great poet. His presence in modern texts for children, on the one hand, is due to the presence of the Pushkin myth in culture as a whole, on the other – the early acquaintance of children with the work and facts of the poet's biography. The specificity of the image of the personality and creativity of A.S. Pushkin is due to the peculiarities of children's perception: the biography and creativity of the writer are

transferred to the everyday sphere. During the research, historical, cultural, comparative and biographical methods of literary criticism were used. A.S. Pushkin in modern literature for children and adolescents is transformed from the image of a brilliant writer into the image of a friend whose everyday life is no less interesting and fascinating than his works. The texts of K. Strelnikova, M. Bershadskaya, and Ai eN reflect the facts of Pushkin's biography (studying at the Tsarskoye Selo Lyceum, marriage, duel), as well as his works (poems, fairy tales are quoted).

The Pushkin myth is undoubtedly the most significant literary myth, the myth of genius in Russian culture, which does not lose its relevance over time, but on the contrary, is becoming increasingly widespread in the mass consciousness. Modern children's literature actively uses trends characteristic of "adult" literature, including mythologization, the inclusion of myths about the "new cultural hero", which, of course, is A.S. Pushkin.

Keywords: image of a child, Strelnikova, Bershadskaya, intertextuality, author's image, children's literature, cultural hero, mythologization, Pushkin's myth, biographical myth

References (transliterated)

1. Tumanov D.V. Virtualizatsiya obraza A.S. Pushkina v traditsiyakh postmoderna // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. Tom 155. Kn.6. S. 153–161.
2. Sandler St. Commemorating Pushkin. Russia's Myth of a National Poet. Stanford: Stanford University Press, 2003. 432 p.
3. Two Hundred YEars of Pushkin: Alexander Pushkin: Myth and Monnument / Ed. R. Reid and J. Andrew. Amsterdam, New York, NY: Rodopi, 2003. 211 r.
4. Khamidulin A. M., Babaeva A. V. Opyt aprobatsii kontent-analiza v issledovanii kontseptsii «Russkaya ideya» // Vestnik Mininskogo universiteta. 2024. T. 12, № 1. S. 10. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-10.
5. Erlikh S.E. Mif o Pushkine v sovremennoi rossiiskoi publitsistike // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2013. №12 (113). S. 173-178.
6. Horowitz B. The Myth of A.S. Pushkin in Russia's Silver Age. M.O. Gershenson, Pushkinist. Evanstone, Illinois: Northwestern University Press, 1996. 129 p.
7. Smith A. Pushkin as a Cultural Myth: Dostoevskii's Pushkin Speech and Its Legacy in Russian Modernism // Dostoevskii's Overcoat: Influence, Comparison, and Transposition. Amsterdam, New York, NY: Rodopi, 2013. Rp.123-147.
8. Markovich V.V. Transformatsiya pushkinskogo mifa o poete i poezii v lirike poetov leningradskogo andegraunda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005. Ser. Vyp. 1. S. 3-14.
9. Abramova V.I., Arkhangel'skaya Yu.V. Pushkinskii mif v fol'klore runeta: biograficheskii aspekt // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 4(49). S. 357-361. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).357-361
10. Shemetova T.G. Personifikatsiya istoricheskoi pamyati v mifakh o Pushkine i Brodskom // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2012. №18 (98). S. 115-123.
11. Bershadskaya M. Bol'shaya malen'kaya devochka. Iстория девятая. Pushkin i kompaniya. M: KompasGid, 2016. 48 s.
12. Saraskina L.I. Pushkinskii mif v russkoi kul'ture: legendy, anekdoty, klishe //

- Khudozhestvennaya kul'tura. 2018. № 4. S. 128-161.
13. Faryno E. Pamyatniki Pushkinu s vysoty ptich'ego poleta // Kul'tura i tekst. 2014. № 2. S. 5-92.
  14. Bershadskaya Mariya Vladimirovna // ProDetLit. Vserossiiskaya entsiklopediya detskoj literatury. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: [https://prodetlit.ru/index.php/%D0%91%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0\(data obrashcheniya: 10.12.2022\).](https://prodetlit.ru/index.php/%D0%91%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0(data obrashcheniya: 10.12.2022).)
  15. Cтрельникова К. Великолепный Веня Венчиков. М.: Egmont Rossiya Ltd, 2017. 64 с.
  16. Вайракх Ю.В., Казорина А.В. Авторская форма мифа в прозе М.А. Булгакова и повести С.Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 11-15.
  17. Аяна Н. Азот и Селедочкина. П.Ушкун и пиксели. М.: Nigma, 2022. 192 с.
  18. Виролайнен М.Н. Культурные герои «нового времени» // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1995. С. 329-349.
  19. Шеметова Т.Г. Пушкин в современной литературе // Вестник Бурятского университета. 2010. Выпуск 10. С. 201-206.
  20. Паркс Л. The Chekhovian Intertext: Dialogue with a Classic. The Ohio State University Press, 2008.

The speech genre specifics of educational audio podcasts

Egoshkina Violetta Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Journalism and Media Linguistics, Dostoevsky Omsk State University

55 Mira ave., Omsk, Omsk region, 644077, Russia

 v.egoshkina@yandex.ru

Abstract. In the modern media field, new formats implemented in the Internet space are gaining more and more popularity. Convergent processes generate new forms of media content. One of these phenomena is the audio podcast, which is currently not sufficiently studied, many aspects need scientific reflection. In particular, the speech-genre specificity of audio podcasts is of research interest. The object of the undertaken research is educational audio podcasts presented on the platform Smotrim.ru ("100 Minutes" – 26 issues, "Literary squabbles" – 11 issues, "Conversations about literature" – 14 issues, "Diary of his Wife" – 11 issues) and Polka.academy ("Between the lines" – 17 issues), published from 2021 to 2024. The purpose of the article is to identify and describe the basic secondary speech genre, representing its primary speech genres objectified in the media texts under study. To achieve the stated goal, both general scientific research methods and private techniques used in media linguistics and media stylistics are used – comparison and interpretation of linguistic facts, speech-genre analysis of media texts. The study of media texts in the context of speech genre studies is relevant and promising, since this research paradigm allows us to identify and describe the basic structural elements of the genre, communicative specifics, intentions and roles of the addressee, to determine the linguistic and stylistic originality of the represented texts. The article presents various points of view on the phenomenon of audio podcasting, formulates its definition, which takes into account not only the technical properties of audio podcasts, but also their content specifics, provides classifications of audio podcasts,

systematizes approaches to understanding and researching speech genres, identifies and characterizes the basic secondary speech genre of informative conversation, as well as dominant primary speech included in its structure genres.

Keywords: media text, media discourse, speech genre, media stylistics, media linguistics, convergence, educational audio podcast, audio podcast, speech genre studies, genristics

References (transliterated)

1. Egorova L. A. Osobennosti funktsionirovaniya zvuchashchego nauchno-populyarnogo diskursa v gipermediinoi srede // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2008. № 3. S. 98-103.
2. Karpenko I. I. Radioveshchanie v internete: teoriya, tipologiya, spetsifikasi zhurnalistskoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2009. 22 s.
3. Volnukhina V. I. Podkast kak samostoyatel'naya edinitsa v sovremenном kul'turnom mediaprostranstve // Kul'tura i gumanitarnye nauki v sovremennom mire: Sbornik nauchnykh statei / pod red. O.V. Arkhipovoi. SPb: Nauchno-issledovatel'skii tsentr «Peresvet», 2019. S. 41-49.
4. Dorofeeva A. A. Podkasting: novoe radio v Internete // Vek informatsii. 2018. № 1. S. 192-199.
5. Bal' V. Yu. Audiokniga, audiopodcast, audioserial – novye formaty mediaprostranstva // Bibliosfera. 2020. № 1. S. 56-63.
6. Berezhnaya M. A. Chto za chudo-yudo zamorskoe – muzeinyi podcast? // Vremya Muzyeja. 2019. Vypusk 2. S. 441-458.
7. Khasanova L. I. Podkast kak obrazovatel'noe mediasredstvo // Tsifrovoe razvitiye ekonomiki i sotsial'noi sfery Udmurtskoi Respubliki: aktual'nye voprosy i rol' vysshei shkoly: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. / pod red. A. M. Makarova. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2019. S. 275-279.
8. Raspopova S. S. Podkasty – eto prosto udobno // Zhurnal. 2018. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://jrnlst.ru/podcasting> (data obrashcheniya: 28.05.2024).
9. Sazhina E. V., Murav'eva A. A. Zhanr «Podkast» v prostranstve internet-diskursa // Aktual'nye voprosy sovremennoi lingvistiki: materialy VIII Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii / pod red. M. N. Levchenko. M.: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2021. S. 56-60.
10. Agafonova L. I., Anikina Zh. S. Didaktiko-metodicheskie osobennosti ispol'zovaniya podkastov pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze // Pis'ma v Emissiya. Offlain. 2011. № 12. S. 1703.
11. Sladkomedova Yu. Yu. Kul'turno-prosvetitel'skie programmy na gosudarstvennom radio: strukturno-funktsional'nye i zhanrovo-tematicheskie osobennosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2010. 21 s.
12. Bakhtin M. M. Sobranie sochinений в 7 томах. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. 730 s.
13. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
14. Dement'ev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov. M.: Znak, 2010. 600 s.
15. Sherstyanykh I. V. Teoriya rechevykh zhanrov: lektsionno-prakticheskii kurs dlya magistrantov. M.: FLINTA, 2013. 552 s.
16. Smirnov V. V. Zhanry radiozhurnalistiki: uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Aspekt Press, 2002. 288 s.
17. Sedov K. F. Ssora // Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya.

- M.: Labirint, 2007. S. 259-269.
18. Arutyunova N. D. Dialogicheskaya modal'nost' i yavlenie tsitatsii // Chelovecheskii faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deiksis. M.: Nauka, 1992. S. 52-79.
  19. Khisamova G. G. Issledovanie dialoga s pozitsii teorii rechevykh zhanrov // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 21. S. 164-169.
  20. Kozhevnikova K. V. Ob aspektakh svyaznosti v tekste kak tselom // Sintaksis teksta. M.: Nauka, 1979. S. 49-67.
  21. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoi. 2-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2006. 696 s.
  22. Anisimova T. V. Tipologiya zhanrov delovoi rechi (риторический аспект): dis. ... dokt. filol. nauk. Krasnodar, 2000. 349 s.
  23. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. M.: Russkie slovari, 1996. 411 s.
  24. Lebedeva N. B. Zhanry estestvennoi pis'mennoi rechi // Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnaya kommunikatsiya. M.: Labirint, 2007. S. 116-124.
  25. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra // Zhanry rechi. 1997. № 1. S. 88-98.
  26. Egoshkina V. A. Rechezhanrovaya spetsifikasi programm razvlekatel'nogo radiodiskursa // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2017. № 3(29). S. 58-64. DOI 10.17238/issn1998-5320.2017.29.58.
  27. Egoshkina V. A. Oposredovannaya beseda s adresatom: reprezentatsiya rechevogo zhanra v nauchno-populyarnom mediadiskurse // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2023. № 10 (136). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://research-journal.org/archive/10-136-2023-october/10.23670/IRJ.2023.136.38> (data obrashcheniya: 28.05.2024). DOI: 10.23670/IRJ.2023.136.38.

Types of Chinese loanwords and their ways of translation into Russian

Shen Yina

PhD in Philology

Postgraduate student; Graduate School of Translation (Faculty); Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie gory, GSP-1, 1st academic building (1st GUM), 1, p. 51, room 1150

 shenyina@mail.ru

Abstract. Foreign loanwords are one of the sources of replenishment of the vocabulary of any language. Words of foreign languages make up a significant proportion of Chinese neologisms. The purpose of this study is to classify borrowings in modern Chinese and briefly discuss the methods of their translation into Russian. The object of this article is loanwords in Chinese neologisms based on dictionary materials, and the subject of this work is the types of Chinese loanwords. The material selected for this article is based on the dictionary of "Chinese-Russian dictionary of new words and expressions". This article briefly analyzes the classification of Chinese loanwords, split into three categories: phonetic, semantic and phonetic-semantic loanwords. Then summarizes their main methods of translation using examples. The following methods were used in the work: random selection, descriptive, contextual and transformational analysis. The component analysis method was used to analyze individual words in the text. In conclusion, the types of loanwords from the dictionary since the XXI century are analyzed and the results obtained are summarized. It is shown that when translating Chinese borrowings into Russian, transcription, transliteration, lexico-

semantic substitutions, and explication of these four translation methods can be mainly used. The scientific novelty of this article lies in the fact that, based on the analysis of specific examples, it systematizes three types of Chinese loanwords and discusses letter loanwords unique to the Chinese language, which enriches the current results of the study of Chinese loanwords. On the other hand, with the development of time and the constant appearance of new words, the need to translate new Chinese vocabulary into other languages has become acute. This article attempts to provide some reference value to the Russian translation of Chinese loanwords.

Keywords: phonetic and semantic loanwords, semantic loanwords, phonetic loanwords, types of loanwords, translation of borrowings, Chinese loanwords, borrowings, loanwords, neologism, translation methods

References (transliterated)

1. Dobrodomov I. G. Zaimstvovanie // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / pod obshch. red. V. N. Yartseva. – M. : Sov. entsiklopediya, 1990. S. 158–159.
2. Chen' Yuan'. Yazyk i chelovek. – Pekin: Kommercheskaya pressa, 2003. S. 98.
3. Khaugen E. Protsess zaimstvovaniya // Novoe v lingvistike. – M. : Progress, 1972. Vyp. 6. S. 344–382.
4. Kan Shiyun, Lyu Khairun. Slovar' neologizmov sovremennoj kitajskogo jazyka. – Shankhai: Shankhai tsyshu chuban'she, 2009. S. 3.
5. Khamatova A.A. Vliyanie globalizatsii na leksiku sovremennoj kitajskogo jazyka // Tezisy 2-oi regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rossiya-Vostok-Zapad. Problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii». 22 aprelya 2005. – Vladivostok, 2005. S. 58–59.
6. Lyu Yuntsyuan'. Slovar' bukvennykh slov kitajskogo jazyka. – Shankhai: Shankhai tsyshu chuban'she, 2001. S. 278.
7. Khou Min. Prakticheskii slovar' bukvennykh slov. – Pekin: Shan'u in'shuguan', 2014. S. 240.
8. Zvezdnaya komanda Pervogo, kotoraya pomozhet razobrat'sya vo vsekh tonkostyakh sorevnovanii, uche v Pekine. [Elektronnyi resurs]. 2022. – Rezhim dostupa: https://www.1tv.ru/news/2022-01-31/420377-zvezdnaya_komanda_pervogo_kotoraya_pomozhet_razobratsya.vo_vseh_tonkostyah_sorevnovaniy_uzhe_v_pekine (data obrashcheniya: 16.03.2024).
9. Kitai neozhidanno stolknul'sya s ostrym defitsitom simvola zimnikh igr. [Elektronnyi resurs]. 2022. – Rezhim dostupa: https://www.1tv.ru/news/2022-02-15/421110-kitay_neozhidanno_stolknul'sya_s_ostrym_defitsitom_simvola_zimnih_igr (data obrashcheniya: 20.03.2024).
10. Burov V.G., Semenas A.L. Kitaisko-russkii slovar' novykh slov i vyrazhenii. – M.: Vostochnaya kniga, 2007. S. 735.